

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО Science. Culture. Society

№ 3 / 2026

Том 32

Тема выпуска:

Институциональное и социальное конструирование
женских ролей и семейных ценностей

DOI: [10.19181/nko.2026.32.3](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3)

EDN: [RQUIGQ](https://www.edn.ru/RQUIGQ)

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издаётся с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в РИНЦ, перечень ВАК (К2), Белый список/ЕГПНИ (Уровень 3, 2025).

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва
2026

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН).

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ФНИСЦ РАН.

Иванов Вилен Николаевич, чл.-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Буланова Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и госуправления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, РГГУ.

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет

Дудина Виктория Ивановна, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Евтич Миролjub, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, профессор, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (Казахстан).

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Константинова Лариса Владимировна, доктор социологических наук, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, доцент, РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор, РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН; Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, ИСД ФНИСЦ РАН; РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, доцент, Воронежский филиал РАНХиГС.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН.

Сингх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, ИСД ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, FCTAS RAS.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladimir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marina B. Bulanova, Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Galina S. Denisova, Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University

Victoria I. Dudina, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Mirosljub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirowa, Doctor of Sociology, Professor, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan).

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPa.

Larisa V. Konstantinova, Doctor of Sociology, Professor, Plekhanov Russian University of Economics.

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPa.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPa.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute of Social Demography of FCTAS RAS; Plekhanov Russian University of Economics.

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPa Voronezh branch.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute of Social Demography of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Franc E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

К читателю	6
----------------------	---

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Милованова М. Ю.

«Женские крылья» российских партий: социальная агентность и политический потенциал накануне думских выборов 2026 года	9
--	---

Овчарова О. Г.

Крепкая семья как традиционная ценность россиян: реализация новых мировоззренческих идей в деятельности Комитета ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства VIII созыва	27
--	----

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Великая Н. М., Родионова М. Е.

Религиозные организации как акторы гендерного дискурса: сравнительный анализ России и Казахстана (на примере РПЦ и ДУМК)	41
---	----

Раффа В.

Гендер, популизм и антипопулистское сопротивление: политическое конструирование образов женщин и гендера в Италии	61
--	----

Фео Н.

Конструирование нации: границы, идентичность и гендер в формировании национального сообщества итальянскими радикально-правыми силами . . .	74
---	----

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Пелле Л.

Фрейминг группового сексуального насилия в итальянской прессе: новостная ценность, интерсекциональность и искажение представлений о гендерном насилии	86
---	----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Козлова Н. Н., Рассадин С. В., Монахова Ю. А.

Женские организации стран Ближнего Востока: к вопросу о потенциале и перспективах развития социокультурного взаимодействия с российскими женскими организациями.	98
--	----

Прокопенко Л. Я.

Участие первых леди африканских стран в проектах общественного развития на примере Миали Радзуэлина (Мадагаскар). . . .	114
--	-----

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Швецова А. В.

Корпоративная поддержка материнства и карьерные возможности женщин . . .	132
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Селезнев И. А., Гребняк О. В.

Институт в лицах: фотокнига как документ научной памяти (к юбилею ИСПИ ФНИСЦ РАН)	143
--	-----

OPENING ADDRESS

To the reader	6
-------------------------	---

POLITICAL SOCIOLOGY

<i>Milovanova, M. Yu.</i> “Women’s wings” of Russian parties: social agency and political potential on the eve of the 2026 Duma elections	9
<i>Ovcharova, O. G.</i> Strong family as a traditional value among Russians: implementing new worldview ideas in the activities of the Committee of the State Duma on family protection, issues of fatherhood, motherhood and childhood, 8 th convocation.	27

MODERN POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA AND ABROAD

<i>Velikaya, N. M., Rodionova, M. E.</i> Religious Organizations as Actors in Gender Discourse: A Comparative Analysis of Russia and Kazakhstan (The Cases of the Russian Orthodox Church and the Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan)	41
<i>Raffa, V.</i> Gender, populism and anti-populist resistance: the political construction of women and gender in Italy	61
<i>Feo, N.</i> Producing the nation: borders, identity and gender in the construction of the national community by the Italian radical right	74

RESEARCH OF SOCIO-CULTURAL PROCESSES IN CIVIL SOCIETY

<i>Pelle, L.</i> Framing group sexual violence in the Italian press: newsworthiness, intersectionality, and the distortion of gender-based violence	86
---	----

INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Kozlova, N. N., Rassadin, S. V., Monakhova, Yu. A.</i> Women’s organizations in the Middle East: on the issue of potential and prospects for the development of socio-cultural interaction with Russian women’s organizations	98
<i>Prokopenko, L. Ya.</i> Participation of African first ladies in social development projects: the case of Mialy Rajoelina (Madagascar)	114

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

<i>Shvetsova, A. V.</i> Corporate support for motherhood and women’s career opportunities	132
--	-----

REVIEWS

<i>Seleznev, I. A., Grebnyak, O. V.</i> Institute in Faces: photobook as a document of scholarly memory (on the anniversary of ISPR FCTAS RAS)	143
--	-----

Редакторская заметка
EDN [BCPODH](#)

К ЧИТАТЕЛЮ

Предлагаем вашему вниманию очередной номер журнала, статьи в котором объединены темой: «Институциональное и социальное конструирование женских ролей и семейных ценностей».

Второе столетие женщины всего мира овладевают новыми социальными ролями и адаптируют традиционные, устоявшиеся ценности к современным вызовам — социально-политическим, культурным, технологическим. Иными словами, современные женщины не пассивно усваивают готовые модели поведения, основанные на заданных ценностных матрицах, а конструируют их, переосмысливают, интерпретируют, создают и встраивают в свой жизненный опыт. Этому сложному процессу способствует институциональное закрепление новых женских ролей и актуализированных ценностей. В нём принимают активное участие органы государственной власти, бизнес, СМИ, религиозные организации. И хотя в ряде случаев институциональная формализация ролевых и ценностных ориентаций может не совпадать с ожиданиями самих женщин, тенденции современного социума очевидны: учёт и анализ гендерных аспектов становятся неотъемлемыми практиками институтов и общества, ориентированных на преобразование общественных отношений в многомерном мире, требующем диалоговых стратегий.

Статьи, представленные в рубриках настоящего номера, являются интеллектуальной иллюстрацией тезиса о взаимосвязи институциональных и социальных норм, конструирующих и реконструирующих новые роли женщин, а также присущие им ценности.

Диптих первой рубрики «Политическая социология» посвящён ключевому внутриполитическому событию России 2026 года — выборам в Государственную Думу Федерального Собрания РФ IX созыва. *М. Ю. Милованова*, анализируя [социальную агентность «женских крыльев» российских политических партий накануне выборов в ГД](#), приходит к заключению о политическом эффекте женских внутрипартийных организаций — формировании легитимного канала рекрутирования женщин в политику в условиях отсутствия мер «позитивной дискриминации» и наличия социального запроса на феминные управленческие качества. В работе *О. Г. Овчаровой* рассматривается механизм институциональной трансляции ценности [«крепкая семья» в деятельности Комитета ГД по защите семьи, вопросам](#)

отцовства, материнства и детства VIII созыва. Автор приходит к выводу о том, что ценностные ориентиры, закреплённые в Указе Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» транслируются Комитетом через последовательный перевод неформальных ориентиров в институциональные решения, формируя ценностные алгоритмы россиян.

Вторая рубрика номера «Современные политические процессы в России и за рубежом» наиболее насыщена работами. Это позволяет представить тему женского социального развития в глобальном масштабе. *Н. М. Великая* и *М. Е. Родионова* предлагают читателю сравнительное исследование роли Русской православной церкви и Духовного управления мусульман Казахстана в формировании и трансформации гендерного дискурса в Российской Федерации и Республике Казахстан. Авторы приходят к выводу о двойственном значении религиозных институтов в изучаемых странах — как в виде поддержки традиционалистских представлений о женских ролях, так и в качестве механизма адаптации к их естественным модернизационным изменениям. В данном номере представлены и статьи коллег из ведущих университетов Италии. Их научные труды не только знакомят читателей с практиками гендерных отношений и формирования новых социальных репертуаров женщин в стране-«хранительнице античного духа», но и свидетельствуют об актуальности темы выпуска в международной научной повестке. В статье *В. Раффа* анализируется конструирование гендера в дискурсе итальянского правого популизма как синонима исключительно женской роли в семье, а также феминистская критика подобных конструктов как национальной политической специфики, препятствующей политическому участию женщин. *Н. Фео* продолжает обозначенную соотечественницей проблематику и рассматривает через призму высказываний крайне правых политиков Италии интеграцию гендерной проблематики в более широкий дискурс конструирования нации, идентичности и социального порядка.

Рубрика «Исследования социокультурных процессов в гражданском обществе» представлена статьёй *Л. Пелле*. Автор исследует социально чувствительную проблему — презентацию феномена сексуального насилия в итальянской прессе и приходит к выводу о маскировке ответственности мужчин через объяснение насилия внешними факторами, но не фундаментальным противоречием между ролями и ценностями мужчин и женщин в формате гендерно-асимметричных бинарных оппозиций «главный/подчинённый».

В рубрике «Международные отношения» представлены исследование *Н. Н. Козловой*, *С. В. Рассадина*, *Ю. А. Монаховой* о женских организациях стран Ближнего Востока и статья *Л. Я. Прокопенко* о деятельности первой леди Республики Мадагаскар. В них рассматриваются актуальные материалы, связанные с приоритетными геополитическими интересами России в настоящее время, а политическая активность женщин в данных иссле-

дованиях и, прежде всего, на уровне взаимодействия с Россией, показана в том числе как инструмент публичной дипломатии.

Далее следует рубрика «Социология управления» и статья *А. В. Швецовой* о бизнесе как важном акторе демографической политики и [влиянии мер поддержки сотрудников с детьми на карьерную устойчивость женщин](#) в российских коммерческих организациях. В заключении автор показывает противоречия между инструментальными задачами корпоративной демографической политики и фактическими карьерными рисками матерей.

Завершает номер рецензия *И. А. Селезнева* и *О. В. Гребняк* [на фотокнигу об истории ИСПИ ФНИСЦ РАН](#) — издателя журнала «Наука. Культура. Общество».

Надеемся, что представленные статьи будут полезны исследователям и получат продолжение в новых научных работах по данной проблематике.

*Редактор тематического выпуска О. Г. Овчарова,
член научного совета РАПН, соруководитель ИК по изучению
участия женщин и мужчин в социально-политических процессах РАПН
(ФГБОУ ВО «РГСАИ»)*

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.1)
EDN [DJNWJL](https://www.edn.ru/DJNWJL)
УДК 316.346.2:329.05

М. Ю. Милованова¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия

«ЖЕНСКИЕ КРЫЛЬЯ» РОССИЙСКИХ ПАРТИЙ: СОЦИАЛЬНАЯ АГЕНТНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАКАНУНЕ ДУМСКИХ ВЫБОРОВ 2026 ГОДА

Аннотация. В статье исследуется социальная агентность «женских крыльев» российских политических партий накануне выборов в Государственную думу IX созыва (сентябрь 2026 г.). Актуальность обусловлена устойчивым гендерным дисбалансом: несмотря на демографическое преобладание женщин (53,5% населения), их представительство в Думе стабилизировалось на уровне 15–17%, тогда как общественный запрос на расширение женского участия снизился с 45% в 1998 г. до 26% в 2025 г. Целью исследования являлась разработка типологии «женских крыльев» по критерию характера агентности и оценка их потенциала как механизма рекрутирования женщин в политику. Объектом исследования стали партийно-аффилированные общественные объединения: Женское движение «Единой России», «Надежда России» (КПРФ), Социал-демократический союз женщин России (СРЗП), Лига женщин ЛДПР и Гендерная фракция партии «Яблоко». Методологическую основу составляет адаптированная методика кейс-стади, включающая анализ уставных документов, программных материалов, тематический анализ официальных сайтов, социальных сетей и экспертные полуструктурированные интервью (2021–2024). Предложена типология четырёх моделей: инструментальная (ЕР), производная (КПРФ, ЛДПР), адаптивная (СРЗП) и трансформационная (партия «Яблоко»). Установлено, что «женские крылья» выступают легитимным каналом рекрутирования женщин в политику в условиях отказа от гендерных квот, консервативного поворота и запроса на «феминные» управленческие качества. Выявлен парадокс обратной зависимости ресурса и трансформационного потенциала структуры. Сделан вывод о том, что гендерный дисбаланс в российской политике носит структурно-институциональный, а не индивидуально-поведенческий характер. Типология может быть использована для сравнительного анализа электоральных результатов и прогнозирования перспектив женского гражданского участия в современной российской политике.

Ключевые слова: женские объединения; социальная агентность; гендерная политика; политическое участие женщин; электоральный процесс; консервативный поворот; Государственная дума; политическое рекрутирование; партии

Для цитирования: Милованова М. Ю. «Женские крылья» российских партий: социальная агентность и политический потенциал накануне думских выборов 2026 года // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 3. С. 9–26. DOI [10.19181/nko.2026.32.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.1). EDN [DJNWJL](https://www.edn.ru/DJNWJL).

Актуальность проблемы. В год выборов в Государственную думу IX созыва (сентябрь 2026 г.) вопрос об участии женщин в публичной политике и социальной агентности «женских крыльев» политических партий приобретает особую актуальность. Демографическая структура населения России отличается выраженной гендерной диспропорцией: 53,5% женщин против 46,5% мужчин, абсолютная разница составляет 10,3 млн человек, что особенно заметно

в возрастной группе старше 35 лет¹ — «такой половой деформации не испытал, вероятно, ни один народ в истории» [1, с. 17]. Женщины более активно обеспечивают электоральную явку (на 5–7 п.п. выше) [2], чаще одобряют политическую систему (27%), что делает женский электорат ключевым для легитимации власти и конфигурирует политический курс в сторону их интересов [3, с. 12]. Однако гендерный дисбаланс нарастает по мере повышения уровня принятия решений, проявляясь на трёх уровнях: численного представительства, институциональных возможностей и социокультурной легитимации [4]. Исследование, охватившее 500 тыс. кандидатов на муниципальных и региональных выборах, свидетельствует, что уже на этапе выдвижения на выборы идут лишь 26% женщин, а до победы доходят 2% против 9% среди мужчин².

Как отмечает Г. Г. Силласте, женское объединение — это «социальная общность, члены которой объединены одинаковыми социальными интересами, целями, ценностями и нормами» [5, с. 35]. Женские объединения выступают важным элементом гражданского общества, формируя женскую социально-политическую повестку и обеспечивая включение женщин в поле публичной политики. Женская самоорганизация исторически выступает ответом на структурные ограничения: невозможность влиять на политику через официальные каналы направляла гендерные общности к созданию альтернативных структур. В настоящей статье под «женскими крыльями» политических партий понимаются обособленные структурные подразделения или партийно-аффилированные общественные объединения, действующие в рамках организационной инфраструктуры партии (либо при её непосредственной поддержке) и целенаправленно артикулирующие гендерную проблематику (вопросы женского представительства, равных прав и возможностей, социальных интересов женщин). То есть критерием отнесения объединения к категории «женского крыла» является не простое членство женщин в партии и не их присутствие в партийных списках, а наличие специальной институциональной рамки, в которой гендерные интересы выступают самостоятельным основанием для консолидации и деятельности. В соответствии с данным критерием объектами настоящего исследования стали: Женское движение «Единой России», «Надежда России» (КПРФ), Социал-демократический союз женщин России (СРЗП), Лига женщин ЛДПР и Гендерная фракция партии «Яблоко».

Теоретико-методологические основы и состояние изученности. Под социальной агентностью объединений гендерной направленности понимается способность женских организаций выступать самостоятельными акторами в сфере гендерной политики: артикулировать интересы женщин, мобилизовать социальные, институциональные и символические ресурсы, участвовать в выработке и трансляции политических решений, направленных на обеспечение равных прав и возможностей. Выражением социальной агентности является «новая сеть взаимоотношений в поиске баланса личных и общественных интересов, выстраивания равноправного взаимодействия лидеров со своими

¹ Численность населения по полу и возрасту на 1 января 2022 года (пересчёт от итогов ВПН-2020) // Росстат: [официальный сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 09.01.2026).

² Непредставительная власть // Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл-Россия» (*признан иностранным агентом*). URL: <https://transparency.org.ru/special/womenassembly/> (дата обращения: 12.06.2026).

группами и с внешними структурами (государство, бизнес, СМИ, формальные и неформальные объединения граждан)» [6, с. 69], рассматриваемой в рамках коммуникативной модели Ю. Хабермаса [7]. Социальная агентность операционализируется через параметры институциональной автономии (правовой и организационный статус структуры); независимость повестки (степень самостоятельности в определении гендерной программы); лидерский капитал (статус, компетентность и символический ресурс руководства); горизонтальные сети взаимодействия (связи с НКО, международными организациями, иными партийными структурами); доступ к механизмам принятия решений с учётом интерсекционального подхода (наличие представителей в законодательных и исполнительных органах власти).

Эволюция женского движения в России представлена в работах А. М. Коллонтай [8], З. В. Гришиной [9], О. А. Хасбулатовой и Н. Б. Гафизовой [10], С. Г. Айвазовой [11], И. И. Юкиной [12], И. М. и Н. Л. Пушкарёвых [13]. В начале 1990-х гг. женские объединения переживают ренессанс, обусловленный активизацией в ответ на острые социальные проблемы: женскую безработицу, сексуальное и трудовое рабство, алкоголизм. В этот период развивается международное сотрудничество, прямая коммуникация между женскими организациями разных стран для обмена опытом и ресурсами [14]. Исследователи фиксируют в 1999–2005 гг. «глубокий спад» движения и лишь в 2005–2008 годах — «частичное восстановление» [13]. Принятый в 2012 году (и расширенный в 2022 году) закон об иностранных агентах³ повлёк ограничение или прекращение деятельности многих женских организаций, вследствие чего основным ресурсом репрезентации «женского взгляда» в политике становятся горизонтальные социальные связи [14; 15].

Для понимания субъектности «женских крыльев» партий значима типология политического сознания и поведения женщин Е. А. Кранзеевой: деятельный, активистский, массовизированный и абсентеистский типы [16]. Н. М. Великая констатирует: даже при высоком образовательном уровне и профессиональной интегрированности женщин их представительство в политике остаётся ограниченным, что указывает на роль культурных норм и институциональных фильтров [17]. Сравнительный анализ политической карьеры женщин в России и Германии выявил ключевые различия: в ФРГ действуют гендерные квоты в партиях и антидискриминационное законодательство, тогда как в России «процесс вхождения женщин в политику носит ограниченный и декларативный характер» [18, с. 319]. О. В. Крыштановская с соавторами описали феномен «стеклянного потолка» в политической карьере женщин-парламентариев, указывая на их концентрацию преимущественно в «социальных» сферах компетенции [19]. А. Е. Чирикова и Н. Ю. Лапина выделяют три модели продвижения женщин во власть: постепенного роста, наследования и «парашютирования» [20]. В. Г. Ушакова проанализировала репрезентацию гендерного вопроса в программах российских политических партий за столетие [21].

Накопленный корпус исследований не содержит систематической типологизации «женских крыльев» российских партий по критерию характера агентности. Настоящая публикация восполняет данный пробел. Открытым остаётся

³ О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ (ред. от 28.12.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/ (дата обращения: 07.01.2026).

вопрос: при каких институциональных условиях «женское крыло» из инструмента партийной мобилизации превращается в подлинного актора гендерной политики? Данный вопрос обостряется в контексте зафиксированного парадокса: общественный запрос на расширение женского представительства снизился с 45% в 1998 г. до 26% в 2025 г.⁴, тогда как само представительство стабилизировалось (15–17%) и даже несколько выросло на региональном и местном уровнях.

Материалы и методы. Объектом исследования стали «женские крылья» пяти партий — ЕР, КПрФ, СР, ЛДПР (парламентские) и «Яблоко» (непарламентская); аналитически привлекается опыт партии «Новые люди». Основной аналитической стратегией выступила адаптированная методика кейс-стади в рамках анализа публичной сферы [22, с. 19–23]. Целью исследования является разработка типологии «женских крыльев» российских партий по критерию характера агентности и оценка их потенциала как механизма рекрутирования женщин в политику накануне думских выборов 2026 г. Задачи: (1) дать институциональный обзор пяти общественных объединений гендерной направленности; (2) провести сравнительный кейс-анализ; (3) предложить типологию; (4) оценить перспективы в электоральном контексте 2026 г. и сопоставить результаты с данными аналогичных исследований.

В работе были применены такие методы, как анализ уставных документов и программных материалов пяти организаций; тематический анализ официальных сайтов и актуальной информации социальных сетей (ВКонтакте, Telegram, включая закрытые сообщества); экспертные полуструктурированные интервью, проведённые автором в 2021–2024 гг., и включённое наблюдение. Эмпирическую базу составили 15 интервью с участницами СДСЖР (Москва, октябрь–декабрь 2021 г.), 5 интервью с участницами Гендерной фракции «Яблоко» (2023 г.), экспертные интервью с депутатом ГД от «Новых людей» и политическим консультантом РАСО (в рамках НИР «Национальная модель гендерного равноправия: экспертный подход», РГГУ, 2023–2024 гг.). Продолжительность интервью до 1,5 часа, с согласия информантов. А также включённое наблюдение на симпозиуме «Женское лицо нового миропорядка» (Лига женщин ЛДПР, 18 марта 2025 г.)⁵. Типологизация осуществлялась по четырём параметрам: институциональный статус; автономия в определении повестки; доступ к механизмам принятия решений; тип агентности (инструментальная, производная, адаптивная, трансформационная).

Гендерное представительство: общий контекст. Отказ от квот советской выборной системы незамедлительно сказался на гендерном балансе: доля женщин в Съезде народных депутатов СССР по итогам выборов 1989 года обрушилась с 32,8% до 15,7% [23, с. 483]. В избирательных федеральных циклах 2007–2026 гг. доля женщин колеблется в пределах 13–17%, что значительно ниже среднемировых тенденций (около 26% по данным на 2023 г.) и показателей позднего СССР (см. табл. 1).

⁴ Политика: женщинам тут не место? // ВЦИОМ. 02.04.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/politika-zhenshchinam-tut-ne-mesto> (дата обращения: 06.12.2025).

⁵ Программа Симпозиума «Женское лицо нового миропорядка». URL: <https://greater-eurasia.ru/archives/39600> (дата обращения: 06.12.2025).

Таблица 1

Гендерный состав депутатов Государственной думы (2007–2021 гг.)

Выборы, год	Женщины, %	Мужчины, %	Коэффициент (Ж/М)
2007	16,9	83,1	0,203
2011	13,1	86,9	0,151
2016	15,8	84,2	0,188
2021	16,5	83,5	0,198

Источник: данные ЦИК РФ.

Осознание проблемы находило выражение на публичном уровне. В частности, Председатель ЦИК РФ А. А. Вешняков в 2006 году выступил с инициативой 30-процентного квотирования женского представительства в партийных списках, высказавшись в поддержку присутствия в Госдуме и Совете Федерации женщин, которые «интеллигентны, очень грамотны, более гуманны, а также лучше чувствуют социальные проблемы, и может быть, смогут более эффективно их решать»⁶. Инициатива, однако, не вышла за рамки медийных заявлений и не получила законодательного воплощения. На выборах VIII созыва (2021) по спискам победила «Единая Россия» (49,82%), за ней КПРФ (18,93%), ЛДПР (7,55%), «Справедливая Россия» (7,46%) и «Новые люди» (5,32%). В нижнюю палату парламента прошли 39 женщин по одномандатным округам и 40 — по партийным спискам. Доля женщин во фракции «Новые люди» составляла 20%, в партии «Единая Россия» — 19%, в КПРФ — 13%, в «Справедливой России» — 11,1%, во фракции ЛДПР женщины отсутствовали [18, с. 317]. Партийный канал остаётся наиболее действенным для политической карьеры: 58% представителей истеблишмента имеют партийный опыт в биографии. Членство в «Единой России» служит более эффективным механизмом вертикальной мобильности для женщин, чем для мужчин: среди женщин-чиновниц, назначенных в органы исполнительной власти, 92% состояли в «партии власти» до назначения, а 9 из 10 женщин-депутатов Федерального Собрания — её члены [19, с. 133, 144]. Из 20 зарегистрированных партий (на 1 июня 2026 г.) лишь две возглавляют женщины (Т. В. Колнауз, Партия прямой демократии и О. В. Петриенко, Партия Прогресса)⁷; доля женщин в высших руководящих органах партий (Президиумы, ЦК, Федеральные политсоветы и др.) — 29,5%, мужчин — 70,5%. Самыми «женскими» по руководству являются Справедливая Россия — 41%, из 17 членов Президиума — 7 женщин и 10 мужчин. В партии «Новые люди» гендерный баланс заявлен как часть партийной идеологии, руководящий орган включает 38% женщин и 62% мужчин. Динамика представленности женщин в руководящих органах политических партий в современной России положительная, рост с 2019 по 2024 год составил 7,5 п.п., с 22% до 29,5%. Среди руководителей региональных отделений политических партий соотношение 18% женщин против 82% мужчин⁸.

⁶ Вешняков выступает за введение допгарантий для женщин на выборах // РИА Новости. 11.02.2006. URL: <https://ria.ru/20060211/43483948.html> (дата обращения: 21.10.2025).

⁷ Политические партии // Министерство юстиции РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/> (дата обращения: 09.06.2026).

⁸ Женщины в политике: исследование // ЦИПКР. 2024. Архив автора.

Институциональный обзор «женских крыльев» политических партий. Анализ фиксирует принципиальные различия в организационных формах и идеологической направленности структур. «Женское крыло» не является унифицированным институтом — оно конфигурируется в соответствии с идеологическим профилем партии-патрона (табл. 2).

Таблица 2

Женские крылья системных политических партий России

Партия	Объединение	Год создания, статус	Лидер	Ключевые особенности
ЕР	Женское движение ЕР	2022, партийный проект	Н. Полуянова	Встроено в партийную структуру; без юридического лица
КПРФ	«Надежда России»	1990-е, общественное движение	Н. Останина	Формально независимое, фактически аффилированное
СР	СДСЖР	2012, юридическое лицо, общественное движение	О. Епифанова	Умеренная автономия; социал-демократическая повестка
ЛДПР	Лига женщин ЛДПР	2023, партийный проект	Е. Афанасьева	Патриотическая повестка; молодая структура
Яблоко	Гендерная фракция — внутрипартийное объединение	2006/2008, фракция	Г. Михалёва†	Феминистская повестка; максимальная автономия

Источник: составлено автором по открытым данным партий.

• **Кейс 1. Женское движение «Единой России»: инструментальная агентность**

Федеральный партийный проект утверждён решением Президиума Генерального совета партии № 409/22 от 7 октября 2022 г. Лидер: Наталия Полуянова, координатор проекта, депутат Государственной Думы. Структура объединяет более 100 тыс. участниц в 80+ регионах; работает по четырём направлениям: «Женская политика», «Женское предпринимательство», «Женское здоровье», «Социально-гуманитарное направление»⁹. Нормативная рамка: Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.¹⁰ По итогам ЕДГ-2023 от ЕР прошли более 200 женщин-кандидатов при поддержке 57 наставников. Отдельным направлением работы стала Женская политическая школа (ЖПШ), которую прошли свыше 5 тыс. участниц¹¹. Пример ЖПШ как ключевого проекта женского крыла «партии власти» представляет собой уникальный феномен для российской социологии. Начавшись с пилотных региональных школ, прошедших в Санкт-

⁹ Женское движение Единой России. URL: <https://proekty.er.ru/projects/zhenskoe-dvizhenie-edinoi-rossii> (дата обращения: 03.01.2026).

¹⁰ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 29.12.2022 № 4356-р // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/145532/> (дата обращения: 03.01.2026).

¹¹ Женское движение Единой России: презентация. URL: https://vnot2023.cznnew.ru/assets/files/2023-09-28/5/2.2_Полуянова_%20Женское_движение_Единой_России.pdf (дата обращения: 12.06.2026).

Петербурге, Московской области, Самаре, Иркутске и других российских крупных городах, он определяет агентность инструментального характера: движение встроено в партийную структуру, лишено юридической самостоятельности и возможности критически артикулировать проблемы, расходящиеся с официальной линией, масштабирование приходится на активную фазу электорального цикла. В открытых источниках декларируется реализация ЖППШ на федеральном уровне с региональными отделениями в 79 субъектах, включая Крым, Донецкую и Луганскую народные республики, а также Запорожскую и Херсонскую области.

«Женское движение ЕР — это прежде всего работающий механизм. Они закрывают колоссальный охват. Другой вопрос, чьи интересы они транслируют. Но в плане рекрутинга и мобилизации они делают то, что другим просто недоступно по ресурсам» (эксперт № 1, политический консультант РАСО, 2023 г.).

Гибридное образование Женского движения «Единой России» сочетает в себе черты формальной организации (структурированность, иерархия, партийная принадлежность) и социального движения (декларируемые цели социальных изменений, мобилизация участниц, их просвещение и обучение), выходя «за пределы политики» и становясь «настоящим механизмом объединения и развития актива, фактически платформой для старта и реализации собственных общественных инициатив»¹².

• Кейс 2. «Надежда России» (КПРФ): производная агентность

Союз женщин России «Надежда России» основан в 1990-е гг. как структура, аффилированная с КПРФ, официально зарегистрирован в 2002 г.¹³ Охват: 150 тыс. участниц, 82 региона, 702 местных отделения. Лидером является Нина Останина, депутат четырёх созывов, председатель Комитета ГД по вопросам семьи, женщин и детей, что обеспечивает прямой доступ к законодательной работе. Идеологический профиль: советская повестка равноправия с защитой социальных гарантий (труд, образование), критика либерального феминизма. Агентность носит производный характер: повестка ограничена идеологической рамкой КПРФ; инициативы преимущественно в социальной сфере (материнство, детство, трудовые права).

• Кейс 3. Социал-демократический союз женщин России (Справедливая Россия – За правду): адаптивная агентность

СДСЖР создан в 2011–2012 гг. как ответ на состав членской базы «Справедливой России» (женщины — 59%) и международную повестку (вступление в Социнтерн, август 2012 г.) [24]. Единственная из рассматриваемых структур, зарегистрированная как юридическое лицо (устав, имущество, счета, эмблема)¹⁴. В союз могут вступать как физические, так и юридические лица, включая иные женские объединения. Вступившие организации становятся частью СДСЖР, но сохраняют самостоятельность в формулировке задач и функ-

¹² Из выступления сопредседателя ЖППШ сенатора Д. Лантратовой на Третьем всероссийском форуме «Женщины, создающие будущее», 14 октября 2025 г. URL: <https://proekty.er.ru/news/er-news-3566528> (дата обращения: 06.12.2025).

¹³ Всероссийский женский союз «Надежда России». URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/231996.html>; <https://вжс-надежда-россии.рф/>; <https://www.list-org.com/company/2705855> (дата обращения: 03.01.2026).

¹⁴ Социал-демократический союз женщин России. URL: <https://sdwomen.ru/> (дата обращения: 03.01.2026).

ций своей деятельности. На 2025 г. имеет 58 региональных отделений. Возглавляет объединение Ольга Епифанова, председатель Президиума движения, сенатор от исполнительной власти Республики Коми, принимавшая непосредственное участие в разработке Национальной стратегии на 2023–2030 гг. Агентность «женского крыла» адаптивная: при аффилированности с партией организация взаимодействовала с Женским Социнтерном, подписывала соглашения о сотрудничестве с иными женскими и социально-ориентированными организациями, располагает собственной нормативной базой и возможностью самостоятельно формулировать повестку в контексте социалистической риторики партии-патрона.

Опираясь на данные качественного исследования, подчеркнём, что женские формы объединений часто демонстрируют стратегии заботы и справедливости, поэтому, включаясь в публичную политику, женщины явно или латентно меняют её характер именно в данном направлении.

«У женщин цели меньше связаны с карьерным ростом, больше — с социальными направлениями, желанием что-то улучшить» (интервью № 7, женщина, г. Москва, общественно-политическая организация СДСЖР, 2021).

Информанты констатируют гендерную специфику подходов в политике:

«Не миссия завоевания, а обустройства, расширения, примирения», «архетипические материнские черты», «мягкая женская энергия» (интервью № 8, женщина, г. Воронеж, СДСЖР, 2021).

Выделяют гибкость, многовариантность действий политического поведения:

«У женщины-лидера больше вариантов и инструментов воздействия, полные карманы различных методик. У мужчин зачастую две методики — меч и ружье» (интервью № 10, женщина, г. Выборг, СДСЖР, 2021).

• Кейс 4. Лига женщин ЛДПР: производная агентность при системной оппозиции

Создана в 2023 г. как эволюция идеи В. Жириновского о Лиге женщин «В защиту демократии» от 2008 года. Лидер — Елена Афанасьева, глава Лиги, заместитель председателя комитета Совета Федерации по международным делам¹⁵. Институциональный статус: партийный проект (аналогично Женскому движению ЕР, но при оппозиционной партии). Статус партии-патрона: системная оппозиция (ЛДПР имеет фракцию в Государственной Думе) [3]. Идеологический профиль: патриотическое воспитание, поддержка многодетных семей, традиционные ценности, контакты с соотечественницами за рубежом. Располагает наименьшим периодом институционального развития; агентность преимущественно производная с ограниченным пространством для самостоятельной повестки.

• Кейс 5. Гендерная фракция партии «Яблоко» (ГФЯ): трансформационная агентность

Создана 18 мая 2006 г. в Екатеринбурге, статус партийной фракции с правом совещательного голоса закреплён в 2008 г., внутрипартийное объединение¹⁶. Отделения представлены в 23 регионах, 500+ участниц из 35 субъектов. Основатель фракции — Галина Михалёва, доктор политических наук, профессор РГГУ,

¹⁵ Женская лига ЛДПР. URL: <https://ldpr.ru/services/zhenskaya-liga-ldpr/> (дата обращения: 03.01.2026).

¹⁶ Партия «Яблоко». Гендерная фракция. URL: <https://www.Yabloko.ru/Faction/Womens/index.html> (дата обращения: 03.01.2026).

скончалась в феврале 2025 года, оставив значительный экспертный и символический капитал. Вопрос о преемнике остаётся открытым, однако кризиса это не создаёт, так как по сути, это сетевая организация с распределённым лидерством по направлениям. Разделение обязанностей — региональное, а не централизованное. Руководящий орган — Федеральный совет Фракции.

«Женщины могут захотеть стать участником женского сообщества, а там их могут заинтересовать, рассказать о том, что в обществе есть политика, что там есть и женщины... много они принимают важных решений для женщин и для детей. Рассказать, что это полезное и интересное занятие. Я думаю, что таким образом, через коммуникацию, СМИ, государственную поддержку, можно привлечь, мотивировать и заинтересовать женщин идти в политику» (интервью № 5, депутат муниципального уровня, ГФЯ, 2021).

Диапазон гендерной повестки ГФЯ существенно шире, чем у иных «крыльев»: законодательная защита гендерного равенства, социально-трудовые и репродуктивные права, противодействие домашнему насилию, гендерное просвещение («Гендерная школа»), внутрипартийные квоты. С 2008 года фракция является членом Международной сети либеральных женщин при Либеральном интернационале. С 2009 г. выпускает журнал-альманах «Знак равенства», формирующий дискурсивное пространство расширенной гендерной повестки (социально-трудовое положение женщин, противодействие насилию и сексизму и т.д.)¹⁷. ГФЯ выстраивает горизонтальные сети с НКО («Анна», «Сёстры», «Насилию.Нет»), правозащитными и международными организациями. Одна из тенденций — увеличение во фракции количества мужчин и участников более молодого возраста. Непарламентский статус партии-патрона обуславливает ресурсные ограничения: доступ к официальным механизмам принятия решений минимален. Однако ГФЯ компенсирует институциональный дефицит идеологической автономностью и интенсивностью горизонтальных связей, что конституирует трансформационный тип агентности: при минимальных ресурсах достигается максимальная содержательная самостоятельность.

Типология «женских крыльев» по параметрам социальной агентности.

На основании кейс-анализа предложена типология «женских крыльев» российских партий (табл. 3).

Политические партии в России создают «женские крылья» как институциональный ответ на феномен «партофобии» [25, с. 129], устойчиво выражающейся в низком уровне поддержки партий. Согласно данным социологических опросов, доля респондентов, выбравших вариант ответа «никого не поддерживаю», составила в 2007 г. 34%, в 2011 — 35%, в 2016 — 32%, в 2020 — 46%, в 2024 — 47% [26, с. 87]. В этих условиях «женские крылья» выполняют компенсаторную функцию, вовлекая женщин в политику, минуя прямую ассоциацию с непопулярными партийными институтами.

Рассмотренные типы объединений объединяет принадлежность к партийной структуре как условие институциональной идентификации, ориентация на социальную повестку (материнство, семья, трудовые права), функция рекрутирования

¹⁷ Архив номеров журнала «Знак равенства». URL: https://www.yabloko.ru/content/arkhiv_nomerov_zhurnala_znak_ravenstva (дата обращения: 05.01.2023).

Таблица 3

Типология «женских крыльев» российских партий

Параметр	Женское движение ЕР	«Надежда России»	СДСЖР	Лига женщин ЛДПР	ГФЯ
Институциональная автономия (правовой и организационный статус)	Партийный проект, нет юридического лица	Общественное движение	Общественное движение (юридическое лицо)	Партийный проект	Партийная фракция
Независимость повестки (степень самостоятельности в определении гендерной программы)	Минимальная	Низкая	Средняя	Низкая	Высокая
Лидерский капитал (статус и ресурсы руководства)	Депутат ГД, координатор проекта	Депутат ГД, член четырёх комитетов, председатель комитета	Сенатор, бывший депутат ГД	Зампред комитета СФ	Д.полит.н., профессор; сетевое лидерство
Доступ к механизмам принятия решений	Прямой (проявляющаяся партия и госорганы)	Частичный	Ограниченный	Частичный	Минимальный
Охват	100+ тыс.	150 тыс.	6+ тыс.	Формирующаяся	500+
Тип агентности	Инструментальная	Производная	Адаптивная	Производная	Трансформационная
Электоральная активность	Высокая	Средняя	Средняя	Формирующаяся	Низкая

Источник: составлено автором.

женщин в политическую элиту, а также активизация деятельности в период избирательных кампаний. Различия между типами определяются степенью автономии — от минимальной (инструментальный тип) до высокой (трансформационный тип). При этом максимальный объём ресурсов не конвертируется автоматически в трансформационную субъектность.

Характер и диапазон гендерной повестки варьируется от «материнской» (ЛДПР, ЕР) до расширенной, включающей репродуктивные права, противодействие насилию и законодательные инициативы (ГФЯ, СДСЖР). Взаимодействие с государством выстраивается в спектре от встроенной государственно-партийной логики (ЕР) до независимой гражданской адвокации и оппозиции с ограниченным ресурсом влияния контрпубличности (ГФЯ). В избирательный период форматы работы также различаются: Женское движение ЕР реализует программу наставничества и Политшколу, СДСЖР и «Надежда России» продвигают кандидатов через партийные списки, а ГФЯ работает через общественное давление и экспертные коалиции.

Парадокс обратной зависимости ресурса и агентности. Предложенная типология позволяет зафиксировать системную закономерность, которую можно обозначить как парадокс обратной зависимости ресурса и агентности: чем выше организационный ресурс «женского крыла», измеряемый охватом участниц, наличием прямого доступа к механизмам принятия решений и степенью встроенности в партийную вертикаль, — тем ниже его автономия в определении гендерной повестки и, следовательно, тем слабее его трансформационный потенциал. Это соответствует логике, описанной Т. Е. Ломовой: женские организации, встроенные в государственно-партийную систему, приобретают операциональные возможности, но утрачивают способность к независимой артикуляции женских интересов [14]. В нашей типологии это прослеживается во всех пяти кейсах последовательно (см. табл. 3): Женское движение ЕР (100+ тыс. участниц, прямой доступ к власти) демонстрирует минимальную независимость повестки и инструментальный тип агентности; «Надежда России» и Лига женщин ЛДПР при среднем ресурсном уровне имеют низкую автономию повестки и производный тип; СДСЖР при меньшем охвате, но формальной самостоятельности (статус юридического лица) достигает средней независимости и адаптивного типа; ГФЯ при минимальном охвате (500+ участниц) и отсутствии прямого доступа к власти демонстрирует максимальную содержательную самостоятельность и трансформационный тип агентности. Парадоксальность закономерности состоит в том, что она противоречит интуитивному ожиданию, согласно которому ресурсная мощь организации должна расширять, а не сужать пространство её действия. В данном случае ресурс предоставляется партией-патроном и неотделим от её идеологической рамки, тогда как трансформационная агентность возникает именно там, где организация вынуждена компенсировать ресурсный дефицит за счёт идеологической автономии и горизонтальных сетей.

Этот парадокс находит подтверждение внутри самих «женских крыльев». Данные анонимного опроса участниц закрытого Telegram-сообщества Женского движения ЕР (n=64, из которых 48 — члены партии, 9 — сторонницы) обнажают разрыв между официальной риторикой и реальными взглядами: 52 участницы высказались за федеральный закон о профилактике домашнего насилия; 58 уч. поддержали возврат уголовного наказания за первые побои в семье; 61 уч. не считает, что запрет абортс ведёт к росту рождаемости; 46 уч. находят недостаточным представительство женщин в Госдуме; половина из принявших участие в опросе сталкивались с некорректными высказываниями по признаку пола¹⁸. Иными словами, при максимальной институциональной ресурсности Женского движения ЕР на уровне рядовых участниц сохраняется латентный запрос на повестку, которую организация в силу своей инструментальной природы артикулировать не может. По мнению историка Эллы Россман, подобные противоречия объясняются тем, что насаждаемая властью идеология «традиционных ценностей» представляет собой эклектичное сочетание советских установок и взглядов ультраконсервативных движений, не отражающее реального многообразия общественного опыта, поэтому высказываются позиции, расходящиеся с официальной партийной риторикой¹⁹.

¹⁸ «Слишком много рукоприкладства». Участницы политшколы «Единой России» — о домашнем насилии, зарплатах и гендерном неравенстве // Настоящее Время (*признано иностранным агентом*): [видео-сюжет]. 11.07.2025. URL: <https://www.currenttime.tv> (дата обращения: 21.06.2026).

¹⁹ Там же.

Ограничение женской повестки во всех пяти кейсах исключительно социальными темами (материнство, семья, трудовые права) при публичном игнорировании «мужских доменов» (оборона, внешняя политика, экономика) иллюстрирует действие механизма «стеклянного потолка» [19]. Тем самым «женские крылья» воспроизводят, а не разрушают гендерное разделение труда в политике, что согласуется с выводами А. Е. Чириковой и Н. Ю. Лапиной [20]. Исходя из этого авторская позиция заключается в том, что гендерный дисбаланс в российской политике носит структурно-институциональный, а не индивидуально-поведенческий характер. СДСЖР доказывает, что даже при аффилированности с партией наличие формальной самостоятельности существенно расширяет пространство агентности. ГФЯ демонстрирует иную модель: трансформационная агентность достигается за счёт идеологической автономии и горизонтальных сетей при минимальных ресурсах. Данный вывод расходится с распространённым мнением о том, что электоральная эффективность определяется прежде всего организационным ресурсом, демонстрируя, что ресурс и субъектность не вполне тождественны. Российская специфика состоит в том, что автономная модель реализована лишь у непарламентской партии «Яблоко», что автоматически ограничивает её практическое влияние. Кросс-национальные сравнения подтверждают, что институциональные механизмы — например, гендерные квоты — способствуют высокой доле женщин в парламенте (Германия, 49,1% женщин в Бундестаге, 2021 г., система квот SPD) [18].

«Женские крылья» в электоральном цикле: опыт 2021 г. и перспективы 2026-го. В избирательной кампании 2021 г. Женское движение ЕР сформировало агитационный ресурс, эксплуатируя образ женщины как носительницы «мягкой силы» и «запроса на заботу». Этот образ стал особенно актуальным в постпандемийный период.

«В 2021 году был очень осязаемый запрос на «заботу». После пандемии электорат хотел видеть политика, который понимает бытовые проблемы. Это идеально накладывалось на традиционные представления о женщине. Умелые технологи это использовали. Да, не всегда корректно, но эффективно» (эксперт № 1, политический консультант РАСО, 2023).

Закрепился образ женщины-депутата как «эксперта с чутьём к проблемам общества», одновременно многофункционального политика, не выходящего за рамки привычных представлений о женственности.

«В активной фазе кампании женские структуры партий работают по нескольким направлениям. Первое — это «производство близости»: встречи с избирателями, работа с наказами, очевидное доверие. Второе — агитационный охват: у женских клубов и объединений есть прямой выход на аудиторию, особенно средний возраст плюс. Третье — символическая функция: показать, что у партии «человеческое лицо». Но это работает только тогда, когда женщина-кандидат — не просто фасад» (эксперт № 1, политический консультант РАСО, 2023).

К выборам 2026 года контекст существенно изменился. Фактор СВО перераспределил фокус женской активности от правозащитной к патриотической волонтерской деятельности (по данным «Мосволонтера», 80% участников — женщины). «Консервативный поворот» сузил пространство для открытой феминистской

риторики, переместив публичную повестку в нарратив «традиционных ценностей». При этом рационализирован выбор для электорального успеха: политтехнолог Евгений Минченко на занятиях ЖПШ учил кандидаток не делать акцент на «традиционных ценностях», так как это «уменьшает запрос на женщин в политике»²⁰.

«После 2022 года тема гендерного равенства стала очень чувствительной. Любой феминистский нарратив воспринимается через призму: ты за или против. Это блокирует разговор о реальных проблемах: о рынке труда, о насилии, о карьерных барьерах. Женские крылья сейчас вынуждены работать через патриотическую рамку, другого выхода у них нет» (эксперт № 6, женщина, депутат ГД, партия «Новые люди»).

По данным ВЦИОМ (2025), более 85% опрошенных отзываются о женщинах в политике положительно²¹. Предстоящие выборы 2026 г. станут первыми с момента принятия Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг., что формирует дополнительный институциональный ресурс для «женских крыльев» партий. Итоги выборов 2021 г. (17,5% женщин в Думе) образуют планку сравнения. Ключевым объединяющим фактором для обоих полов является стремление к социальному воспроизводству через партнёрство, статус и справедливость [27], а следовательно, «на повестке дня концепция гражданства, в которой половые различия не имеют отношения к политической сфере» [28, с. 40].

Заключение. Партийно-аффилированные женские объединения («женские крылья») занимают устойчивое место в архитектуре российской публичной политики накануне выборов в Государственную думу IX созыва (сентябрь 2026 г.). Проведённый кейс-анализ пяти организаций позволяет сформулировать ответ на центральный исследовательский вопрос: при каких институциональных условиях «женское крыло» из инструмента партийной мобилизации превращается в подлинного актора гендерной политики? Разработанная типология четырёх моделей — инструментальной (Женское движение ЕР), производной (КПРФ, ЛДПР), адаптивной (СРЗП) и трансформационной (партия «Яблоко») — фиксирует ключевой парадокс: организационный ресурс структуры и её трансформационный потенциал находятся в обратной зависимости. Женское движение «Единой России» располагает максимальным охватом, однако минимальной автономией повестки. Гендерная фракция «Яблока», напротив, демонстрирует наивысшую содержательную самостоятельность при минимальных ресурсах. СДСЖР, как единственное юридическое лицо среди рассмотренных структур, доказывает, что даже при аффилированности с партией формальная самостоятельность существенно расширяет пространство агентности.

Теоретическая значимость исследования состоит в операционализации концепции социальной агентности применительно к партийным женским объединениям через четыре параметра: институциональный статус, автономию в определении повестки, доступ к механизмам принятия решений и тип агентности. Предложенная типология восполняет пробел в научной литературе: систематической классификации «женских крыльев» российских партий по критерию

²⁰ «Слишком много рукоприкладства». Участницы политшколы «Единой России» — о домашнем насилии, зарплатах и гендерном неравенстве // Настоящее Время (*признано иностранным агентом*): [видеоосужет]. 11.07.2025. URL: <https://www.currenttime.tv> (дата обращения: 21.06.2026).

²¹ Политика: женщинам тут не место? // ВЦИОМ. 02.04.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/politika-zhenshchinam-tut-ne-mesto> (дата обращения: 06.12.2025).

характера агентности прежде не предпринималось. Авторская позиция о структурно-институциональной (а не индивидуально-поведенческой) природе гендерного дисбаланса в политике подтверждается материалами всех пяти кейсов и согласуется с данными кросс-национальных сравнительных исследований: там, где действуют гендерные квоты и антидискриминационное законодательство (опыт Германии), доля женщин в парламенте существенно выше. Установлено, что «женские крылья» выступают легитимным каналом рекрутирования женщин в политику в условиях отказа от гендерных квот, «консервативного поворота» и запроса электората на «феминные» управленческие качества. Зафиксированный парадокс снижения общественного запроса на расширение женского представительства (с 45% в 1998 г. до 26% в 2025 г.) при стабилизации самого представительства на уровне 15–17% свидетельствует о том, что гендерный баланс в политике определяется прежде всего институциональными фильтрами, а не динамикой общественного мнения.

Практическая значимость работы определяется несколькими направлениями применения результатов. Во-первых, типология может использоваться для сравнительного анализа электоральных результатов выборов 2026 года: динамика доли женщин-депутатов относительно планки 2021 г. (17,5%) станет индикатором реальной эффективности «женских крыльев» как канала рекрутирования. Во-вторых, предложенные параметры институциональной автономии могут применяться политическими партиями при проектировании или реформировании женских структур с целью повышения их реального представительского потенциала. В-третьих, типология релевантна для мониторинга исполнения Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы в части партийного измерения гендерного равенства.

Ограничения исследования связаны с выборочным характером эмпирической базы: ЛДПР представлена преимущественно данными включённого наблюдения, а анонимный опрос участниц закрытого Telegram-сообщества Женского движения ЕР (n=64) не позволяет экстраполировать результаты на всю членскую базу организации. За рамками анализа остались малые партии, региональная вариативность и динамика типов агентности в рамках одного электорального цикла.

Перспективы дальнейших исследований включают несколько направлений. Сопоставление электоральной статистики думских выборов 2026 года с данными настоящего исследования позволит верифицировать типологию на актуальном материале. Отдельного изучения требуют региональные отделения «женских крыльев» как пространство воспроизводства или преодоления гендерного дисбаланса на субфедеральном уровне. Сравнительный анализ партийных женских структур в постсоветских государствах позволит уточнить, является ли выявленный парадокс обратной зависимости ресурса и субъектности специфически российским феноменом или закономерностью авторитарных и гибридных политических режимов в целом.

Библиографический список

1. Антонов А. И., Борисов В. А. Динамика населения России в XXI в. и приоритеты демографической политики. М. : Ключ-С, 2006. 191 с. EDN [QOPDUV](#).
2. Кочкина Е. В. Российский электорат: демографический разрыв как политический ресурс гендерной сегментации // Женщина в российском обществе. 2006. № 3. С. 47–60. EDN [JVКCAH](#).

3. Милованова М. Ю. Социальный потенциал гендерных общностей как реальный актив общественного развития России // Жизненный мир гендерных общностей: социальные трансформации и вызовы цифрового общества : сб. статей / Под общ. ред. М. Ю. Миловановой. М. : РГГУ, 2026. С. 10–13. EDN [NNUIRK](#).
4. Овчарова О. Г. Гендерная асимметрия политики: измерение мировой конфигурации // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17, № 2. С. 70–81. EDN [YGTHCL](#).
5. Силласте Г. Г. Российские женские организации как форма социального сообщества и его социальная динамика в модусах глобализации и становления нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 28–46. DOI [10.21064/WinRS.2021.2.3](#). EDN [QVXHMW](#).
6. Милованова М. Ю. Социально ориентированные НКО сквозь призму гендера: социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 66–79. DOI [10.21064/WinRS.2019.4.6](#). EDN [TMXVWM](#).
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2000. 380 с.
8. Коллонтай А. М. Социальные основы женского вопроса. СПб. : Знание, 1909. 431 с.
9. Гришина З. В. Женские организации в России (1905 г. — февраль–март 1917 г.) : автореф. дис... канд. ист. наук : 07.00.02 / Гришина Зоя Владимировна. М. : МГУ, 1978. 25 с.
10. Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б. Женское движение в России: вторая половина XIX — начало XX века. Иваново : Ивановский государственный университет, 2003. 255 с. EDN [QOSERZ](#).
11. Айвазова С. Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. № 4(85). С. 3–13. DOI [10.21064/WinRS.2017.4.1](#). EDN [ZVZKPD](#).
12. Юкина И. И. От дам-патронесс до женотделовок: история женского движения России. М. : Новое литературное обозрение, 2024. 680 с.
13. Пушкарёва Н. Л., Пушкарёва И. М. Два века женского движения в России и его современное состояние // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 17–27. DOI [10.21064/WinRS.2021.2.2](#). EDN [JJJIVT](#).
14. Ломова Т. Е. Женские организации как сегмент гражданского общества современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. Т. 14, № 2. С. 124–142. DOI [10.21638/spbu12.2021.202](#). EDN [TANEAY](#).
15. Силласте Г. Г. Методология и смена парадигм в исследовании социогендерного пространства и гендерного равноправия // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 1-3. С. 318–331. DOI [10.28995/2073-6401-2022-1-318-331](#). EDN [QPWKDY](#).
16. Кранзеева Е. А. Изменения политического сознания и поведения российских женщин: вызовы цифровизации // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 1-2. С. 258–266. DOI [10.28995/2073-6401-2021-1-258-266](#). EDN [IXYFMQ](#).
17. Великая Н. М. Женщины в политическом поле современной России: особенности политического участия и политического выбора // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 1-3. С. 332–344. DOI [10.28995/2073-6401-2022-1-332-344](#). EDN [HYYZJL](#).
18. Милованова М. Ю., Золотых Е. А. Политическая карьера женщин в России и Германии: опыт сравнительного анализа // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 3-2. С. 311–323. DOI [10.28995/2073-6401-2023-3-311-323](#). EDN [EJWFMS](#).
19. Бальбот Н. А., Крыштановская О. В. Роль «третьего сектора» в политической карьере мужчин и женщин в России // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15, № 4. С. 133–154. DOI [10.19181/vis.2024.15.4.6](#). EDN [TOBZTK](#).
20. Чирикова А. Е., Лапина Н. Ю. Женщина на высших этапах российской региональной власти: базовые тенденции // Политекс. 2011. № 4. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=2266> (дата обращения: 12.06.2026).
21. Ушакова В. Г. Гендерный вопрос в программах российских политических партий и гендерная политика в России (1917–2017) // Наследие. 2017. № 2(11). С. 79–89. EDN [YTNQTU](#).
22. Публичная сфера: теория, методология, кейс стадии / О. Е. Вербилович, О. Ю. Малинова, А. В. Семенов [и др.]. М. : Вариант: ЦСПГИ, 2013. 356 с. EDN [SCVADP](#).

23. Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина. СПб. : Алетей, 2004. 992 с. EDN [OXCDCA](#).
24. Милованова М. Ю., Котлярова В. М. Женское лидерство в политике в оценках участниц современного общественно-политического движения (на примере Социал-демократического союза женщин России) // Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности : материалы XV Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН (Пенза, 29 сент. — 02 окт. 2022). Том 1. Пенза: ИЭА РАН, 2022. С. 369–377. EDN [NKTXUD](#).
25. Великая Н. М., Милованова М. Ю. Женские общественные объединения как социальный ресурс политической модернизации в современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4. С. 127–129. EDN [PCZGVP](#).
26. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2025. 106 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025](#). EDN [ERLAQU](#).
27. Aunger R., Gallyamova A., Grigoriev D. Network psychometric-based identification and structural analysis of a set of evolved human motives // Personality and Individual Differences. 2025. Vol. 233. P. 112921. DOI [10.1016/j.paid.2024.112921](#). EDN [RWZUJA](#).
28. Милованова М. Ю. К вопросу о женском участии в публичной политике и «женской доле» в политике // Женщины в политическом пространстве России и зарубежных стран (Москва, 15 марта 2021). М. : Издательские решения, 2021. С. 35–40. EDN [WUETPQ](#).

Поступила: 13.06.2026. Доработана: 12.07.2026. Принята: 18.07.2026.

Сведения об авторе:

Милованова Мария Юрьевна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры политической социологии и социальных технологий,
Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия.
m_milovanova@mail.ru
Author ID РИНЦ: [383579](#); ORCID: [0000-0002-5453-5954](#)

M. Yu. Milovanova¹

¹ Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia

“WOMEN’S WINGS” OF RUSSIAN PARTIES: SOCIAL AGENCY AND POLITICAL POTENTIAL ON THE EVE OF THE 2026 DUMA ELECTIONS

Abstract. The article examines the social agency of the “women’s wings” of Russian political parties on the eve of the elections to the State Duma of the IX convocation (September 2026). The relevance is due to a persistent gender imbalance: despite the demographic predominance of women (53.5% of the population), their representation in the Duma has stabilized at the level of 15–17%, while the public demand for increased female participation decreased from 45% in 1998 to 26% in 2025. The aim of the study was to develop a typology of “women’s wings” based on the nature of agency and to assess their potential as a mechanism for recruiting women into politics. The object of the study was party-affiliated public associations: the Women’s Movement of United Russia, Nadezhda Rossii (CPRF), the Social Democratic Union of Women of Russia (SRZP), the League of Women of the LDPR, and the Gender Faction of the Yabloko Party. The methodological basis is an adapted case study methodology, which includes the analysis of statutory documents, program materials, thematic analysis of official websites, social networks, and expert semi-structured interviews (2021–2024). A typology of four models is proposed: instrumental (United Russia), derivative (CPRF, LDPR), adaptive (SRZP), and transformative (Yabloko Party). It is established that “women’s wings” serve as a legitimate channel for recruiting women into politics in the context of the rejection of gender quotas, the conservative turn, and the demand for “feminine” managerial qualities. The paradox of the inverse relationship between resource and the transformative potential of the structure is revealed. It is concluded that

the gender imbalance in Russian politics is of a structural and institutional nature, rather than an individual or behavioral one. The typology can be used for comparative analysis of electoral results and forecasting the prospects for women's civic participation in contemporary Russian politics.

Keywords: women's associations; social agency; gender policy; women's political participation; electoral process; conservative turn; State Duma; political recruitment; parties

For citation: Milovanova M. Yu. "Women's wings" of Russian parties: social agency and political potential on the eve of the 2026 Duma elections. *Science. Culture. Society*. 2026;32(3):9–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.1>

References

1. Antonov A. I., Borisov V. A. Russia's population dynamics in the 21st century and demographic policy priorities. Moscow: Klyuch-S; 2006. (In Russ.).
2. Kochkina E. V. Russian electorate: demographic gap as political resource of gender segmentation. *Woman in Russian Society*. 2006;(3):47–60. (In Russ.).
3. Milovanova M. Yu. Social potential of gender communities as a real asset for the social development of Russia. In: Milovanova M. Yu. [ed.] The lifeworld of gender communities: social transformations and challenges of the digital society: coll. of arts. Moscow: RSUH; 2026. P. 10–13. (In Russ.).
4. Ovcharova O. G. Gender asymmetry of politics: changes in the global configuration. *Human. Community. Management*. 2016;17(2):70–81. (In Russ.).
5. Sillaste G. G. Russian women's organizations as a form of social community and its social dynamics in the modes of globalization and the formation of a new gender order. *Woman in Russian Society*. 2021;(2):28–46. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2021.2.3](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.2.3).
6. Milovanova M. Yu. Socially oriented non-profit organizations through the prism of gender: sociological analysis. *Woman in Russian Society*. 2019;(4):66–79. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2019.4.6](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.4.6).
7. Habermas J. *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln*. St. Petersburg: Nauka; 2000. (In Russ.).
8. Kollontai A. M. *The social foundations of the women question*. St. Petersburg: Znanie; 1909. (In Russ.).
9. Grishina Z. V. *Women's organizations in Russia (1905 – February–March 1917)*. Abstract of Candidate Degree Thesis. Moscow: MSU; 1978. (In Russ.).
10. Khasbulatova O. A., Gafizova N. B. *Women's movement in Russia: The second half of the 19th – early 20th century*. Ivanovo: Ivanovo State University; 2003. (In Russ.).
11. Aivazova S. G. Gender discourse in the field of conservative policy. *Woman in Russian Society*. 2017;(4):3–13. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2017.4.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.4.1).
12. Yukina I. I. *From lady-patronesses to zhenotdel activists: A history of the women's movement in Russia*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye; 2024. (In Russ.).
13. Pushkareva N. L., Pushkareva I. M. Two centuries of women's movement in Russia and its current state. *Woman in Russian Society*. 2021;(2):17–27. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2021.2.2](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.2.2).
14. Lomova T. E. Women's organizations as a segment of civil society of modern Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2021;14(2):124–142. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu12.2021.202](https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.202).
15. Sillaste G. G. Methodology and paradigm shift in the study of sociogender space and gender equality. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. 2022;(1-3):318–331. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2022-1-318-331](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-318-331).
16. Kranzeeva E. A. Changes in political consciousness and behavior of Russian women: challenges of digitalization. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. 2021;(1-1):258–266. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2021-1-258-266](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-1-258-266).
17. Velikaya N. M. Women in the political field of modern Russia. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. 2022;(1-3):332–344. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2022-1-332-344](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-332-344).
18. Milovanova M. Yu., Zolotych E. A. The political career of women in Russia and Germany: the experience of comparative analysis. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. 2023;(3-2):311–323. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2023-3-311-323](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-3-311-323).
19. Balbot N. A., Kryshтанovskaya O. V. The Role of the "Third Sector" in the Political Careers of Men and Women in Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024;15(4):133–154. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2024.15.4.6](https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.4.6).

20. Chirikova A. E., Lapina N. Yu. Women at the top levels of Russian regional power: basic trends. *Politex*. 2011;(4). (In Russ.). Available at: <https://www.isras.ru/publ.html?id=2266> (accessed: 12.06.2026).
21. Ushakova V. G. Gender problem in the programs of the Russian political parties and gender policy in Russia (1917–2017). *Nasledie*. 2017;2(11):79–89. (In Russ.).
22. Verbilovich O. E., Malinova O. Yu., Semenov A. V. [et al.] Public sphere: theory, methodology, case studies. Moscow: Variant: TsSPGI; 2013. (In Russ.).
23. Stepanova N. M., Kochkina E. V. [eds] Gender reconstruction of political systems. St. Petersburg: Aletya; 2004. (In Russ.).
24. Milovanova M. Yu., Kotlyarova V. M. Women's political leadership in the assessments of participants in a modern socio-political movement (The case of the Social Democratic Union of Women of Russia). In: Past, memory, narrative: the gender dimension of everyday life: proceedings of the 15th International scientific conference of RAIZHI and IEA RAS. Vol. 1. Penza: IEA RAS; 2022. P. 369–377. (In Russ.).
25. Velikaya N. M., Milovanova M. Yu. Women's public associations as social resource of political modernization in modern Russia. *Historical and Socio-Educational Idea*. 2012;(4):127–129. (In Russ.).
26. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.] How are you, Russia? Express information. 55th stage of the All-Russian sociological monitoring, May 2025. Moscow: FCTAS RAS; 2025. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025).
27. Aunger R., Gallyamova A., Grigoriev D. Network psychometric-based identification and structural analysis of a set of evolved human motives. *Personality and Individual Differences*. 2024;223:112921. DOI [10.1016/j.paid.2024.112921](https://doi.org/10.1016/j.paid.2024.112921).
28. Milovanova M. Yu. On the issue of women's participation in public politics and the “women's share” in politics. In: Women in the political space of Russia and foreign countries: proceedings of the conference. Moscow: Izdatel'skie resheniya; 2021. P.35–40. (In Russ.).

Received: 13.06.2026. Corrected: 12.07.2026. Accepted: 18.07.2026.

Author information:

Marina Yu. Milovanova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Sociology and Social Technologies, Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia. m_milovanova@mail.ru
ORCID: [0000-0002-5453-5954](https://orcid.org/0000-0002-5453-5954)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.3.2](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.2)
EDN [EFTEMS](https://edn.ru/EFTEMS)
УДК 328.18(470)

О. Г. Овчарова¹

¹ Российская государственная специализированная академия искусств.
Москва, Россия

КРЕПКАЯ СЕМЬЯ КАК ТРАДИЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ РОССИЯН: РЕАЛИЗАЦИЯ НОВЫХ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ИДЕЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИТЕТА ГД ПО ЗАЩИТЕ СЕМЬИ, ВОПРОСАМ ОТЦОВСТВА, МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА VIII СОЗЫВА

Аннотация. В статье рассматривается механизм институциональной трансляции ценности «крепкая семья» в деятельности Комитета ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства VIII созыва (2021–2026). В основе исследования лежит анализ документов Комитета (отчёты о мероприятиях и законопроектной деятельности за VIII созыв), материалов парламентских слушаний и данных ВЦИОМ. Установлено, что ценностные ориентиры Указа Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» транслируются Комитетом через последовательный перевод неформальных ориентиров в институциональные решения, правовые нормы и социальные практики. Указ стал главным нормативным основанием ценностно-мировоззренческого строительства в России, а реализация его смыслов — обязательной в деятельности органов власти всех уровней. Выбор деятельности именно Комитета ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства VIII созыва в качестве объекта исследования обусловлен уникальным опытом Комитета по решению задач семейной/демографической политики, а также социологичностью сферы законодательства — отражением социального в законе, с одной стороны, и формированием альтернативных общественных убеждений в результате введения новых норм, с другой стороны. Применение неинституционального подхода позволило сделать выводы о том, что последовательные институциональные изменения (изменение названия Комитета, правовые новеллы и тематические мероприятия), происходившие вслед за трансформациями векторов развития государственной политики, обусловленными социально-политическими изменениями, свидетельствуют о методической реализации в Комитете мировоззренческих идей, отражающих стратегические ориентиры российского государства.

Ключевые слова: Указ Президента РФ № 809; традиционные духовно-нравственные ценности; крепкая семья; Комитет ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства; неинституционализм; институциональная трансляция ценностей; законотворческая деятельность

Для цитирования: Овчарова О. Г. Крепкая семья как традиционная ценность россиян: реализация новых мировоззренческих идей в деятельности Комитета ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства VIII созыва // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 3. С. 27–40. DOI [10.19181/nko.2026.32.3.2](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.2). EDN [EFTEMS](https://edn.ru/EFTEMS).

Введение. «Крепкая семья» — одна из 17 традиционных, духовно-нравственных ценностей в России, официально закреплённых в Указе Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных рос-

сийских духовно-нравственных ценностей». Генеральное значение документа обозначено следующими позициями: «...Основы являются документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации... Усилия, предпринимаемые Российской Федерацией для развития духовного потенциала её народа, способствуют повышению сплочённости российского общества, осознанию гражданами необходимости сохранения и укрепления традиционных ценностей в условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса, ведущего к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов»¹.

Фактически Указ стал главным нормативным основанием ценностно-мировоззренческого строительства в России [1, с. 11], а реализация его смыслов — обязательной в деятельности органов власти всех уровней.

Учитывая государственную значимость сохранения ценности крепкой семьи² и уникальный опыт по решению задач семейной/демографической политики, накопленный Комитетом ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства, видится целесообразным рассмотреть проблему трансляции новых мировоззренческих идей в деятельности вышеобозначенного Комитета. Специфика исследования заключается в том, что деятельность Комитета ранее не рассматривалась как механизм институциональной трансляции ценностных установок в правовые нормы; не изучено, каким образом абстрактные формулы Указа № 809 конкретизируются в законотворческих решениях данного парламентского органа. Рассмотрение именно VIII созыва обусловлено тем, что это первый созыв, работавший в парадигме Указа № 809.

Цель статьи — анализ механизмов институциональной трансляции ценности «крепкая семья» через парламентские мероприятия и законопроектную деятельность Комитета ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства VIII созыва. Социологичность законодательства — отражение социального в законе, с одной стороны, и формирование альтернативных общественных убеждений в результате введения новых норм, с другой стороны, позволяет проследить сложную работу по сохранению, закреплению и приумножению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 26.06.2026).

² Основы регулирования семейной/демографической политики в РФ составляют несколько групп документов — от фундаментальных законов до стратегических планов и конкретных указов. В условиях демографического кризиса в России, роста количества разводов, увеличения возраста вступления в брак и рождения детей все документы стратегически важны.

Фундаментальные принципы государственной поддержки семьи, защиты отцовства, материнства и детства закреплены в Конституции РФ. Отношения в семье регулируются Семейным кодексом РФ. Гарантии труда и отдыха для семейных работников устанавливаются в Трудовом кодексе РФ. Конкретизация мер поддержки семей содержится в ряде Федеральных законов и Указах Президента РФ. К примеру, Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»; Указ Президента РФ от 09.12.2024 № 1047 «О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной демографической и семейной политики» и др. В государстве осуществляется «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года». Это ключевой документ стратегического планирования, утверждённый распоряжением Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р (в ред. от 30.04.2026). Символическое закрепление ценности семьи отражено в объявлении 2024 года Годом семьи (Указ Президента РФ № 875 от 22 ноября 2023 г.) и учреждении системы семейных государственных праздников — День семьи, любви и верности, День матери, День отца.

Теоретико-методологические основы и состояние изученности проблемы.

Под традиционными ценностями понимаются «...нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»³.

Теоретическое осмысление понятия «ценность» в современной науке предполагает различение трёх подходов: нормативного (ценности как предписания и правила), идеального (ценности как образцы и эталоны) и практического (ценности как реальные практики поведения) [2]. Эта классификация важна для понимания механизмов трансляции ценностей: Указ № 809 задаёт преимущественно нормативную и идеальную рамки, тогда как реализация ценностей в деятельности органов власти предполагает их перевод в практическую плоскость.

Дефиниция «крепкая семья» определена характеристиками, данными современными россиянами⁴ — ассоциативно это многодетная семья, основанная на сохранении преемственности семейных традиций в целом и традиционных семейных ценностей в частности.

Понимание социальной роли законодательной власти обусловлено, прежде всего, её представительным значением и в контексте данной статьи предлагается как трансляция новых мировоззренческих идей о ценности крепкой семьи в социум посредством правовых норм, законодательных инициатив и прочих документов, реализуемых в ходе проведения семейной/демографической политики. То есть деятельность Комитета ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства VIII созыва способствует переводу ценности семьи от абстрактного понимания к реальным нормам и практикам, воплощённым в конкретных действиях россиян — увеличение брачных союзов и рождаемости, снижение разводов, забота о старших и т.п. Подобную интерпретацию обеспечивает применение в работе, как основного, метода неoinституционализма. По мнению С. В. Патрушева, в неoinституционализме «особое внимание уделяется социокультурным символам и ценностям, стереотипам и регламентам, влияющим на структурирование макрополитики. Специфика “нового институционализма” (по сравнению со “старым”) состоит в том, что политические институты понимаются с точки зрения взаимосвязи формальных норм и неформальных правил игры, образующих в итоге сложные организационные отношения, формы взаимодействия и саму кооперативную деятельность людей, поддерживающих стабильность и воспроизводящих порядок в обществе» [3, с. 159]. Таким образом, неoinституционализм позволяет отчётливо проследить отражение в деятельности Комитета ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства новых мировоззренческих идей («неинститутов»), актуальных для современной государственной политики («институтов»).

Научную литературу по исследуемой в статье проблеме можно разделить по тематикам.

Интерпретация Указа Президента РФ № 809 как стратегического ориентира государственной политики России предложена А. Д. Харичевым [4],

³ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809.

⁴ Семья как ценность // ВЦИОМ. 24.01.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения 26.06.2026).

В. Э. Багдасаряном [1], И. И. Грунтовским [5]. Авторы подчёркивают аксиологическую суть Указа, позволяющего сформировать алгоритм построения новых мировоззренческих принципов россиян на основе реализации Указа в образовании, деятельности органов государственной власти, СМИ.

Замысел исследования потребовал обращения к работам, анализирующим природу и значение таких понятий как «традиционные ценности» и «ценность семьи». В работах коллектива учёных РАО [6] и С. В. Перевезенцева, А. В. Селезневой, И. С. Палитая и др. [7] традиционные ценности объясняются через призму их исторического формирования, психологической природы, значения для той или иной социальной группы (в первую очередь — молодёжи), возможности интериоризации посредством проведения комплексной политики, направленной на формирование/закрепление традиционных ценностей. Нельзя не отметить и иные работы, посвящённые анализу ценностной базы современной российской молодёжи, так как именно молодые люди — приоритетный ориентир семейной/демографической политики. В работах научного коллектива МГИМО [8], Д. Д. Тулегеновой [9], М. Ю. Миловановой [10] подчёркивается противоречивость комплекса ценностей, что вызывает необходимость перманентного мониторинга и изучения аксиологических понятий и интерпретаций молодёжи.

Выводы исследований, направленных на изучение ценности семьи/крепкой семьи, отчётливо продемонстрировали наличие данной ценности в сознании россиян [11]. Вместе с тем, учёные говорят и о проблемах, присутствующих в формировании у современных россиян модели брачных отношений как устойчивой (вне значительного количества разводов) [12].

Следует отметить ряд работ, направленных на изучение политического и правового обеспечения идеи традиционных ценностей и анализ деятельности органов власти того или иного уровня в сфере традиционных ценностей семьи и семейной политики [13; 14; 15; 16]. Работы Н. Н. Козловой, С. В. Рассадина и др. [17] позволяют говорить о непосредственных корреляциях между проводимой политикой и улучшением семейных настроений граждан.

Таким образом, анализ литературы показывает широту возможностей в совершенствовании методологии изучения ценности крепкой семьи сквозь призму деятельности органов власти, которую создаёт современная наука. Акцентуация в означенных работах на государственно-нормативных, социально-нормативных и политико-правовых аспектах проблемы формирования нового ценностного мировоззрения россиян даёт возможность говорить о важности и необходимости разработки выбранной проблематики. Вместе с тем анализ доступных трудов свидетельствует о недостаточной разработанности проблемы реализации ценности крепкой семьи как политического процесса, осуществляемого Комитетом ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства. Как уже было отмечено, институциональная трансляция ценностных установок через деятельность конкретного парламентского комитета остаётся неизученной. Восполнение этого пробела составляет цель настоящего исследования.

Помимо неоинституционализма, в исследовании применяется логический метод, метод исторического анализа, системный подход. Также применяется анализ документов и контент-анализ документов Комитета ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства VIII созыва. Корпус исследуемых

документов находится на официальном сайте Комитета⁵. Реперной точкой в работе с документами стали материалы итогового заседания Комитета 20 июля 2026 г.: «Отчёт по мероприятиям Комитета (за VIII созыв)» и «Отчёт по законопроектной деятельности Комитета» (за VIII созыв)⁶. Поскольку автор статьи — член экспертного совета Комитета ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства VIII созыва — в статье использовался метод нестандартизированного включённого наблюдения в ходе проведения заседаний экспертного совета комитета. Автор осознаёт свою включённую позицию как ресурс (доступ к материалам, понимание контекста принятия решений) и одновременно как ограничение, требующее критической дистанции при интерпретации данных.

История развития и миссия Комитета ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства. В соответствии с Конституцией РФ Государственная Дума образует из числа депутатов палаты, комитеты и комиссии. Комитеты — основные органы палаты, участвующие в законотворческом процессе⁷. Деятельность комитетов осуществляется согласно Регламенту Государственной думы⁸.

Исследуемый Комитет был образован в Думе I Созыва (14 января 1994 — 16 января 1996 гг.) под названием *Комитета по делам женщин, семьи и молодёжи*. Возглавляла его в эти годы Г. И. Климантова (фракция «Женщины России»). Во II Созыве Думы (16 января 1996 — 18 января 2000 гг.) комитет возглавляла В. В. Апарина (фракция КПрФ). В III Созыве (18 января 2000 — 29 декабря 2003 гг.) — С. П. Горячева (фракция КПрФ/независимый депутат). В IV Созыве Думы (29 декабря 2003 — 24 декабря 2007 гг.) произошло изменение наименования: с 30 марта 2005 г. Комитет стал называться *Комитетом по делам женщин, семьи и детей*. Руководила комитетом Е. Ф. Лахова (фракция «Единая Россия»). В V Созыве (24 декабря 2007 — 21 декабря 2011 гг.) комитет возглавила Е. Б. Мизулина (фракция «Справедливая Россия»), при руководстве которой вновь произошло изменение названия на *Комитет по вопросам семьи, женщин и детей* (с 6 февраля 2008 г.). В VI Созыве (21 декабря 2011 — 5 октября 2016 гг.) Е. Б. Мизулина продолжила руководство комитетом до 16 октября 2015 г., когда её сменила на посту О. Н. Епифанова (фракция «Справедливая Россия»). В VII Созыве Думы (5 октября 2016 — 12 октября 2021 гг.) Комитетом управляла Т. В. Плетнева (фракция КПрФ).

В VIII Созыве Думы (12 октября 2021 г. — сентябрь 2026 г.) в Комитете по вопросам семьи, женщин и детей, возглавляемом Н. А. Останиной (фракция КПрФ) произошли существенные институциональные изменения. 26 октября 2023 г. в Думе приняли решение переименовать Комитет по вопросам семьи, женщин и детей в *Комитет по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства*. По мнению Председателя ГД В. В. Володина, «вопросы отцовства впервые за 30 лет [работы] парламента наконец-то нашли своё отражение

⁵ Комитет Государственной Думы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства // Государственная Дума. URL: <http://komitet-sjd.duma.gov.ru/> (дата обращения 31.07.2026).

⁶ 20 июля состоялось итоговое заседание Комитета // Государственная Дума. URL: <http://komitet-sjd.duma.gov.ru/novosti/1d1b535b-19a5-4388-9575-fb50d11d9be2> (дата обращения 31.07.2026).

⁷ Как формируются Комитеты, Комиссии и Совет Государственной Думы // Государственная Дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/52306/> (дата обращения 31.07.2026).

⁸ Регламент Государственной Думы. Глава 4. Комитеты и комиссии Государственной Думы // Государственная Дума. URL: <http://95.173.130.41/duma/about/regulations/chapter-4/> (дата обращения 31.07.2026).

в названии комитета»⁹. Идея переименования комитета принадлежала именно В. В. Володину и встретила поддержку со стороны депутатов. Заместитель Председателя ГД А. Ю. Кузнецова, объявляя новое название комитета, подчеркнула смысл новеллы — «Комитет должен отвечать на современные вызовы и задачи и в том числе своим названием говорить о главной миссии, которая на плечах Комитета лежит». Н. А. Останина, в свою очередь, подчеркнула, что члены комитета сделают всё для того, «чтобы защита касалась не только женщин, не только детей, но и мужчин тоже»¹⁰.

Трансформации были позитивно оценены и в публичном дискурсе и в академической/экспертной среде. Резюмировать мнения можно словами Председателя Правления ВОД «Отцы России» А. Коченова. По инициативе этой общественной организации в России был учреждён, в частности, праздник День отца. «Наши инициативы по укреплению роли отца в семье и обществе были замечены и нашими законодателями. Сегодня мы видим новые обнадеживающие изменения. Один из комитетов Государственной Думы был переименован с учётом приоритетов в семейной политике. Комитет по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства теперь, действительно, опирается на образ традиционной полной семьи. При этом важно, что в названии комитета соблюдена последовательность иерархии. Отец — глава семьи, и это вопрос не тщеславия, а определения роли. За этой почётной позицией стоит ответственность, труд, жертвенность — всё то, что составляет понятие ответственного отцовства»¹¹.

Таким образом, последовательные институциональные трансформации (переименования Комитета), происходившие вслед за сменой векторов развития государственной политики, обусловленными социальными изменениями, свидетельствуют, что в Комитете методически реализуются новые мировоззренческие идеи, отражающие стратегические ориентиры российской политики. В терминах неоинституционализма, каждое переименование представляет собой институциональный акт, в котором неформальная ценностная установка (смена государственного дискурса) формализуется в структуре и компетенции парламентского органа. По мере того, как увеличивалось внимание государства к молодёжи и вопросы воспитания молодёжи актуализировались на уровне руководства страны и разных направлений государственной политики — молодёжной, образовательной, культурной [8, с. 3–4], из названия Комитета (а, следовательно, и из сферы деятельности) ушла номинация «молодёжь» (2005 г.). В процессе ухода от публичной риторики «гендерного равенства» к государственной риторике семейных ценностей, Комитет в своём названии на первый план выдвинул семью, а затем женщин и детей (2008 г.). В конечном итоге, откликаясь на утверждённый Президентом РФ список традиционных, духовно-нравственных ценностей, Комитет в своём названии продекларировал ценность крепкой семьи/полной семьи и, одновременно, социально-политическую миссию Комитета ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства. Её ясно выразила Н. А. Останина: «...Мы говорим о сохранении наших семейных традиций, семья — это не только ребёнок, не только мама, но и папа.

⁹ В ГД появится Комитет по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства // Государственная Дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/58181/> (дата обращения 31.07.2026).

¹⁰ Там же.

¹¹ Председатель Правления ВОД «Отцы России» Андрей Коченов о новом названии Комитета по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства // ВКонтакте. 01.11.2023. URL: https://vk.ru/wall-168767941_5360 (дата обращения 28.07.2026).

Мы включили в название ещё и “защиту отцовства”. Мы назвали более полно наш комитет... А защита — это тоже широкое понятие, защищать семью надо во всех смыслах. Геополитические вызовы не только в зоне СВО, началась борьба против традиционных ценностей... Защищать семью мы должны и внутри страны»¹². Именно эта миссия — формирование системных правовых и социальных условий, обеспечивающих защиту семьи, материнства, отцовства и детства, а также соблюдение прав детей и родителей, определяет содержание деятельности Комитета, анализируемой далее.

Мероприятия Комитета ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства VIII созыва как каналы трансляции традиционных ценностей. К мероприятиям комитета относятся: заседания комитета, парламентские слушания, «круглые столы», мероприятия международного сотрудничества, выставки и иные мероприятия. Основные — заседания комитета, которые проводятся, как правило, не реже двух заседаний в месяц в первую и третью неделю пленарных заседаний Государственной Думы¹³. Заседания могут проводиться, в том числе, и в формате опросного листа. В данном контексте следует отметить, что в состав Комитета ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства входят 8 депутатов Государственной Думы, из них 5 представителей фракции «Единая Россия», 2 — фракции КПРФ и 1 депутат, не входящий во фракции¹⁴.

В период работы Государственной Думы VIII созыва проведено 213 заседаний Комитета, в том числе 28 специальных (расширенных). Лейтмотивом всех заседаний выступила идея о традиционной ценности крепкой семьи, поскольку именно государственное решение вопросов семьи и есть ключевая деятельность Комитета. В итоговом отчёте Комитета, который 20 июля 2026 г. озвучила председатель Н. А. Останина, вышеизложенная мысль была проиллюстрирована словами Президента РФ В. В. Путина, которые воспринимаются членами Комитета как ориентир работы: «Какое бы решение Государственная Дума ни принимала, в какой сфере деятельности ни принимались бы законы, я вас прошу всегда думать о том, как это отразится на жизни семей с детьми»¹⁵.

Установка на укрепление духовно-нравственной ценности семьи прослеживается, к примеру, в содержании и формате межведомственных мероприятий Комитета. Характерно, что ключевые заседания проводятся в кооперации с профильными комитетами Госдумы, органами исполнительной власти и институтами гражданского общества, что обеспечивает многоуровневую трансляцию ценностных установок. Например:

¹² «Защита и отцовство»: Останина о переименовании комитета Госдумы по вопросам семьи // Национальная служба новостей. 29.01.2024. URL: <https://nsn.fm/society/zaschita-i-ottsovstvo-ostanina-o-pereimenovanii-komiteta-gosdumy-po-voprosam-semi> (дата обращения 28.07.2026).

¹³ Комитет Государственной Думы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства. Мероприятия // Государственная Дума. URL: <http://komitet-sjd.duma.gov.ru/meropriyatiya> (дата обращения 28.07.2026).

¹⁴ Представители фракции «Единая Россия» в Комитете: Т. В. Буцкая — первый заместитель председателя комитета, Е. А. Вторыгина — заместитель председателя комитета, В. В. Милонов — заместитель председателя комитета, О. В. Коробова, Т. П. Ларионова; КПРФ: Н. А. Останина — председатель комитета, М. В. Дробот — заместитель председателя комитета; вне фракций: Е. Е. Марченко. В период с 22.11.2023 г. по 29.03.2026 г. в состав комитета входила также В. В. Кулиева от фракции ЛДПР.

¹⁵ Владимир Путин: какое бы решение Государственная Дума не принимала, всегда надо думать о том, как это отразится на жизни семей с детьми // Государственная Дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/62074/> (дата обращения 28.07.2026).

- расширенное заседание с Комитетом ГД по труду, социальной политике и делам ветеранов и Комитетом ГД по контролю при участии заместителя председателя Правительства РФ Т. А. Голиковой в рамках подготовки государственного доклада о положении детей и семей, имеющих детей, в РФ (12 октября 2023 г.);
- расширенное совместное заседание тех же комитетов с участием четырёх членов Правительства РФ (заместителя председателя Д. Н. Чернышенко, министр просвещения РФ С. С. Кравцов, министр здравоохранения РФ М. А. Мурашко, министр труда и социальной защиты РФ А. О. Котяков) в рамках подготовки «правительственного часа» «Об организации отдыха и оздоровлении детей» (25 сентября 2024 г.);
- совместное заседание Комитета с Комиссией Общественной Палаты РФ по демографии, защите семьи, детей и традиционных семейных ценностей при участии экспертов и представителей научной общественности, по итогам которого участники выработали 17 предложений в проект рекомендаций парламентских слушаний по многодетным семьям (8 марта 2026 г.).

Парламентские слушания — один из наиболее социально и политически значимых форматов мероприятий законодательного органа власти. Благодаря парламентским слушаниям депутаты выявляют обстоятельства, вызывающие необходимость законодательного урегулирования тех или совершенствования действующих норм, а граждане вовлекаются в законотворческий процесс, обеспечивая его эффективность и демократическую легитимность [18].

Функционал парламентских слушаний, задача которых не только законотворчество, но и формирование ценностного отношения к крепкой семье, наглядно демонстрируют слушания Комитета ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства на тему: «О реализации государственной политики в отношении многодетных семей. Мониторинг исполнения Указа Президента Российской Федерации от 23 января 2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» в субъектах Российской Федерации» (23 марта 2026 г.). Слушания стали продолжением совместного заседания Комитета с Комиссией Общественной Палаты РФ, о котором говорилось выше. К участию были приглашены сенаторы, представители федеральных и региональных органов исполнительной власти, экспертного сообщества, общественных объединений, а также преподаватели и студенты высших учебных заведений. Учитывая широкий круг приглашённых, можно говорить не только об общественном резонансе и социальном освещении вопроса, но и о распространении на большую аудиторию идеи о необходимости защиты многодетных/крепких семей как ценности.

Выступая на итоговом заседании Комитета 20 июля 2026 г., председатель Н. А. Останина выделила три новеллы работы Комитета: поддержку участников СВО и их семей; научное сопровождение законотворческой работы; превращение Комитета в площадку для диалога с семьями, экспертами, общественными организациями, регионами РФ¹⁶. Обращает на себя внимание логика расширения круга участников от межкомитетского взаимодействия к вовлечению институтов гражданского общества, экспертного и научного сообщества. Практически все мероприятия и законопроекты Комитета сопровождаются экспертными научными/академическими заключениями, а на его базе действуют ра-

¹⁶ Из презентации доклада Н. А. Останиной. Материалы из архива автора.

бочие группы с участием представителей самых разных направлений отрасли, что обеспечивает работу на основе верифицированных данных. Таким образом, трансляция ценности «крепкой семьи» осуществляется не только «сверху» через правовые нормы, но и через диалоговые форматы с участием экспертов, общественников и представителей регионов.

Особое место в деятельности Комитета занимают символические мероприятия, среди которых отметим торжественные церемонии, приуроченные ко Дню семьи, любви и верности. Вручение общественных медалей «За любовь и верность» многодетным семьям стало ежегодной практикой Комитета, выполняющей функцию публичного признания и поощрения семей, воплощающих ценность «крепкой семьи». Подобные практики дополняют правовые и дискурсивные каналы трансляции ценностей, закрепляя их на эмоционально-символическом уровне.

Законотворческая деятельность Комитета ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства VIII созыва как формализация новых мировоззренческих идей. Сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей — одна из приоритетных тем законотворческой деятельности Комитета ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства VIII созыва¹⁷. Анализ принятых при участии Комитета Федеральных законов позволяет выделить две взаимосвязанные группы нормативных актов, формализующих ценность «крепкой семьи»:

1. Запретительные нормы, направленные на защиту ценностного пространства от практик, противоречащих традиционной модели семьи:
 - Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 386-ФЗ — запрет медицинских вмешательств, направленных на смену пола;
 - Федеральный закон от 23 ноября 2024 г. № 401-ФЗ — административная ответственность за пропаганду отказа от деторождения;
 - Федеральный закон от 23 ноября 2024 г. № 411-ФЗ — запрет распространения информации, пропагандирующей отказ от деторождения, в СМИ, кино и рекламе среди детей.
2. Нормы, интегрирующие ценностную рамку в смежные отрасли:
 - Федеральный закон от 08 августа 2024 г. № 260-ФЗ — закрепление обязанности иностранных граждан уважать традиционные российские духовно-нравственные ценности (включая представления о браке как союзе мужчины и женщины, семье, материнстве, отцовстве, детстве) в рамках миграционного контроля¹⁸;
 - Федеральный закон от 23 ноября 2024 г. № 405-ФЗ — запрет усыновления и передачи под опеку российских детей иностранным гражданам, проживающим в государствах, где разрешена смена пола.

Этот, далеко не полный, перечень изменений в законодательство РФ демонстрирует, каким образом ценностная формула Указа Президента № 809 конкретизируется в правовых предписаниях: от прямого запрета практик, проти-

¹⁷ Итоги законопроектной деятельности Комитета Государственной Думы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства в период работы Государственной Думы восьмого созыва / Под общ. ред. Н. А. Останиной. Москва: Государственная дума ФС РФ, 2026. С. 5. URL: <http://komitet-sjd.duma.gov.ru/storage/0be1df5f-e9ed-4642-9c16-332be8687eb2/Документы/Итоговый%20отчет%20по%20законопроектам%208%20созыв%2020.07.pdf> (дата обращения 31.07.2026).

¹⁸ Там же. С. 133–144.

воречащих традиционной модели семьи, до включения ценностных ориентиров в смежные отрасли законодательства (миграционное, семейное, информационное право). В терминах неоинституционализма, это процесс перевода неформальной ценностной установки в формальное правовое предписание — ключевой механизм институциональной трансляции.

Эффективность этого механизма Комитет иллюстрирует на примере действия ФЗ № 405-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации». За период с даты вступления закона в силу по настоящее время в государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, не зафиксировано иностранных граждан из государств, где разрешена смена пола, выразивших желание усыновить российских детей. Также, по данным формы № 103-рик «Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» за 2024–2025 гг. и оперативным данным субъектов РФ, в I квартале 2026 г. ни один такой ребёнок не был усыновлён иностранными гражданами¹⁹. Это позволяет констатировать, что формализация ценностной установки в правовой норме проявляется в измеримом практическом результате уже в краткосрочной перспективе.

Заключение. Итак, отличительной особенностью Комитета ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства VIII созыва стало систематическое использование экспертного сопровождения законотворческой работы и диалоговых форматов (парламентские слушания, совместные заседания с Общественной Палатой, рабочие группы), что принципиально расширяет каналы трансляции ценностей. Исследование парламентских мероприятий и законопроектной деятельности Комитета через призму неоинституционального подхода позволяет сделать вывод о последовательности и системности процесса институционального закрепления и социальной трансляции неформальных ценностных установок, закреплённых в Указе Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Иными словами, традиционные ценности как культурный образец и абстрактный эталон находятся в отношении взаимной обусловленности с формальными решениями и правовыми нормами, воплощаясь в них и реализуясь в социальном поведении. Проведённый анализ показал, что реализация Указа осуществляется через последовательную цепочку: неформальная ценностная установка → институциональное закрепление → формализация в правовых нормах → обратная связь в виде интериоризации ценностей в обществе.

Так, институциональное закрепление высокой роли отцовства в формальном решении о переименовании Комитета представляет собой перевод ценностной установки в структуру официальных полномочий, предметную компетенцию и символический статус парламентского органа. Формализация ценностных ориентаций в правовых нормах превращает абстрактную ценность в конкретное правовое предписание, обеспеченное механизмами административной ответственности и информационного контроля.

Реализация институциональных правил выражается в обратной связи с гражданами, а именно в их убеждениях и поведении: крепкая семья как традиционная духовно-нравственная ценность в настоящее время переживает пери-

¹⁹ Там же. С. 185–186.

од медленной, поступательной трансформации в сознании россиян. По данным ВЦИОМ, крепкая семья — одна из пяти ключевых ценностей россиян и входит в топ-3 ключевых целей, к которым сегодня стремятся россияне²⁰. С 2025 года статистика показывает снижение процента разводов в стране и увеличение значимости отцовства²¹. К числу факторов, детерминирующих эти процессы, наряду с деятельностью Комитета следует отнести патриотическое воспитание, ценностную риторику в СМИ и, безусловно, работу региональных и местных органов власти, которые на основе принятых Комитетом ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства VIII созыва решений при взаимодействии с гражданами строят свою деятельность на базе новых мировоззренческих парадигм и разрабатывают документы, учитывая ценностные запросы настоящего времени.

Традиционные ценности (в том числе и «крепкая семья») — исторически конструируемый и перманентно воспроизводящийся во времени процесс. Последнее качество позволяет говорить о том, что выравнивание ценностных ориентиров вполне вероятно, если их значимость будет артикулирована и включена в ткань политического взаимодействия государства и общества. Взаимодействие заинтересованное и открытое будет способствовать не только устранению амбивалентности ценностей, но интериоризации новых традиционных духовно-нравственных ценностей на основе того ценностно-символического капитала, который создают своей деятельностью органы власти, в данном исследовании — Комитет ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства VIII созыва.

Библиографический список

1. Багдасарян В. Э. Традиционные ценности и новое мировоззренческое строительство в России: проблемы и решения // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 8–25. DOI [10.18384/2949-5164-2024-1-8-25](https://doi.org/10.18384/2949-5164-2024-1-8-25). EDN [EVATJS](https://www.edn.ru/evatjs).
2. Рославцева М. В. Ценностная проблематика в национальных проектах Российской Федерации // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 129–144. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.10](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.10). EDN [BAYVWD](https://www.edn.ru/bayvwd).
3. Патрушев С. В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. 2001. № 2. С. 146–186. EDN [BDRGEN](https://www.edn.ru/bdrngen).
4. Харичев А. Д. Цивилизация «Россия» // Блокнот гражданского просвещения. 2025. № 7. С. 4–10.
5. Грунтовский И. И. Духовно-нравственные ценности — стратегический ориентир государственной политики Российской Федерации (обзор законодательства) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2025. № 4. С. 51–61. DOI [10.31249/iajpravo/2025.04.04](https://doi.org/10.31249/iajpravo/2025.04.04). EDN [BXVEZF](https://www.edn.ru/bxvezf).
6. Семейные ценности и ценностное отношение к семье: методология и позитивный опыт / Под ред. О. В. Гукаленко, И. Ю. Фроленковой. М. : Макс Пресс, 2024. 680 с. DOI [10.29003/m4306.978-5-317-07301-5](https://doi.org/10.29003/m4306.978-5-317-07301-5). EDN [RIRNKD](https://www.edn.ru/rirnkd).
7. Русские ценности: традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи / С. В. Перевезенцев, А. В. Селезнева, Т. В. Евгеньева [и др.]. М. : Квадрига, 2024. 720 с. EDN [EZNVJQ](https://www.edn.ru/eznvjq).

²⁰ Семья в системе ценностей россиян // ВЦИОМ. 06.06.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-cennostei-rossijan> (дата обращения 31.07.2026).

²¹ В РФ в 2025 году число разводов в семьях с детьми стало самым низким за 20 лет // ТАСС. 07.03.2026. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26685021>; Образ отца в современном обществе // 13.01.2026. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-otca-v-sovremennom-obshchestve> (дата обращения 31.07.2026).

8. Созидательные ценности современного российского студенчества / И. Э. Стрелец, Д. С. Мухортов, Е. А. Захарова [и др.]. М. : МГИМО, 2026. 322 с. DOI [10.63861/3086-7](#). EDN [UBRTTW](#).
9. Тулегенова Д. Д. Политические ценности современной российской молодежи: иерархия, типология, содержание : автореф. дис... канд. полит. наук : 5.4.5 / Тулегенова Динара Дархановна. Москва, 2026. 31 с.
10. Милованова М. Ю. Социальные интересы молодежи: актуальный партийно-политический дискурс и гендерный анализ // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 1. С. 97–106. DOI [10.28995/2073-6401-2022-1-97-106](#). EDN [ZCAUPG](#).
11. Летова Н. В. Семейная политика как основа сохранения и обеспечения ценностей в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2024. Т. 14, № 1. С. 58–66. DOI [10.33693/2223-0092-2024-14-1-58-66](#). EDN [CJJRXU](#).
12. Шишигин А. В. Крепкая семья как традиционная ценность и недостижимый идеал // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 108–117. DOI [10.24412/2308-7196-2024-2-108-117](#). EDN [KVLIRE](#).
13. Миронцева С. А., Гнедаш А. А. Государственная семейная политика и формирование семейных ценностей в современной России: институциональное, символическое и дискурсивное измерения // Южно-российский журнал социальных наук. 2024. Т. 25, № 4. С. 55–66. DOI [10.31429/26190567-25-4-55-66](#). EDN [XQAROB](#).
14. Скорев В. А. О защите и укреплении семейных ценностей в современном российском законодательстве: приоритеты и возможности // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2022. Т. 11, № 4. С. 128–135. DOI [10.24412/2225-8264-2022-4-128-135](#). EDN [CDMMCO](#).
15. Сим А. В. Нормативное правовое закрепление традиционных семейных ценностей в современном Российском государстве // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 44–45. DOI [10.47643/1815-1337_2025_4_44](#). EDN [STMLMV](#).
16. Федосеев П. С. Правовая охрана традиционных семейных ценностей российским законодательством: поиск основополагающей парадигмы // Правовая парадигма. 2023. Т. 22, № 2. С. 123–131. DOI [10.15688/lc.jvolsu.2023.2.16](#). EDN [EYHBLT](#).
17. Козлова Н. Н., Овчарова О. Г., Рассадин С. В. Семейная политика в субъектах Российской Федерации с высокой рождаемостью: гражданский и официальный дискурсы // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 1-2. С. 237–246. DOI [10.28995/2073-6401-2022-1-237-246](#). EDN [OYBSRE](#).
18. Щербик Д. В. Понятие и цели парламентских слушаний: исторические и теоретические основы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2018. № 14. С. 147–152. EDN [XNLEDM](#).

Поступила: 09.08.2026. Доработана: 08.09.2026. Принята: 12.09.2026.

Сведения об авторе:

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Российская государственная специализированная академия искусств; член научного совета РАПН, соруководитель исследовательского комитета по изучению участия женщин и мужчин в социально-политических процессах РАПН. Москва, Россия ovcharovao@ya.ru
Author ID РИНЦ: [680002](#); ORCID: [0000-0002-2918-331X](#)

O. G. Ovcharova¹¹ Russian State Specialized Academy of Arts. Moscow, Russia

STRONG FAMILY AS A TRADITIONAL VALUE AMONG RUSSIANS: IMPLEMENTING NEW WORLDVIEW IDEAS IN THE ACTIVITIES OF THE COMMITTEE OF THE STATE DUMA ON FAMILY PROTECTION, ISSUES OF FATHERHOOD, MOTHERHOOD AND CHILDHOOD, 8TH CONVOCATION

Abstract. The article examines the mechanism of institutional transmission of the value of a “strong family” in the activities of the Committee of the State Duma on Family Protection, Issues of Fatherhood, Motherhood and Childhood of the 8th convocation (2021–2026). The study is based on the analysis of the Committee’s documents (reports on activities and legislative work for the 8th convocation), materials of parliamentary hearings, and VTsIOM data. It is established that the value orientations of Presidential Decree No. 809 of November 9, 2022, “On the Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values,” are transmitted by the Committee through the consistent translation of informal value guidelines into institutional decisions, legal norms, and social practices. The Decree became the main normative foundation for shaping the state’s value-based worldview in Russia, and the implementation of its principles is mandatory for authorities at all levels. The choice of this Committee as the object of study is due to its unique experience in addressing family and demographic policy issues, as well as the sociological nature of the legislative sphere — the reflection of the social in the law, on the one hand, and the formation of alternative social beliefs as a result of introducing new norms, on the other hand. The application of the neo-institutional approach made it possible to conclude that successive institutional changes (the renaming of the Committee, legal innovations, and thematic events), which followed the transformations in the development vectors of state policy driven by socio-political changes, indicate the systematic implementation within the Committee of worldview ideas reflecting the strategic guidelines of the Russian state.

Keywords: Presidential Decree No. 809; traditional spiritual and moral values; strong family; Committee of the State Duma on Family Protection, Issues of Fatherhood, Motherhood and Childhood; neo-institutionalism; institutional transmission of values; legislative activity

For citation: Ovcharova O. G. Strong family as a traditional value among Russians: implementing new worldview ideas in the activities of the Committee of the State Duma on family protection, issues of fatherhood, motherhood and childhood, 8th convocation. *Science. Culture. Society.* 2026;32(3):27–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.2>

References

1. Bagdasaryan V. E. Traditional values and new worldview construction in Russia: problems and solutions. *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences.* 2024;(1):8–24. (In Russ.). DOI [10.18384/2949-5164-2024-1-8-25](https://doi.org/10.18384/2949-5164-2024-1-8-25).
2. Roslavytseva M. V. Value issues in national projects of the Russian Federation. *Science. Culture. Society.* 2025;31(2):129–144. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2025.31.2.10](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.10).
3. Patrushev S. V. Institutionalism in political science: stages, trends, ideas, problems. *Political Science.* 2001;(2):146–186. (In Russ.).
4. Kharichev A. D. The “Russia” Civilization. *Bloknot grazhdanskogo prosveshcheniya.* 2025;(7):4–10. (In Russ.).
5. Gruntovsky I. I. Spiritual and moral values as a strategic guideline of the state policy of the Russian Federation (review of legislation). *Social and Humanitarian sciences: Domestic and foreign literature. Series 4: State and Law.* 2025;(4):51–61. (In Russ.). DOI [10.31249/iajpravo/2025.04.04](https://doi.org/10.31249/iajpravo/2025.04.04).

6. Gukalenko O. V., Frolenkova I. Yu. [eds] Family values and value attitude towards family: methodology and positive practices. Moscow: Maks Press; 2024. (In Russ.). DOI [10.29003/m4306.978-5-317-07301-5](https://doi.org/10.29003/m4306.978-5-317-07301-5).
7. Perevezentsev S. V., Selezneva A. V., Evgenieva T. V. [et al.] Russian values: traditional meanings and their reflection in the consciousness of contemporary youth. Moscow: Quadriga; 2024. (In Russ.).
8. Strelec I. E., Muhortov D. S., Zaharova E. A. [et al.] Social and Individual Values of Russian College Students. Moscow: MGIMO; 2026. (In Russ.). DOI [10.63861/3086-7](https://doi.org/10.63861/3086-7).
9. Tulegenova D. D. Political values of contemporary Russian youth: hierarchy, typology, content. Abstract of Candidate Degree Thesis. Moscow; 2026. (In Russ.).
10. Milovanova M. Yu. Social interests of young people. Current party-political discourse and gender analysis. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. 2022;(1):97–106. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2022-1-97-106](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-97-106).
11. Letova N. V. Family policy as the basis for preserving and ensuring values in the Russian Federation. *Sociopolitical Sciences*. 2024;14(1):58–66. (In Russ.). DOI [10.33693/2223-0092-2024-14-1-58-66](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-1-58-66).
12. Shishigin A. V. Strong family as a traditional value and unattainable ideal. *Bulletin of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series 3: Humanities and Social Sciences*. 2024;(2):108–117. (In Russ.). DOI [10.24412/2308-7196-2024-2-108-117](https://doi.org/10.24412/2308-7196-2024-2-108-117).
13. Mirontseva S. A., Gnedash A. A. State family policy and the formation of family values in modern Russia: institutional, symbolic and discursive dimensions. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2024;25(4):55–66. (In Russ.). DOI [10.31429/26190567-25-4-55-66](https://doi.org/10.31429/26190567-25-4-55-66).
14. Skorev V. A. On the protection and strengthening of family values in modern Russian legislation: priorities and opportunities. *Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*. 2022;11(4):128–134. (In Russ.). DOI [10.24412/2225-8264-2022-4-128-135](https://doi.org/10.24412/2225-8264-2022-4-128-135).
15. Sim A. V. Normative legal consolidation of traditional family values in the modern Russian state. *Law and State: Theory and Practice*. 2025;(4):44–45. (In Russ.). DOI [10.47643/1815-1337_2025_4_44](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_44).
16. Fedoseev P. S. Legal protection of traditional family values by the legislation of Russian Federation: the search for a fundamental paradigm. *Legal Concept*. 2023;22(2):123–131. (In Russ.). DOI [10.15688/lc.jvolsu.2023.2.16](https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.16).
17. Kozlova N. N., Ovcharova O. G., Rassadin S. V. Family policy in the subjects of the Russian Federation with a high birth rate. Civil and official discourses. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. 2022;(1-2):237–246. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2022-1-237-246](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-237-246).
18. Shcherbik D. V. The definition and the main objectives of parliamentary hearings: historic and theoretical foundations. *Vestnik of Polotsk State University. Part D. Economic and Legal Sciences*. 2018;(14):147–152. (In Russ.).

Received: 09.08.2026. Corrected: 08.09.2026. Accepted: 12.09.2026.

Author information:

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, Associate professor,
 Professor at the Department of Humanities, Russian State Specialized Academy of Arts;
 Member of the Scientific Council of the Russian Political Science Association (RPSA),
 Co-Chair of the RPSA Research Committee on the Study of Women's and Men's
 Participation in Socio-Political Processes. Moscow, Russia. ovcharovao@ya.ru
 ORCID: [0000-0002-2918-331X](https://orcid.org/0000-0002-2918-331X)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.3.3](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.3)
EDN [GNTNKC](#)
УДК 316.346.2

Н. М. Великая¹, М. Е. Родионова²

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Обе — Москва, Россия

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК АКТОРЫ ГЕНДЕРНОГО ДИСКУРСА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ И КАЗАХСТАНА (НА ПРИМЕРЕ РПЦ И ДУМК)

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу роли Русской православной церкви и Духовного управления мусульман Казахстана в формировании и трансформации гендерного дискурса в Российской Федерации и Республике Казахстан. В центре исследования находится вопрос о том, каким образом религиозные институты участвуют в производстве, закреплении и легитимации представлений о семье, браке, материнстве, мужской ответственности и женской социальной роли. Исследовательская проблема связана с расхождением между формальным признанием равенства, заметным участием женщин в образовании и занятости и устойчивым воспроизводством семейно-ориентированных нормативных ролей. Основным методом исследования — критический дискурс-анализ публичных выступлений религиозных деятелей, официальных документов и их медийных репрезентаций 2016–2026 гг. Кодирование проводилось по фреймам семьи, материнства, мужских и женских социальных ролей, репродуктивных прав и традиционных ценностей. Выявлено, что в России Русская православная церковь действует в условиях государственной поддержки идеологии традиционных духовно-нравственных ценностей, тогда как в Казахстане Духовное управление мусульман Казахстана и исламские авторитеты влияют на гендерные нормы преимущественно через культурную, семейную и национальную традицию. Делается вывод, что религиозные организации выполняют двойственную функцию: с одной стороны, поддерживают традиционалистские представления и ограничивают расширение гендерной повестки, с другой, выступают механизмом социальной стабилизации и адаптации модернизационных изменений.

Ключевые слова: гендерный дискурс; религиозные организации; гендерный порядок; Россия; Казахстан; Русская православная церковь; Духовное управление мусульман Казахстана; традиционные ценности

Для цитирования: Великая Н. М., Родионова М. Е. Религиозные организации как акторы гендерного дискурса: сравнительный анализ России и Казахстана (на примере РПЦ и ДУМК) // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 3. С. 41–60. DOI [10.19181/nko.2026.32.3.3](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.3). EDN [GNTNKC](#).

Введение. Подписание 189 странами Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. и принятие ими обязательства следовать закреплённым в ней принципам позволили добиться значительных успехов в достижении гендерного равенства¹. Однако попытки ограничения

¹ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.1979 // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-elimination-all-forms-discrimination-against-women> (дата обращения: 06.07.2026).

© Великая Н. М., Родионова М. Е., 2026

уже завоёванных прав женщин предпринимались с известной регулярностью в самых разных странах, а современная гендерная политика остаётся полем идеологической борьбы между сторонниками различных, если не противоположных взглядов на сущность взаимоотношений между полами, на роль женщины в современном обществе, на политику государства по обеспечению прав женщин. При этом нормы, ценности и социальные практики гендерных взаимодействий постоянно подвергаются пересмотру, что дало основание известной исследовательнице А. Графф поставить вопрос о «войне гендера» (*war of gender*) [1]. Особенно ярко это проявляется в публичном дискурсе, который становится полем гендерных конфликтов, в которые вовлекаются самые разные социальные акторы: от политических партий и движений до сетевых сообществ и религиозных организаций. Особый интерес представляют последние, поскольку являются носителями традиционалистских ценностей, столь востребованных в обществах, которые находятся в процессе поиска собственной идентичности.

В современных постсоветских обществах религия сохраняет значение как институт символического регулирования общественных отношений, влияющий не только на социальные практики и нормы, но и на язык политики и процесс принятия политических решений. После распада СССР, сопровождавшегося переоценкой советского секулярного наследия, религиозные организации в России и Республике Казахстан постепенно вернулись в публичное пространство, принимая активное участие в обсуждении вопросов семьи и брака, материнства и воспитания, нравственности и образования, демографической и семейной политики, социальной ответственности. Именно религиозные организации активно ретранслируют устойчивые представления о «правильной» женственности, материнстве, супружестве и общественной активности [2].

Религиозный ландшафт России и Казахстана конфессионально неоднороден и включает православные, мусульманские и иные зарегистрированные религиозные объединения. В настоящем исследовании в качестве сопоставимых кейсов выбраны Русская православная церковь (РПЦ) и Духовное управление мусульман Казахстана (ДУМК): это крупнейшие и наиболее институционализированные религиозные организации соответствующих стран, располагающие устойчивыми каналами публичной коммуникации и взаимодействия с государственными институтами, а также значительным ресурсом влияния на дискурс о семье и гендерных ролях.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении особенностей конструирования гендерного дискурса РПЦ и ДУМК, а также в определении того, как их влияние соотносится с государственной гендерной, семейной, социальной и демографической политикой. Мы сравниваем российский и казахстанский кейсы в рамках метода анализа похожих случаев. Сравнение обосновано, во-первых, общим советским прошлым, поскольку советский опыт существенно изменил гендерные роли и секулярные основания общественной жизни, и, во-вторых, схожей динамикой постсоциалистических трансформаций [3]. Вместе с тем траектории развития режимов и культурные контексты формируют различную среду для разворачивания общественного дискурса о женщинах.

Используя сравнительный анализ, мы фокусируемся на том, как язык гендерного равенства сосуществует с традиционалистскими государственными нарративами. Отметим, что, по мнению ряда учёных, религиозный контекст является серьёзным препятствием на пути к гендерному равенству [4; 5]. Как выявили Инглхарт и Норрис, уровень религиозности связан с более консер-

вативными, патриархальными взглядами во всех областях жизни вне зависимости от вероисповедания [6]. При этом ислам чаще выступает стабильным предиктором поддержки патриархальных ценностей, что проявляется в разных социальных условиях. Вместе с тем другие учёные подчёркивают, что влияние ислама как такового на формирование патриархальных норм сильно преувеличено [7]. Представление о женщинах в исламе как об угнетённых и не имеющих прав людей серьёзно устарело: во многих странах, включая Тунис и Марокко, расширение экономического участия женщин сопровождается структурными изменениями и увеличением их представительства в парламентах [8]. В связи с этим мы предлагаем сравнить дискурсивные стратегии представителей РПЦ в России и ДУМК в Казахстане.

Теоретико-методологические основания изучения проблемы и методы исследования. На постсоветском пространстве статус гендерных вопросов в публичной сфере менялся в зависимости от политической ситуации, сначала они стали центральным пунктом общественных дебатов, а затем были оттеснены на периферию общественного дискурса. Мы разделяем мнение, что каждая социальная эпоха имеет свой собственный социальный порядок и своё гендерное выражение. В рамках данного подхода новый гендерный порядок рассматривается как результат социогендерных транзаций, затрагивающих институциональные и ценностные основания общественных отношений [9].

Более того, в разных странах гендерный порядок определяется достигнутым уровнем экономического и социального развития, исторической памятью, моральными установками нации, а также её культурным и ценностным кодексом, что отражено в политическом дискурсе [10]. Сопоставление страновых гендерных ландшафтов позволяет учитывать асимметрии и социальные риски, возникающие при взаимодействии глобальных норм и национальных культурных контекстов [11].

Следуя традиции феминистской социологии и интерсекционального подхода, мы рассматриваем гендер как сложную систему норм, ожиданий, телесных практик, языковых обозначений и институциональных предписаний. Эта система воспроизводится через семью, образование, государственную политику, религиозные организации, рынок труда, медийную среду и повседневную коммуникацию, что неизбежно разворачивает дискурс в плоскость оценивания иерархичности позиций мужчин и женщин, несправедливости распределения ресурсов и различий в социальных практиках. Гендерный дискурс в этом случае становится производным религиозных, культурных, правовых, демографических и социально-экономических факторов, действующих одновременно и создающих разные модели ограничения либо признания женской субъектности [12; 13; 14]. Нас интересует, как женские права и возможности отражены в дискурсе влиятельных представителей религиозных организаций и других лидеров мнений, ассоциированных с ними.

Религия в этом контексте рассматривается как социальный институт, участвующий в производстве норм, ценностей, символических границ и представлений о должном порядке общественной жизни, оперирующий моральными смыслами, объясняющий социальные роли через категории долга, ответственности, достоинства, греха, добродетели, служения и семейной гармонии. Именно эта способность придавать социальным отношениям нравственное обоснование делает религию значимым фактором гендерного дискурса. Как показано

в работе С. Бекер и др., религиозные учения и практики часто укрепляют традиционные гендерные роли, влияя на образование, занятость и решения о рождаемости, однако авторы одновременно фиксируют контекстуальные различия и исключения, связанные с конкретными конфессиями, социальными условиями и направлениями религиозных реформ [15].

В любом случае выбранный формат гендерного дискурса в состоянии как снизить напряжённость неравных гендерных отношений, так и сформировать гендерную асимметрию, маскируя дискриминацию под различие [16], что особенно ярко проявляется в обществах переходного типа, где определённый «гендерный порядок» находится в трансформации.

Наша исследовательская стратегия предполагает выделение идеологических элементов, артикулированных религиозными акторами в официальных документах, заявлениях, публичных текстах и выступлениях, а также выявление доминирующих текстовых фреймов, связанных с правами женщин и выраженных в риторических практиках.

Источниковая база исследования включает около 50 текстовых единиц, зафиксированных в списке литературы и подстрочных сносках; дублирующие позиции при подсчёте исключались. Основной эмпирический корпус составили опубликованные в 2016–2026 гг. официальные документы, заявления и публичные выступления представителей РПЦ и ДУМК, материалы официальных сайтов Patriarchia.ru и Muftyat.kz, а также публикации российских и казахстанских СМИ, дословно воспроизводящие высказывания религиозных деятелей (в частности, RTVI, Lenta.ru, «Москвич Mag», Informburo.kz и др.). Материалы, опубликованные до 2016 г., использовались только для реконструкции нормативного и теоретического контекста и не включались в основной временной массив.

Поиск и отбор проводились по сочетаниям названий организаций и имён религиозных деятелей с ключевыми словами «семья», «брак», «материнство», «отцовство», «роль женщины», «гендер», «аборт», «ЭКО», «суррогатное материнство», «традиционные ценности», «хиджаб», «никаб», «многожёнство» и «брак по принуждению». В корпус включались материалы, содержащие прямое высказывание представителя религиозной организации либо его дословное воспроизведение; дубли, краткие пересказы без цитат и публикации, не относящиеся к гендерной и семейной проблематике, исключались. Самостоятельный массив Telegram-каналов и YouTube-проповедей не формировался; материалы социальных сетей и цифровых проповедей учитывались только при наличии проверяемой первичной ссылки либо точной атрибуции в научной публикации.

Единицей анализа служил смысловой фрагмент. Кодировались фреймы семьи и брака, материнства, женской и мужской социальных ролей, репродуктивного выбора, равенства, традиции и национальной идентичности. Критический дискурс-анализ использовался для выявления оценочных противопоставлений и способов нормализации гендерных ролей. Процедура включала три этапа: фиксацию прямых определений и оценочных противопоставлений; выделение способов легитимации через право, священную традицию, демографию, культурную преемственность и социальную практику; межстрановое сопоставление конфигураций фреймов и способов легитимации с учётом типа источника.

Гендерная политика в России и Казахстане: нормы, практики и социально-экономические ограничения. Как в РФ, так и в РК равенство мужчин и женщин закреплено в Конституции, признаётся участие женщин в экономиче-

ской, образовательной, профессиональной и общественной жизни, а государственные документы включают положения, связанные с защитой семьи, материнства, детства и расширением социальных возможностей женщин. Вместе с тем правовое признание равенства не устраняет структурных ограничений, проявляющихся в политическом представительстве, уровне доступа к руководящим позициям, различиях в доходах и символическом восприятии женщины прежде всего через её семейную и репродуктивную функцию [17, с. 40–56; 18].

Согласно докладу Всемирного экономического форума об индексе глобального гендерного разрыва, который оценивается по экономическому участию, образовательным возможностям, здоровью и политическому влиянию [19], Россия в докладе 2025 г. не представлена среди 148 экономик текущего рейтинга, что не позволяет провести прямое сопоставление; Казахстан занимает 92-е место. По показателю Всемирного банка об участии в рабочей силе населения 15–64 лет в 2025 г. доля женщин составляет 71,9% в России и 73,3% в Казахстане, мужчин — 80,6% и 80,7% соответственно; гендерный разрыв составляет 8,7 и 7,4 п.п.²

Показательно, что и в России, и в Казахстане женщины имеют высокий уровень образования и занятости, широко представлены в системе образования, социальной сфере, здравоохранении и отдельных сегментах управления. Однако на уровне парламентского участия, высшей исполнительной власти и стратегического политического руководства сохраняется выраженный дисбаланс: в 2024 г. доля женщин в национальных парламентах составляла 16,4% в России и 19,4% в Казахстане (см. рис. 1). Отдельно гендерные изменения фиксируются и в составе советов директоров компаний [20]³.

Рисунок 1. Динамика представительства женщин в парламентах России и Казахстана в 2000–2024 гг.

² Labor force participation rate, total (% of total population ages 15–64) (modeled ILO estimate) // World Bank. Gender Data Portal. URL: <https://genderdata.worldbank.org/en/indicator/sl-tlf-acti-zs?age=15-64&gender=gender-gap> (accessed: 06.07.2026).

³ Women in Politics: 2026: map // Inter-Parliamentary Union; UN Women. URL: <https://www.ipu.org/file/23158/download>; Женщины и мужчины России. 2024: стат. сб. / Росстат. Москва, 2024. 176 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wum_Man_2024.pdf; Women and Men of Kazakhstan. 2019–2023: Statistical Compilation / Bureau of National Statistics. Astana, 2024. 106 p. URL: <https://stat.gov.kz/upload/iblock/6b4/e2spyxsnfjyld3ovbpyca056e0ey3cq/C-11-Г%20%28англ%29.pdf> (дата обращения: 06.07.2026).

Отсутствие гендерных квот, высокая персонализация политики и преобладание традиционалистской риторики приводят к тому, что женское политическое участие в РФ оказывается зависимым не только от профессиональных ресурсов, но и от символических ожиданий, предписывающих женщине прежде всего семейно-ориентированную роль. Казахстан, напротив, в настоящее время использует элементы квотирования и демонстрирует большую готовность к институциональному оформлению женского представительства, однако и здесь квотные механизмы не устраняют глубинного разрыва между присутствием женщин в публичной системе и их реальным влиянием на принятие решений [21]. На выборах 2023 г. женщины делили 30-процентную квоту с молодёжью и лицами с инвалидностью, в результате чего их представительство в парламенте сократилось⁴.

Наши исследования подтверждают тот факт, что гендерная политика определяется общим направлением эволюции политических режимов [10]. Расхождения, пусть и незначительные, траекторий постсоветских трансформаций в России и Казахстане имели следствием различные модели гендерной политики. Если в России наблюдалась активизация женских движений самого разного толка (от радикальных феминистских до радикально традиционалистских), расширение практик политического участия женщин (вплоть до создания женской политической партии, участвовавшей в выборах)⁵, всплеск интереса научного сообщества к гендерным исследованиям, то в Казахстане в 1990-е — начале 2000-х гг. больший вес имели как раз организации традиционалистского плана, ассоциированные с религиозными организациями и движениями, что, однако, не исключало и других форматов женского активизма.

При этом на государственном уровне значимых решений, способствующих гендерному равенству, не принималось ни в России, ни в Казахстане. Со второго десятилетия XXI в. курс на поддержку традиционных ценностей в России сократил возможности деятельности именно феминистических организаций, часть из которых позднее столкнулась с правовыми и институциональными ограничениями. Напротив, деятельность организаций, продвигающих основные идеи государственной семейной и демографической политики с курсом на многодетность, поддерживается.

В Казахстане же реформы, запущенные президентом Токаевым и декларирующие курс на модернизацию, привели к критической оценке в публичном пространстве деятельности ряда религиозных организаций и сформировали легальную среду для структур, в большей степени ориентированных на международную повестку обеспечения гендерного равенства.

Тем не менее гендерный порядок в анализируемых странах определяется сложившимся консервативным консенсусом. При этом в России обращает на себя внимание идеологическая артикулированность проблем гендерного поля. Казахстанская модель демонстрирует баланс между модернизационной риторикой и традиционалистскими ожиданиями: государство декларирует привержен-

⁴ Kazakhstan, Mazhilis: Data on women // IPU Parline. Quota: at least 30% of party-list candidates collectively women, youth under 35 and persons with disabilities; amendment effective 01.01.2023. URL: <https://data.ipu.org/parliament/KZ/KZ-LC01/data-on-women> (дата обращения: 06.07.2026).

⁵ Политическая партия «Женщины России» по итогам парламентских выборов 1993 г. сформировала полноценную фракцию в Государственной Думе ФС РФ.

ность международным стандартам гендерного равенства, развивает программы по противодействию насилию и поддержке женского лидерства, но одновременно ограничивает политизацию феминистской повестки и оставляет неизменным патриархальный каркас семейного уклада [21]. Сходные противоречия отмечаются и в исследованиях гендерного измерения интеграционных процессов на постсоветском пространстве [22].

Если женщина в публичном дискурсе описывается прежде всего через материнство и семью, экономическая и политическая активность начинает восприниматься как вторичная по отношению к домашней сфере, даже при отсутствии прямых правовых ограничений. Такая модель не обязательно исключает женскую занятость, но задаёт ей особый режим оправдания: женщина может работать, развивать бизнес, строить карьеру, заниматься политикой, если эти формы активности совместимы с материнской и семейной функцией. Социальная политика и в России, и в Казахстане поддерживает женщин именно как матерей, работниц с семейными обязанностями, а центральным основанием государственной заботы оказывается её вклад в семью, рождение детей и поддержание демографической стабильности, но не её автономия. Так, Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы фиксирует необходимость расширения возможностей женщин, повышения их экономической самостоятельности, участия в общественной жизни и защиты от неблагоприятных социальных факторов. Однако основной фокус направлен на поддержку семьи, материнства, детства, демографии и социальной устойчивости, что в дискурсивных практиках сопровождается возложением на женщину семейно-демографической ответственности⁶.

В Казахстане Концепция семейной и гендерной политики до 2030 года задаёт комплексную рамку, объединяющую вопросы равных прав, семейного благополучия, участия женщин в общественной жизни, защиты детей, ответственного родительства и расширения социальных условий для совмещения профессиональной занятости с семейными обязанностями. При этом казахстанская модель не противопоставляет гендерную политику семейной, а соединяет их в одном документе, создавая гибридную конструкцию, в которой равенство понимается через модернизацию общественных институтов, но одновременно поддерживается в границах значимости семьи как базовой социальной ценности⁷.

В итоге гендерная политика России и Казахстана обнаруживает сходную амбивалентность: женщина признаётся юридически равноправной, социально активной и экономически значимой, однако её публичная роль продолжает оцениваться через семейно-нормативную призму, а религиозные организации легитимируют этот подход. Государственные документы используют сходный словарь, хотя смысловые конструкции различаются: российская стратегия связывает самостоятельность женщин с демографией, а казахстанская концепция объединяет семейную и гендерную повестку в рамках модернизации социальных институтов (табл. 1).

⁶ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 № 4356-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/ilHtVCkhsKBAE9DAfID3Akpd787xAOc4.pdf> (дата обращения: 06.07.2026).

⁷ Об утверждении Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года: Указ Президента Республики Казахстан от 06.12.2016 № 384. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/kaz192054.pdf> (дата обращения: 06.07.2026).

Таблица 1

Государственные рамки гендерной и семейной политики

Основание сравнения	Россия	Казахстан
Базовый документ	Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.	Концепция семейной и гендерной политики до 2030 года
Связь равенства и семьи	Расширение возможностей женщин сочетается с демографической и семейной повесткой	Равенство и семейное благополучие объединены в одной политической рамке
Образ женской субъектности	Работница, мать, участница общественной жизни	Гражданка, мать, участница экономики, субъект модернизации
Основной риск реализации	Подмена автономии семейно-демографической ответственностью	Разрыв между модернизационной нормой и неформальными ожиданиями

Источник: составлено авторами по национальным документам⁸ и международной аналитике.

Важно отметить, что сближение государственной ценностной повестки и позиции РПЦ сопровождается сужением возможностей для части феминистских и женских НКО. В публичном пространстве конструируется преимущественно негативный образ феминизма, а отдельные политики выдвигали предложения признать феминизм экстремистской идеологией. Применение ограничительного законодательства к отдельным организациям уменьшает их возможности публичной и просветительской деятельности.

В Казахстане, где декларируется курс на модернизацию, феминистские движения в настоящее время развиваются достаточно активно. Участие НКО способствовало общественному обсуждению и принятию в 2024 г. законодательных изменений по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей. Кроме того, в плане работы Сената Казахстана была предусмотрена разработка проекта модельного закона о противодействии семейно-бытовому насилию для последующего внесения в Межпарламентскую Ассамблею СНГ⁹.

Религиозные организации как акторы гендерного дискурса в России и Казахстане. Возрастание роли религиозных организаций в публичном дискурсе стало следствием религиозного возрождения конца 1980-х — начала 1990-х гг.,

⁸ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 № 4356-р; Об утверждении Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года: Указ Президента Республики Казахстан от 06.12.2016 № 384.

⁹ Главой государства подписан закон Республики Казахстан о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей // Akorda.kz. 15.04.2024. URL: <https://akorda.kz/ru/glavoy-gosudarstva-podpisan-zakon-respubliki-kazahstan-o-vnesenii-izmeneniy-i-dopolneniy-v-nekotorye-zakonodatelnye-akty-respubliki-kazahstan-po-voprosam-obespecheniya-prav-zhenshchin-i-bezopasnosti-detey-153316>; План основных мероприятий Сената Парламента Республики Казахстан: разработка и внесение в Межпарламентскую Ассамблею СНГ проекта модельного закона «О правовом регулировании противодействия семейно-бытовому насилию». URL: <https://senate.parlam.kz/ru-RU/docs/download?id=50&url=schedule%2Fworkplan> (дата обращения: 06.07.2026).

которое имело место во всех странах постсоветского пространства, хоть и в разных масштабах.

Уже с 2000-х гг. РПЦ позиционирует себя как актор семейной политики, а с 2010-х гг. российское государство продвигает модель «традиционной» семьи, близкую к церковным представлениям о браке, родительстве и деторождении. Это позволило российским исследователям констатировать сходство семейных моделей, предлагаемых государством и церковью, и проследить развитие практик сотрудничества, включая поддержку религиозно мотивированных инициатив, связанных с ценностью семьи, пронаталистской политикой и ограничением репродуктивного выбора [24]. Материнство при этом начинает рассматриваться не только как личный выбор, но и как общественно значимая функция. Религиозная аргументация, апеллирующая к нравственности, браку и деторождению, оказывается совместимой с государственной повесткой социальной стабильности, что усиливает традиционалистскую модель.

В Казахстане, как и в других странах Центральной Азии, после распада Советского Союза идеологический вакуум стал заполняться новыми проявлениями исламской религиозности [25, с. 199], что сопровождалось заимствованиями из арабо-мусульманских обществ. На исламское возрождение одновременно влияли исторически сложившиеся кочевые и тенгрианские традиции, что отразилось и на гендерных отношениях [26]. Поэтому в религиозной сфере Казахстана сосуществуют две разнонаправленные тенденции — неполная секуляризация и развивающаяся десекуляризация, отражающие многогранность и неоднородность религиозного процесса [27, с. 61].

Этот культурный конфликт проявился, в частности, в сетевой активности женщин под хэштегом *#ТыНеАрабка*. Одновременно представители религиозной общественности поддержали возможность запрета на ношение никаба. Так, верховный муфтий Казахстана Наурызбай кажы Таганулы заявил, что не возражает против запрета: «Никаб — одежда, закрывающая лицо. Шариат не предписывает ношение такой одежды. Мы подчиняемся закону»¹⁰.

Религиозные организации в России и Казахстане целесообразно рассматривать не только как институты, обеспечивающие сохранение конфессиональной традиции и религиозное образование, но и как самостоятельных участников публичного производства социальных норм — прежде всего в сфере конструирования допустимых и оптимальных моделей женского и мужского поведения. По сути, религиозные организации становятся механизмом моральной экспертизы, что особенно востребовано в обществах, где государственная политика активно обращается к категории традиции [28].

В российском случае данная логика получает выраженное институциональное оформление. Указ Президента РФ № 809¹¹ закрепляет традиционные российские духовно-нравственные ценности как предмет государственной политики, включая в их число крепкую семью, преемственность поколений, взаимопомощь, созидательный труд и приоритет духовного над материальным. В

¹⁰ Верховный муфтий Казахстана поддержал возможный запрет на ношение никабов в стране // Eurasia Today. 03.09.2024. URL: <https://eurasiatoday.ru/verhovnyj-muftij-kazahstana-podderzhal-vozmozhnyj-zapret-na-noshenie-nikabov-v-strane/> (дата обращения: 06.07.2026).

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 06.07.2026).

этом контексте РПЦ получает возможность выступать не только как конфессиональная организация, но и как носитель символического ресурса, совпадающего с официальной ценностной повесткой.

Представители РПЦ и других конфессий в России неоднократно выступали в качестве основных ньюсмейкеров и спикеров при обсуждении вопросов семьи, детства, женской роли и женского предназначения. Особую активность они проявили в продвижении инициатив по ужесточению регулирования аборт и расширению программ «профилактики» прерывания беременности, таких как программы фонда «Женщины за жизнь», который активно работал с региональными общественными палатами и парламентами при принятии запретов на аборт в частных клиниках в регионах страны, а также законов о штрафах за склонение к аборт. На момент подготовки статьи подобные ограничения действовали в ряде субъектов РФ. Патриарх Кирилл неоднократно призывал распространить запрет на «склонение к аборт» на федеральный уровень как ответ на демографический кризис.

На Петербургском международном юридическом форуме в июне 2026 г. представитель РПЦ и руководитель секретариата Всемирного русского собора Василий Лосев заявил, что право женщины на аборт по желанию противоречит Конституции РФ, а основы традиционных духовных ценностей должны обязательно преподаваться будущим юристам и медикам. Председатель Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства иерей Фёдор Лукьянов, в свою очередь, высказался против ЭКО, связывая эту практику с возможным ростом числа однополых семей, и предложил лечить бесплодие воздержанием¹².

Хотя стратегия сокращения числа абортов преимущественно запретительными мерами вызывает закономерную критику правозащитников и экспертов, радикальные взгляды традиционалистов получают широкое освещение в российских СМИ¹³.

В Казахстане ДУМК также действует в условиях светского государства, однако исламская традиция сохраняет значимое культурно-нормативное влияние, проявляясь в представлениях о семье, супружеской ответственности, воспитании, нравственности, уважении к старшим и допустимых границах женской публичности. Казахстанские учёные показывают, что модернизация не ослабляет патриархальные устои, а ведёт к так называемому «морализаторскому патриархальному компромиссу», с помощью которого иерархия легитимизируется как ответственность, забота и коллективная преемственность, а не как доминирование [29]. При этом казахстанская модель не предполагает столь же плотного сращивания религиозного и государственного дискурса, как российская, но религиозный фактор детерминирует общественные ожидания, особенно в сфере повседневной семейной морали.

В материале Informburo.kz, посвящённом соотношению религиозных установок и светских ценностей, приводится следующая характеристика положения

¹² Глущенкова Д. ИИ, иноагенты, неконституционные аборты и «деструктивная» литература: самые резонансные заявления ПМЮФ-2026 // Москвич Mag. 26.06.2026. URL: <https://www.mn.ru/smart/ii-inoagenty-nekonstitucionnye-aborty-i-destruktivnaya-literatura-samy-rezonansnye-zayavleniya-pmyuf-2026> (дата обращения: 06.07.2026).

¹³ Шейкина А. Первый российский регион запретил склонять женщин к аборт // Lenta.ru. 03.08.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/08/03/abort/>; В РПЦ предложили ввести в медвузах занятия о христианских ценностях // ТАСС. 28.06.2026. URL: <https://tass.ru/obschestvo/27864351> (дата обращения: 06.07.2026).

женщины в семье: «...роль женщины в исламе сводится к семейным заботам. Но это не значит, что религия ущемляет свободу женщины. У неё есть права! В том числе на труд, на образование. Другое дело, что вера обязывает её подчиняться мужчинам. Именно от них зависит, сможет ли женщина-мусульманка вести полноценную жизнь в обществе или будет заниматься сугубо семейным бытом»¹⁴. В казахстанском религиозном дискурсе также встречаются критические оценки ЭКО и суррогатного материнства.

Можно констатировать, что различие между двумя странами заключается не в наличии или отсутствии религиозного влияния, а в способах его институционального и дискурсивного оформления.

Согласно официальной позиции РПЦ по вопросам семьи и брака, семья мыслится как естественная и нравственно значимая форма человеческого существования, брак определяется как союз мужчины и женщины, деторождение и воспитание детей описываются через духовную ответственность, а материнство, при сохранении высокого символического статуса, рассматривается как обязанность, что вполне определённо отражено в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви»¹⁵. Такая риторика создаёт особый тип гендерной нормативности, где женщина признаётся значимой прежде всего внутри семьи, где её социальная роль связывается с заботой, воспитанием, материнством, терпением, нравственным влиянием и сохранением межпоколенческой преемственности. Мужчина, в свою очередь, чаще помещается в позицию ответственности, защиты, внешнего представительства и семейного руководства. Формально эти роли могут описываться как взаимодополняющие, однако их социальный эффект оказывается иерархическим, поскольку публичная субъектность женщины оказывается теснее привязанной к семейной функции, чем субъектность мужчины. На практике это часто проявляется в жёстко иерархических высказываниях представителей церкви. Так, протоиерей Ткачёв заявил, что «мужчина — это человек, а женщина — его тень», подчеркнув, что женщины излишне требовательны и находятся в постоянном недовольстве, так как им «вложили в уши, что они достойны чего-то большего»¹⁶.

Современный православный дискурс о браке и семье в России следует рассматривать в более широком контексте идеологизации семейной политики, в котором религиозные категории включаются в стратегии национальной идентичности, цивилизационной устойчивости и противостояния внешним ценностным влияниям. В этом смысле нарратив РПЦ отражает процессы идеологизации и секьюритизации демографической проблематики в современной России [30]. Фактически мы можем говорить о совпадении риторики церкви и государства. В таком формате религиозная организация участвует в производстве защитного дискурса, где сохранение традиции приобретает приоритет над переосмыслением гендерных иерархий.

При этом некоторые организации, ассоциирующие себя с православным активизмом (например, движение «Сорок сороков» и организации пролайф-на-

¹⁴ Современная женщина и ислам. Ценности, традиции и перемены // Informburo.kz. 17.09.2020. URL: <https://informburo.kz/special/sovremennaya-zhenshchina-i-islam-cennosti-tradicii-i-peremeny.html> (дата обращения: 06.07.2026).

¹⁵ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Патриархия.ru. 09.06.2008. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/105101> (дата обращения: 06.05.2026).

¹⁶ Достоевский Г. «Вечно неудовлетворенные»: Ткачев обвинил женщин в отказе быть «тенью» мужчины // RTVI. 29.06.2025. URL: <https://rtvi.com/news/vechno-neudovletvorennye-tkachev-obvinil-zhenshhin-v-otkaze-byt-tenyu-muzhchiny/> (дата обращения: 06.07.2026).

правления), используют более конфронтационную риторику и выступают инициаторами общественных и законодательных кампаний.

В казахстанском контексте Духовное управление мусульман Казахстана, представляя исламскую традицию в институционализированной форме, действует в условиях светского государства, но сохраняет влияние на повседневные представления о семье, супружестве, воспитании и нравственном поведении. В отличие от российской модели, где церковный дискурс заметно сближается с государственной идеологией традиционных ценностей, ДУМК чаще выступает как культурно-нормативный актор, предлагающий обществу моральные ориентиры, не подменяя собой государственную политику. Казахстанский религиозный дискурс не исключает модернизационную повестку, соответствующую государственному курсу, и встраивает её в традиционную семейную модель.

В официальном материале ДУМК, посвящённом семье как общей ответственности обеих сторон, семья рассматривается как ценность, требующая ответственности, взаимного уважения, нравственной выдержки и правильного распределения обязанностей между супругами. При этом акцент переносится не только на подчинение женщины, но и на ответственность обоих участников брака, что позволяет отличить официальный институциональный дискурс ДУМК от более жёстких патриархальных интерпретаций, циркулирующих в неформальном религиозном медиапространстве¹⁷. Данная риторика не является либеральной в западном смысле, так как она сохраняет представление о семье как нравственном центре общества и признаёт различие мужских и женских обязанностей. Однако она является более адаптивной по сравнению с жёстко иерархизированными моделями, поскольку допускает включение женщины в образование, труд, социальную активность и общественную коммуникацию при условии сохранения семейной ответственности и нравственной нормативности. Подчёркнём, что ДУМК связывает семейную устойчивость не только с формальным распределением ролей, но и с моральным качеством отношений. Женщина в этой модели остаётся матерью и женой, но одновременно может признаваться участницей социальной жизни, если её активность не вступает в конфликт с семейной и нравственной рамкой. Мужчина сохраняет статус ответственного субъекта семьи, однако его роль также описывается не только через власть, но и через обязанность заботы, справедливости и сдержанности. Это создаёт модель умеренного традиционализма, в которой патриархальная структура смягчается языком взаимной ответственности.

Официальный дискурс ДУМК не исчерпывает всего пространства религиозной коммуникации в Казахстане. В условиях цифровизации значительную роль начинают играть социальные сети, видеоплатформы, публичные проповедники, блогеры и религиозные авторитеты, чьи высказывания способны быстро распространяться за пределами мечети или официального религиозного учреждения. Именно в этой среде гендерные нормы получают более конфликтное и полемическое выражение, поскольку неформальные религиозные лидеры могут транслировать жёсткие патриархальные интерпретации, претендующие на статус «истинной» традиции или религиозно оправданного семейного порядка. Материалы

¹⁷ Верховный муфтий: семья — общая ответственность обеих сторон, а не только одного человека // Официальный сайт Духовного управления мусульман Казахстана. 30.05. 2025. URL: <https://www.muftyat.kz/ru/muftiler-alqasy/qmdb/2025-05-30/46611-verhovnyij-muftij-semya---obschaya-otvetstvennost-oboih-storon-a-ne-tolko-odnogo-cheloveka/> (дата обращения: 06.05.2026).

неформальных проповедников использовались как контекстуальный дополнительный массив и не отождествлялись с официальной позицией ДУМК.

Исследование А. Тасболат, посвящённое анализу высказываний Ризабек Баттаулы¹⁸ в казахстанских социальных медиа, показывает, что религиозный дискурс в цифровой среде активно участвует в определении женских гендерных ролей, а большинство высказываний не столько отражают историко-культурные представления о женщинах, сколько формируют общественные нарративы, закрепляющие мужское доминирование, женскую подчинённость и контроль над поведением женщины, что позволяет говорить о широком спектре религиозно-патриархальных практик смыслообразования.

Помимо публичного дискурса, ДУМК расширяет своё влияние через религиозно-просветительские проекты. Летом 2026 г. в мечетях Казахстана, в том числе в Алматы, были организованы бесплатные курсы религиозной грамотности для детей в рамках проекта «Имани жаз — 2026», предусматривавшие занятия по нравственному воспитанию, основам вероучения и исламскому этикету. Ранее в 26 благотворительных учреждениях Алматы, часть которых входила в ассоциацию «Жибек Жолы» и имела религиозную направленность, были выявлены нарушения прав детей на образование, воспитание и своевременную медицинскую помощь. После этого ДУМК в одностороннем порядке расторгло меморандум с ассоциацией и активизировало работу в сфере религиозного просвещения¹⁹.

Если официальные религиозные организации стремятся к умеренности и правовой согласованности с государственной политикой, то медиа-проповедники склонны к эмоциональным и конфликтным интерпретациям. Например, в проповеди Р. Баттаулы 2016 г. допускалось «лёгкое» физическое наказание жены, а мужчина трактовался как доминирующая сторона семейных отношений [23, с. 4541]. В результате женщина оказывается объектом не только государственной и официально-религиозной нормативности, но и цифрового морального контроля, где её одежда, речь, семейное поведение, сексуальность, образование и публичная активность становятся предметом обсуждения и оценки. При этом, как показывают наши казахстанские коллеги, новая религиозность может предполагать гендерную иерархию и традиционное разделение труда, в котором женщина получает подчинённую роль; с другой стороны, создаются новые ниши для женского самовыражения, включая женские религиозные занятия, исламское образование, потребность в преподавательницах и отдельные пространства женской социализации [31]. Другими словами, исламская идентичность не действует как единый и полностью закрытый механизм патриархального воспроизводства: религиозная социализация женщин в Казахстане может ограничивать одни формы автономии, но открывать другие, признаваемые внутри религиозной и культурной нормы. В Казахстане религиозный дискурс чаще работает через культурное посредничество, сочетая национальную традицию, нормы ислама и модернизационную риторику (см. табл. 2).

¹⁸ Ризабек Баттаулы – казахстанский теолог; религиозное образование получил в Казахстане и университете Аль-Азхар, публикует проповеди и лекции в социальных сетях [23].

¹⁹ Верховный муфтий принял участие в открытии летнего курса религиозной грамотности «Имани жаз — 2026» // Официальный сайт Духовного управления мусульман Казахстана. 03.06.2026. URL: <https://www.muftiyat.kz/ru/muftiler-alqasy/qmdb/2026-06-03/48501-verhovnyiy-muftij-prinyal-uchastie-v-otkryitii-letnego-kursa-religioznoj-gramotnosti-imani-zhaz---2026/>; «Нарушали права детей»: 26 благотворительных учреждений Алматы лишили лицензии // Северная газета. Новости Узбекистана и Казахстана. 28.05.2024 URL: <https://northern-newspaper.ru/narushali-prava-detej-26-blagotvoritelnyx-uchrezhdenij-almaty-lishili-licenzii/> (дата обращения: 06.07.2026).

Таблица 2

РПЦ и ДУМК как акторы гендерного дискурса

Параметр	Россия: РПЦ	Казахстан: ДУМК
Основной тип влияния	политико-идеологический	культурно-нормативный
Связь с государством	высокая интеграция в дискурс традиционных ценностей	взаимодействие при сохранении светской модели государства
Центральная тема	традиционная семья, материнство, демография	семья, нравственность, ответственность супругов, традиция
Образ женщины	мать, супруга, хранительница семьи	мать, жена, воспитательница, участница социальной жизни в допустимых рамках
Отношение к модернизации	настороженное	более адаптивное
Доминирующие темы дискурса	многодетность, устойчивые семьи, запрет аборт ов, традиционная многопоколенная семья, семейное насилие, ЭКО и суррогатное материнство	традиционная семья, браки по принуждению, многожёнство, ношение хиджаба (никаба), ответственное родительство, религиозное и светское образование, семейное насилие, ЭКО и суррогатное материнство
Основная дискурсивная стратегия	ОХРАНИТЕЛЬНАЯ защита традиционного порядка	АДАПТАЦИОННАЯ соединение исламской нормы и казахской традиции
Периферийные дискурсивные стратегии	легитимирующая нормативная демографическая	нормативная охранительная воспитательная
Гендерный эффект	закрепление нормативной семейной модели	сохранение традиционных ролей при частичной адаптации к современности

Источник: составлено авторами.

Сравнение РПЦ и ДУМК показывает, что обе религиозные организации участвуют в поддержании семейно-ориентированного гендерного порядка, однако делают это через разные институциональные механизмы и разные языки легитимации. РПЦ сильнее включена в государственную идеологическую рамку, где традиционная семья соотносится с демографией, национальной устойчивостью и защитой духовно-нравственных ценностей. ДУМК действует более гибко, связывая исламскую норму с казахской традицией, семейной нравственностью и ответственностью супругов, что позволяет ему одновременно сохранять традиционалистскую основу и адаптироваться к светской модернизационной политике. Основные дискурсивные стратегии связаны с определёнными социальными функциями (см. табл. 3).

Таблица 3

Дискурсивные стратегии религиозных организаций

Стратегия	Как проявляется	Россия	Казахстан
Нормативная	задаёт образ «правильной» семьи	традиционная семья как основа общества	семья как нравственный и культурный центр
Охранительная (защитная)	противопоставляет традиции внешним угрозам	критика либеральной гендерной повестки	критика разрушения семейных норм
Демографическая	связывает женщину с воспроизводством общества	семья, материнство и многодетность	семья, материнство и воспитание
Воспитательная	влияет на образование и социализацию	духовно-нравственное воспитание	религиозное просвещение, женский сектор
Адаптационная	смягчает конфликт традиции и модернизации	слабее выражена	выражена сильнее
Легитимирующая	обосновывает распределение семейных ролей религиозными и моральными нормами	православное учение о семье и браке	исламские нормы и казахская семейная традиция

Источник: составлено авторами.

Таким образом, РПЦ и ДУМК, обращаясь к конфессиональным традициям, действуют в разных институциональных условиях и используют схожие дискурсивные стратегии, связывая содержание гендерных ролей с семьёй, нравственностью, культурной преемственностью, ответственностью перед обществом. В этом смысле религиозный дискурс выполняет функцию смыслового закрепления тех норм, которые могут существовать и вне религии, но именно через религиозную аргументацию получают дополнительную моральную легитимность.

Главное различие между российской и казахстанской моделями заключается в степени включённости религиозного дискурса в государственную идеологию. Российская модель может быть охарактеризована как традиционалистско-институциональная, поскольку в ней религиозный язык семьи, нравственности и духовно-нравственных ценностей тесно сближается с официальной государственной повесткой. РПЦ в этой системе выступает не только конфессиональным институтом, но и значимым носителем символического капитала, позволяющего государству обосновывать семейную и демографическую политику через категории культурной преемственности, национальной устойчивости и защиты традиционного порядка.

Казахстанскую модель можно определить как гибридно-модернизационную, поскольку государство активнее использует язык гендерного равенства, институционального развития, квотирования, международных стандартов и социальной модернизации, одновременно сохраняя опору на семью, национальную традицию и религиозно-культурные представления. ДУМК и исламские авторитеты оказывают значительное влияние на общественные нормы, однако это влияние чаще проявляется не через прямое включение в государственную идеологию, а через культурно-нор-

мативное сопровождение семейных и нравственных представлений. В результате религия в Казахстане не столько подменяет модернизацию, сколько ограничивает и адаптирует её, переводя идеи равенства на язык допустимой социальной гармонии.

Существенным оказывается институциональный способ включения религии в публичную политику. В России религиозный дискурс становится частью более жёсткой государственно-ценностной конструкции, где семья и материнство встроены в нарратив национальной устойчивости. В Казахстане религиозная норма действует мягче и гибче, но сохраняет способность ограничивать глубину гендерных изменений, особенно в сфере семейных обязанностей, женской публичности и моральной оценки поведения.

Консервативная функция религии проявляется в закреплении патриархальных норм, поддержании семейно-ориентированного образа женщины, ограничении расширительных трактовок гендерного равенства и воспроизводстве представлений о различной социальной миссии мужчин и женщин. В российском случае эта функция выражена сильнее, поскольку РПЦ действует в контексте государственной политики традиционных ценностей, где семья, демография и духовно-нравственная безопасность образуют единую смысловую рамку. В казахстанском случае консервативная функция также присутствует, однако она чаще опосредована культурой, обычаями, исламской моралью и неформальными религиозными авторитетами, воздействующими на повседневные представления о браке, скромности, женской ответственности и мужском лидерстве.

Стабилизирующая и адаптационная функция религии состоит в том, что она позволяет переводить модернизационные изменения на язык, понятный обществу с устойчивой традиционалистской культурой. Религиозные организации могут снижать конфликтность между глобальными нормами равенства и локальными семейными ожиданиями, предлагая компромиссные формулы, в которых женское образование, трудовая занятость и общественная активность допускаются при сохранении семейной ответственности. Особенно заметно это в казахстанской модели, где религиозный дискурс не отменяет модернизацию, но стремится встроить её в систему нравственных и семейных ограничений.

В результате религия становится одним из механизмов общественной легитимации власти и принимаемых политических решений. Государство может принимать стратегии, программы, квоты и меры социальной поддержки, однако их восприятие обществом во многом зависит от того, насколько они совместимы с укоренёнными представлениями о семье, браке, материнстве, мужественности и женской добродетели. Именно здесь религиозные организации приобретают особую значимость: они способны либо усиливать сопротивление изменениям, либо смягчать их восприятие, превращая модернизацию из внешнего давления в процесс, согласованный с культурной традицией.

Заключение. Религиозные организации остаются значимыми акторами гендерного дискурса. Их влияние проявляется не только в сфере духовного наставничества, но и в более широком пространстве публичной политики, где нарративы традиции, нравственности и семейной устойчивости определяют содержание дискуссий о демографии, образовании и социальном участии женщин. Обращаясь к тем же смысловым узлам, что и государственная политика (семья, брак, материнство, социальная стабильность), РПЦ в России и ДУМК в Казахстане, тем не менее, опираясь на общую постсоветскую основу, выполняют эту функцию по-разному, что формирует различные модели гендерного дискурса.

Российская модель может быть охарактеризована как традиционалист-

ско-институциональная. В ней РПЦ действует в тесной связке с государственной идеологией традиционных духовно-нравственных ценностей, конструируя дискурс, где традиционные гендерные роли получают моральную легитимацию. Женщина признаётся общественно значимой, однако её публичный образ соотносится преимущественно с семейно-репродуктивной функцией, что усиливает нормативную привязку женской субъектности к семье, но ограничивает её присутствие в политическом и экономическом поле.

Казахстанская модель имеет гибридный характер, где модернизационные элементы встраиваются в традиционалистскую матрицу. ДУМК и исламские авторитеты влияют на гендерные нормы преимущественно через культурную, семейную и нравственную рамку, действуя в условиях светского государства и не подменяя собой официальную модернизационную политику. Казахстан активнее использует язык гендерного равенства, квотирования и международных стандартов, однако религиозно-культурные нормы продолжают задавать границы допустимой женской публичности, особенно в вопросах семьи, брака и моральной оценки женской автономии.

Общим для России и Казахстана остаётся то, что формальное равенство не устраняет устойчивые гендерные стереотипы. Женщины включены в образование, занятость, социальную сферу и административные практики, но их политическое представительство и доступ к верхним уровням принятия решений остаются ограниченными. Данное противоречие не может быть объяснено только правовыми или экономическими факторами, поскольку поддерживается системой социальных ожиданий, в которой женщина признаётся значимой участницей общественной жизни, но её значимость раскрывается через материнство, заботу, воспитание, семейную ответственность и нравственное влияние. Именно это позволяет рассматривать гендерную политику в обеих странах как поле противоречий, в котором модернизационные институты вынуждены взаимодействовать с устойчивыми нормами, культурными ожиданиями и воспроизводимыми социальными практиками.

Особенности функционирования религиозных организаций позволяют констатировать их двойственную роль. С одной стороны, они выступают фактором консервации, закрепляя патриархальные представления, поддерживая семейно-ориентированную модель женственности и ограничивая расширительные трактовки гендерного равенства. С другой, религиозные организации выполняют стабилизирующую и адаптационную функции, сглаживая противоречия между модернизацией и наследуемыми нормами. Конфигурация этих функций во многом определяет конфликтность дискурса и диктует необходимость более внимательного учёта религиозно-культурного фактора при разработке гендерной, семейной, социальной и демографической политики.

Библиографический список / References

1. Graff A. "Gender Ideology": Weak Concepts, Powerful Politics. *Religion and Gender*. 2016;6(2):268–272. DOI [10.18352/rg.10177](https://doi.org/10.18352/rg.10177).
2. Risman B. J. Gender as a Social Structure: Crossing Disciplinary Boundaries to Advance Science and Equality. *AG About Gender. International Journal of Gender Studies*. 2012;1(2):1–29. DOI [10.15167/2279-5057/ag.2012.1.2.29](https://doi.org/10.15167/2279-5057/ag.2012.1.2.29).
3. Гуселетов Б. П., Великая Н. М. Трансформация партийных систем в странах Центральной Азии в контексте укрепления политических режимов // Регионология. 2025. Т. 33, № 1. С. 77–90. DOI [10.15507/2413-1407.033.202501.077-090](https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.077-090). EDN [MQEHQ](https://www.edn.ru/10.15507/2413-1407.033.202501.077-090). Guseletov B. P., Velikaya N. M. Party System Transformation in Central Asian Countries in the Context of Strengthening Political Regimes. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(1):77–90. (In Russ.). DOI [10.15507/2413-1407.033.202501.077-090](https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.077-090).

4. Spierings N., Smits J., Verloo M. On the Compatibility of Islam and Gender Equality: Effects of Modernization, State Islamization, and Democracy on Women's Labor Market Participation in 45 Muslim Countries. *Social Indicators Research*. 2009;90(3):503–522. DOI [10.1007/s11205-008-9274-z](https://doi.org/10.1007/s11205-008-9274-z). EDN [WBJKXW](#).
5. Alexander A. C., Welzel C. Islam and Patriarchy: How Robust Is Muslim Support for Patriarchal Values? *International Review of Sociology*. 2011;21(2):249–276. DOI [10.1080/03906701.2011.581801](https://doi.org/10.1080/03906701.2011.581801). EDN [OIBTWZ](#).
6. Norris P., Inglehart R. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. DOI [10.1017/CBO9780511894862](https://doi.org/10.1017/CBO9780511894862).
7. Ross M. L. Oil, Islam, and Women. *American Political Science Review*. 2008;102(1):107–123. DOI [10.1017/S0003055408080040](https://doi.org/10.1017/S0003055408080040).
8. Moghadam V. M. Women, Structure, and Agency in the Middle East: Introduction and Overview to Feminist Formations' Special Issue on Women in the Middle East. *Feminist Formations*. 2010;22(3):1–9. DOI [10.1353/ff.2010.0022](https://doi.org/10.1353/ff.2010.0022).
9. Силласте Г. Г. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3–16. DOI [10.21064/WinRS.2019.2.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.2.1). EDN [QLAZIW](#).
10. Sillaste G. G. Social transitions and the formation of a new gender order. *Woman in Russian Society*. 2019;(2):3–16. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2019.2.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.2.1).
11. Великая Н. М. Женщины в публичном дискурсе России, Казахстана и Узбекистана в контексте трансформации политических режимов в XXI веке (сравнительный анализ) // PolitBook. 2026. № 2. С. 60–82. DOI [10.24412/2227-1538-2026-2-60-82](https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-60-82). EDN [FXPEIK](#).
12. Velikaya N. M. Women in the public discourse of Russia, Kazakhstan and Uzbekistan in the context of political regime transformation in the 21st century (a comparative analysis). *PolitBook*. 2026;(2):60–82. (In Russ.). DOI [10.24412/2227-1538-2026-2-60-82](https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-60-82).
13. Силласте Г. Г. Страновой гендерный ландшафт как фактор формирования нового гендерного порядка, его социальные риски // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 4–13. DOI [10.21064/WinRS.2019.3.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.1). EDN [TPOAAI](#).
14. Sillaste G. G. The country gender landscape as the factor of a new gender order formation, its social risk. *Woman in Russian Society*. 2019;(3):4–13. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2019.3.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.1).
15. Butler J. Performative Acts and Gender Constitution: An Essay in Phenomenology and Feminist Theory. *Theatre Journal*. 1988;40(4):519–531. DOI [10.2307/3207893](https://doi.org/10.2307/3207893).
16. Crenshaw K. Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics. *University of Chicago Legal Forum*. 1989;(1):139–167. DOI [10.4324/9781315582924-10](https://doi.org/10.4324/9781315582924-10).
17. Fonow M. M., Cook J. A. Feminist Methodology: New Applications in the Academy and Public Policy. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 2005;30(4):2211–2236. DOI [10.1086/428417](https://doi.org/10.1086/428417).
18. Becker S. O., Bentzen J. S., Kok C. C. Gender and Religion: A Survey. *Journal of Demographic Economics*. Published online 2026:1–42. DOI [10.1017/dem.2025.10014](https://doi.org/10.1017/dem.2025.10014).
19. Великая Н. М., Овчарова О. Г. Гендерная риторика на фоне консервативного поворота в современной России // Интеллигенция и проблемы социокультурной модернизации современного общества : материалы XII Международной научной конференции «Байкальская встреча» (Улан-Удэ, 12–16 сентября 2018). – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2018. С. 29–34. EDN [YMISFN](#).
20. Velikaya N. M., Ovcharova O. G. Gender Rhetoric Against the Background of the Conservative Turn in Modern Russia. In: The Intelligentsia and Problems of the Socio-Cultural Modernization of Modern Society: Proceedings of the XII International Scientific Conference “Baikal Meeting” (Ulan-Ude, 12–16 September 2018). Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House; 2018. P. 29–34. (In Russ.).
21. Гендерное равенство XXI века: глобальные вызовы и локальные ответы / Н. М. Великая, Е. Ю. Березкина, Е. А. Ирсетская [и др.]. М. : Ключ-С, 2023. 260 с. DOI [10.56700/n2320-0113-2772-v](https://doi.org/10.56700/n2320-0113-2772-v). EDN [BTPWVP](#).
22. Velikaya N. M., Berezkina E. Yu., Irsetskaya E. A. [et al.] Gender Equality in the 21st Century: Global Challenges and Local Responses. Moscow: Klyuch-S; 2023. (In Russ.). DOI [10.56700/n2320-0113-2772-v](https://doi.org/10.56700/n2320-0113-2772-v).
23. World Bank. Women, Business and the Law 2026: Benchmarking Laws for Jobs and Inclusive Growth. Washington, DC: World Bank; 2026. DOI [10.1596/978-1-4648-2196-7](https://doi.org/10.1596/978-1-4648-2196-7).
24. Global Gender Gap Report 2025. Geneva: World Economic Forum; 2025.
25. Rodionova M. E., Moreva E. L., Bratchenko S. A. [et al.] Gender Changes in Corporate Boards of Directors. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2019;(57):239–250. DOI [10.15405/epsbs.2019.03.25](https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.25).

21. Russkikh S. N. The Role of the Russian Orthodox Church in the State's Promotion of the "Traditional" Family as Part of Family Policy. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology.* 2022;31(1):183–202. DOI [10.17323/1811-038X-2022-31-1-183-202](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-183-202). EDN NOGOVW.
22. Букина А. А. Социальная и культурная интеграция на постсоветской части евразийского пространства: гендерный аспект // Право и современные государства. 2017. № 2. С. 42–54. DOI [10.14420/ru.2017.2.6](https://doi.org/10.14420/ru.2017.2.6). EDN ZUCSXV.
Bukina A. A. Social and cultural integration on the post-Soviet part of the Eurasian space: gender aspect. *Law and Modern States.* 2017;(2):42–54. (In Russ.). DOI [10.14420/ru.2017.2.6](https://doi.org/10.14420/ru.2017.2.6).
23. Tasbolat A. Discourse Analysis of Religious Authority and Gender Norms in Kazakh Social Media: Rizabek Battaulay's Patriarchal Views. *International Journal of Religion.* 2024;5(11):4540–4549. DOI [10.61707/3hrq2e56](https://doi.org/10.61707/3hrq2e56). EDN ZZKUBF.
24. Сапаргаликызы Ж., Сейдуманов С. Т. Казахстанские женщины в органах государственного управления: институциональные условия и карьерные стратегии // Женщина в российском обществе. 2021. № 3. С. 18–31. DOI [10.21064/WinRS.2021.3.2](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.2). EDN ZEZOIN.
Sapargalikyzy Zh., Seidumanov S. T. Women of Kazakhstan in the state governing bodies: institutional conditions and career strategies. *Woman in Russian Society.* 2021;(3):18–31. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2021.3.2](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.2).
25. Абашиш С. Нации и постколониализм в Центральной Азии двадцать лет спустя: переосмысливая категории анализа/ практики // Ab imperio. 2011. № 3. С. 193–210. DOI [10.1353/imp.2011.0036](https://doi.org/10.1353/imp.2011.0036). EDN PDFJFH.
Abashin S. Nations and postcolonialism in Central Asia, twenty years later: rethinking categories of analysis/practice. *Ab imperio.* 2011;(3):193–210. (In Russ.). DOI [10.1353/imp.2011.0036](https://doi.org/10.1353/imp.2011.0036).
26. Осмонова Д. А. Особенности противоречий и взаимодействия гендера и религии в современной Центральной Азии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 11-1. С. 170–174. EDN YOWPJR.
Osmonova D. A. Peculiarities of contradictions and interaction of gender and religion in contemporary Central Asia. *International Journal of Applied and fundamental research.* 2018;(11-1):170–174. (In Russ.).
27. Синяков О. В. когерентность религиозной конверсии с проблематикой аспекта исламской национальной идентичности // Вестник Омского университета. 2022. Т. 27, № 1. С. 58–64. DOI [10.24147/1812-3996.2022.27\(1\).58-64](https://doi.org/10.24147/1812-3996.2022.27(1).58-64). EDN REWVDA.
Sinyakov O. V. Coherence of religious conversion with the problems of the aspect of Islamic national identity. *Herald of Omsk University.* 2022;27(1):58–64. (In Russ.). DOI [10.24147/1812-3996.2022.27\(1\).58-64](https://doi.org/10.24147/1812-3996.2022.27(1).58-64).
28. Cookson T. P., Fuentes L., Kuss M. K. [et al.] Social Norms, Gender and Development: A Review of Research and Practice. New York: UN Women; 2023. (Discussion Paper; No. 42).
29. Zabirowa A. Moralized Patriarchy in Kazakhstan. *Journal of International Women's Studies.* 2026;28(3):4. Available at: <https://vc.bridgew.edu/jiws/vol28/iss3/4> (accessed: 17.07.2026).
30. Skladanowski M., Szabaciuk A., Lukasik-Turecka A. [et al.] Marriage and Family in Putin's Russia: State Ideology and the Discourse of the Russian Orthodox Church. *Religions.* 2023;14(10):1332. DOI [10.3390/rel14101332](https://doi.org/10.3390/rel14101332). EDN MPRMUQ.
31. Sultangaliyeva A. K. Woman and Religion in Post-Soviet Kazakhstan: A View from Within: conference abstract. Available at: https://static.uni-graz.at/fileadmin/rewi-zentren/Reees/CAS_Abstract_Sultangaliyeva_3rd_draft.pdf (accessed: 03.07.2026).

Поступила: 02.08.2026. Доработана: 09.09.2026. Принята: 12.09.2026.

Сведения об авторах:

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. natalivelikaya@gmail.com
Author ID РИНЦ: 286986; ORCID: 0000-0001-5532-844X

Родионова Марина Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, исполнительный директор Эндаумент-фонда, Финансовый университет при Правительстве РФ. Москва, Россия. m.rodionova@mail.ru
Author ID РИНЦ: 726367; ORCID: 0000-0001-8663-313X

N. M. Velikaya¹, M. E. Rodionova²

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS

² Financial University under the Government of the Russian Federation

Both — Moscow, Russia

RELIGIOUS ORGANIZATIONS AS ACTORS IN GENDER DISCOURSE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN (THE CASES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE SPIRITUAL ADMINISTRATION OF MUSLIMS OF KAZAKHSTAN)

Abstract. The article presents a comparative analysis of the role of the Russian Orthodox Church (ROC) and the Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan (SAMK) in shaping and transforming gender discourse in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The study focuses on how religious institutions participate in the production, consolidation, and legitimization of ideas about family, marriage, motherhood, male responsibility, and women's social roles. The research problem concerns the discrepancy between the formal recognition of equality, women's substantial participation in education and employment, and the persistent reproduction of family-oriented normative roles. The principal research method is critical discourse analysis of public statements by religious figures, official documents, and their media representations published between 2016 and 2026. The material was coded according to the frames of family, motherhood, male and female social roles, reproductive rights, and traditional values. The findings show that in Russia the Russian Orthodox Church operates under conditions of state support for the ideology of traditional spiritual and moral values. In Kazakhstan, the Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan and Islamic authorities influence gender norms primarily by appealing to cultural, family, and national traditions. The article concludes that religious organizations perform a dual function: on the one hand, they support traditionalist views and limit the expansion of the gender agenda; on the other hand, they serve as mechanisms of social stabilization and adaptation to modernization-driven change.

Keywords: gender discourse; religious organizations; gender order; Russia; Kazakhstan; Russian Orthodox Church; Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan; traditional values

For citation: Velikaya N. M., Rodionova M. E. Religious Organizations as Actors in Gender Discourse: A Comparative Analysis of Russia and Kazakhstan (The Cases of the Russian Orthodox Church and the Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan). *Science. Culture. Society*. 2026;32(3):41–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.3>

Received: 02.08.2026. Corrected: 09.09.2026. Accepted: 12.09.2026.

Author information:

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Director of Science and Research, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

natalivelikaya@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5532-844X

Marina E. Rodionova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Political Science Department, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Executive Director of the Endowment Fund, Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russia. m.rodionova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8663-313X

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.4)
EDN [LCYJLX](https://edn.lcyjlx.ru)
УДК 323.2:396

V. Raffa¹

¹ University of Messina. Messina, Italy

GENDER, POPULISM AND ANTI-POPULIST RESISTANCE: THE POLITICAL CONSTRUCTION OF WOMEN AND GENDER IN ITALY

Abstract. The relationship between gender and populism provides a significant lens through which to examine contemporary transformations of political representation, political subjectivity, and democratic conflict. This article examines how gender is constructed within Italian right-wing populist discourse and how feminist mobilisation challenges these constructions through alternative forms of political subjectivity and collective action. The analysis focuses on Giorgia Meloni, leader of the right-wing populist party *Fratelli d'Italia*, examining her political communication during her time in opposition (2020–2021) as a discursive precursor to her subsequent government agenda and, in comparative perspective, on the political communication and practices of *Non Una di Meno*, an Italian intersectional feminist movement. It draws on political communication data concerning Meloni and on *Non Una di Meno*'s communication and interviews with activists. The analysis shows that Meloni's discourse constructs women and gender through representations centred on motherhood, family, reproduction, and national belonging, contributing to a conservative and relatively homogeneous conception of the national "people". By contrast, *Non Una di Meno* challenges the homogenisation of women and political subjects by addressing gender-based violence, reproductive rights, work, migration, and motherhood through an intersectional perspective grounded in plurality, self-determination, and participation. The comparison suggests that the relationship between gender, populism, and anti-populism concerns not only competing positions on gender issues, but also different ways of constructing political subjects and defining the boundaries of the political community. Intersectional feminist mobilisation may thus operate as an anti-populist form of democratic resistance by challenging homogenising representations and developing alternative forms of participation and collective subjectivity. While the Italian case reflects broader patterns of contemporary right-wing populism, their articulation remains shaped by national political, cultural, and institutional specificities.

Keywords: right-wing populism; gender; Italy; anti-populism; intersectional feminism; Giorgia Meloni; *Non Una di Meno*; political subjectivity; democratic resistance

For citation: Raffa V. Gender, populism and anti-populist resistance: the political construction of women and gender in Italy. *Science. Culture. Society*. 2026;32(3):61–73. <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.4>

Acknowledgements: This research was conducted within the framework of the PRIN 2017 project "The transformations of democracy: actors, strategies and outcomes in opposing populism in political, legal and social arenas", Principal Investigator Prof. Carlo Ruzza, University of Trento, Italy.

1. Introduction. Examining the relationship between gender and populism is crucial to understanding how politics and gender intersect in contemporary societies. The emergence and consolidation of contemporary populisms should be situated within the broader transformations that politics and democratic systems have undergone under the pressures of neoliberal globalisation [1; 2].

Among the most significant changes are the crisis of the State and its traditional role as regulator of social relations [3], the weakening of political mediation struc-

tures — particularly political parties — and the transformation of political participation, increasingly shifting towards collective and social movements [4; 5; 6; 7]. These processes have been accompanied by the de-ideologisation of political discourse, the mediatization of political life, and the increasing personalisation of political power, with the emergence of highly visible leaders and the growing centrality of their public representation [8].

Taken together, these transformations have weakened traditional mechanisms of democratic representation and participation. Within this context of institutional disintermediation, declining trust, and growing distance between institutions and underrepresented citizens, populism has emerged and consolidated across Europe and beyond as a political identity centred on the opposition between “the people” and “the elites”, offering a distinctive conception of political community, representation, and belonging.

It is precisely here that gender becomes analytically significant. The populist construction of “the people” is never politically neutral: it involves inclusion and exclusion, collective identities, and symbolic boundaries between those who belong and those positioned outside. Gender relations, representations of femininity and masculinity, and ideas of family, reproduction, and social roles can thus shape these boundaries. Understanding populism and gender requires examining not only how populist actors address gender, but also how gender shapes political identities and competing visions of democracy.

Gender refers to the social processes and practices through which societies transform sex differences into norms, expectations, roles, and responsibilities for women and men. Gender is neither fixed nor univocal: its meanings vary across contexts, reflecting how societies organise sexual difference and distribute roles, resources, and power [9]. As an analytical and political category, gender makes visible how inequalities are produced, legitimised, and institutionalised.

Analysing gender requires examining power asymmetries in social relations and their intersection with class, ethnicity, and status. Bourdieu’s analysis of masculine domination is particularly relevant [10], showing how gender relations are embedded in symbolic and material structures that naturalise male authority and reproduce inequalities through institutions, cultural practices, socialisation, and resource distribution.

These dynamics emerge across three interconnected dimensions: control of resources, as economic, political, and social resources remain unequally distributed, giving men greater access to capital and influence; authority and decision-making, where men have traditionally occupied more positions of power despite women’s increased participation in public life; and cultural norms and socialisation, through which patriarchal relations are reproduced through representations, expectations, and practices assigning different roles to women and men. Gender-based violence is an extreme manifestation of these asymmetries and can function as an instrument of control and domination [11]. Finally, the relationship between patriarchy and capitalism highlights the interconnection between economic production and social reproduction, particularly through the unequal distribution of paid and unpaid labour, care responsibilities, and economic resources. Patriarchy and capitalism can thus mutually reinforce each other, contributing to the reproduction of gender and social inequalities.

These dimensions show that gender inequalities are embedded in social relations and reflected in political discourse, where gender representations can be reproduced, legitimised, or challenged.

The analysis of political discourse thus helps explain how gender contributes to shaping political identities and visions of society.

The empirical focus of this article is the political communication of Giorgia Meloni, leader of *Fratelli d'Italia* and Italy's Prime Minister since 2022. Her right-wing populist discourse is examined in relation to the discourse and practices of *Non Una di Meno* as an expression of intersectional feminist mobilisation with an anti-populist potential.

The comparison highlights two contrasting modes of political subject construction. Meloni's discourse tends to incorporate women into a largely homogeneous national community through representations centred on motherhood, family, reproduction, and national belonging. *Non Una di Meno*, by contrast, challenges this homogenisation by foregrounding plurality, intersectionality, participation, and the structural nature of gender inequalities. Gender thus becomes a political cleavage between competing conceptions of political subjectivity, community, democracy, and social justice. Feminist mobilisation can be understood as potentially anti-populist not merely because it opposes right-wing populist actors, but because it challenges the political logic through which a homogeneous "people" is constructed.

Against this background, the article asks how gender is constructed within right-wing populist discourse and how intersectional feminist mobilisation challenges this construction. More specifically, it examines how Meloni's political communication constructs women, gender roles, and national belonging, and how *Non Una di Meno* articulates an alternative political subject through intersectionality, plurality, and participation.

2. Populisms and the Construction of the Political Subject. Populisms can be defined as new forms of political identity, characterised by a family of attributes that recur, albeit differently, across contexts [12; 13]. Anti-elitism and constant reference to the "people" constitute, according to Laclau [14], the central elements of populist construction, alongside charismatic leadership, the representation of part of the population as marginalised and disadvantaged, and strongly emotional rhetoric [15]. Populism is thus constructed around a divide between elites and the people, which a leader or movement politicises and mobilises to challenge elite power through the legitimisation of popular consent [16, p. 144]. In their rhetoric, populisms present themselves as responses to emerging social problems attributed to neoliberal globalisation, which has generated new social demands and cleavages: the crisis of welfare systems, rising unemployment and job insecurity, the dismantling of industrial sectors, intensified migration, worsening economic crises, and austerity policies promoted by the European Union [17, p. 10].

While populist leaders tend to offer the "people" simplified solutions to complex social problems, the urgency produced by these transformations has also fostered new forms of political participation and collective mobilisation, with a significant presence of young women [17]. Within this broader transformation, the mobilisations of contemporary intersectional feminist movements can also be situated [18; 19], as they critique power inequalities and exclusion through the construction of new subjectivities and alliances.

A feature shared by many populist experiences, both European and non-European, is the construction of the "people" as a relatively homogeneous, cohesive, and conflict-free entity [20]. Constructing a unified collective subject entails temporarily suspending internal differences among the subjectivities that constitute it. Populist

discourse thus tends to define a community with relatively clear boundaries, beyond which forms of otherness are located and may become primary objects of political conflict [21, p. 65], alongside a conception of rights strongly anchored in community belonging [21; 22].

It is precisely on this terrain that a tension emerges between populist logic and a conception of democracy grounded in pluralism, recognition of minorities, legitimacy of dissent, and the distribution and decentralisation of power [23; 24]. This tension is particularly relevant from a gender perspective, which challenges homogeneous political subjects and centres the plurality of identities, differences, and social positions. Inequalities are not articulated exclusively through gender, but intersect with social class, ethnicity, cultural belonging, and other forms of social differentiation and stratification [25; 26; 27].

From this perspective, contemporary feminisms have contributed significantly to deconstructing rigid identity categories and the boundaries through which social and political belonging is defined. In particular, perspectives developed within so-called third-wave feminisms, which emerged between the late twentieth and early twenty-first centuries, were influenced by queer and postcolonial theories, opening space for new alliances and cross-fertilisation among struggles and subjectivities [19]. This development was complemented by the concept of intersectionality, introduced by Kimberlé Crenshaw [28], which enables analysis of how subjectivities are simultaneously positioned within multiple relations and hierarchies of power, where gender intersects with sexual orientation, ethnicity, social class, disability, and other dimensions of inequality.

From this perspective, gender is relevant to the study of populism not simply because populist actors address women or gender-related issues, but because it reveals how political subjects are constructed, forms of belonging defined, and boundaries between “we” and “them” drawn. While populism tends to privilege the construction of a unified collective subject, feminist and intersectional perspectives foreground the differences and power relations that constitute collective identities.

3. Populisms and Gender. The relationship between gender politics and populism is variable. This aspect is highlighted by Mudde and Rovira Kaltwasser [29, 30], whose comparative research in Europe and the Americas has shown that the gender politics of populist actors depends on the combination of the ideology they espouse and the local culture of the country in question.

More specifically, populism makes use of gender-related issues and, at different times, politicizes them also in relation to the models of masculinity and femininity embodied by its leaders, which contribute to shaping representations and producing or deconstructing stereotypes.

With regard to gender issues, however, populism, particularly in its right-wing variant, tends to constitute itself as a conservative political orientation, directing political perspectives towards the recovery and defence of tradition while limiting the advancement of women’s social and civil rights [31]. Even when populism embraces female leadership, it promotes a return to the features of a patriarchal culture, legitimizing and reproducing traditional female roles, beginning with the maternal role [31, p. 130].

Across Europe, there is a widespread tendency to instrumentalize the issue of women’s rights in order to draw symbolic boundaries between “us” and “them” and generate new cleavages, through strategies that vary according to the specific context. Radical right-wing populist parties incorporate gender discourse into the cul-

tural and historical trajectories of their respective countries, using it as a key instrument for broadening their electoral support.

On closer inspection, then, as Graff writes: «Gender is no distraction from real politics; it resides at the heart of politics today, both as a set of specific policy issues and as the nexus of a symbolic struggle, a space where differences are negotiated and defined. Not a marginal controversy, no mere “cultural” issue, gender has become a site of powerful and often violent conflict» [32, p. 164].

An important perspective from which to examine this relationship concerns the ways in which populist leaders construct and circulate gender representations through political communication, particularly via social media [33]. The empirical discussion developed in this article draws on materials collected within the PRIN 2017 project *Le Trasformazioni della Democrazia: Attori, Strategie ed Esiti dell'Opposizione al Populismo nelle Arene Politiche, Giuridiche e Sociali*. The original research examined the political communication of Giorgia Meloni and Matteo Salvini on Twitter between 2020 and 2021. For the purposes of the present article, the focus is specifically on Meloni's discourse on gender, which is then placed in dialogue with the political communication and practices of *Non Una di Meno*. This comparison makes it possible to examine how different political actors construct gendered subjectivities, collective identities, and competing conceptions of political community.

3.1. Brief Methodological Note. The empirical corpus comprises 848 tweets posted by Giorgia Meloni on her Twitter account between December 2020 and May 2021. The selection focused on posts relevant to the study of gender representations within her political discourse. Each tweet was treated as the unit of analysis, with particular attention paid to its verbal content. The material was examined through qualitative content analysis, aimed at identifying not only the explicit meanings conveyed in the posts but also the latent symbolic meanings through which gender is constructed and represented. The same analytical approach was applied to a second corpus consisting of 834 tweets posted by the feminist movement *Non Una di Meno* during the same period. The selection of *Non Una di Meno* tweets followed the same principle of relevance to the research questions, with particular attention to the ways in which gender, political subjectivity, and forms of collective action are articulated within the movement's discourse. The parallel analysis of the two Twitter corpora makes it possible to examine different forms of gender construction within political and feminist discourse, while maintaining a comparable temporal frame and analytical procedure.

The analysis of *Non Una di Meno's* online discourse was further complemented by 20 in-depth interviews with activists belonging to the movement's territorial assemblies in Messina, Rome, and Bologna, representing southern, central, and northern Italy. The interviews were conducted over a two-month period and focused on activists' discourses, representations, and practices of resistance. The selection of interviewees did not take into account variables such as age, sex, gender, or occupation; the only criterion was their membership in the movement and participation in one of the aforementioned territorial assemblies. The interviews therefore provided an additional empirical dimension through which to explore the meanings emerging from the movement's online discourse, allowing attention to be directed also towards activists' experiences, interpretations, and practices within the territorial contexts in which mobilisation takes place.

3.2. Gender Issues in the Political Discourse of Italian Prime Minister Giorgia Meloni. Giorgia Meloni, leader of *Fratelli d'Italia*, a right-wing populist party,

and Italy's Prime Minister since 2022, has developed a political discourse that shares key characteristics of contemporary populist rhetoric while introducing a distinctive configuration of female political leadership. Her communication on Twitter focused predominantly on domestic politics, while approximately 10% of posts addressed gender-related issues. These are embedded within a broader populist and sovereigntist framework centred on the leader, the party, the people, and the defence of national sovereignty. Meloni's gender discourse can be organised around three interconnected areas: the construction of female identity, the centrality of motherhood, and the defence of the heterosexual family as a constitutive element of the national community.

First, female identity is articulated in an ambivalent and ultimately blurred manner. Although women are explicitly invoked as a political category, their gendered subjectivity is weakened through the avoidance of feminine grammatical forms in favour of the supposedly universal masculine and, visually, through the recurrent representation of women in uniform. The uniform levels gender differences and incorporates women into a homogeneous collective "people". Female identity is therefore simultaneously recognised and neutralised: women become visible as members of the national community as the inequalities and differences structuring their social position become less visible.

Second, this blurred representation is intertwined with the centrality attributed to motherhood. Motherhood is not merely an individual or private dimension, but a political and symbolic category through which female identity and political leadership are articulated. In Meloni's discourse, motherhood combines with strength, agency, and political combativeness, producing the figure of the "mother and fighter" or maternal heroine [31]. It thus becomes a resource through which female identity, political authority, and national belonging are simultaneously constructed.

This maternal imaginary also informs Meloni's conception of the nation. The centrality of motherhood is reflected in the electoral programmes of 2018 and 2022, which emphasised measures supporting birth rates and working mothers. Encouraging women perceived as belonging to the native population to become mothers of future generations therefore acquires demographic and national significance. Reproduction is linked to the preservation of national and cultural homogeneity.

Motherhood is consequently presented not simply as an individual choice, but as a socially and politically significant practice connected to the continuity of the national community.

Third, motherhood is embedded within a traditional representation of the heterosexual family as the foundational unit of the nation. This family is constructed through internal and external boundaries. Internally, it must be protected against the so-called "gender ideology", represented as a threat to the moral and social order and to the traditional distinction between men and women [34]. Externally, it must be defended against the alleged effects of Islamisation and cultural practices associated with Muslim communities. The idealised family therefore rests on a differentiated gender order centred on the strong man as protector of the nation and women as biological and social reproducers of the national community. Gender metaphors thus naturalise national belonging by presenting differentiated gender roles as complementary and foundational: masculinity is associated with the public sphere, political authority, and defence of the nation, while femininity is linked to reproduction, care, motherhood, and its continuity.

The instrumentalisation of gender-based violence constitutes a further dimension of Meloni's gender discourse. Violence against women is not primarily framed as a

structural manifestation of gender inequality but mobilised to articulate a sovereignist and exclusionary conception of the nation. Victims are predominantly Italian women or Muslim women portrayed as victims of Muslim male fundamentalism, while perpetrators are frequently associated with the foreigner and, more specifically, the Muslim male. The protection of women's rights is consequently linked to demands for harsher punishment and stronger state intervention against foreigners. Gender-based violence thus becomes intertwined with an anti-Islamic and xenophobic discourse in which the defence of women serves as evidence of the alleged cultural superiority of the national community.

This process corresponds to the dynamics identified by Farris [35] through the concept of *femonationalism*, whereby nationalist and Islamophobic political projects appropriate emancipatory claims concerning women to legitimise exclusionary policies and strengthen national boundaries. In Meloni's discourse, gender equality and the protection of women are selectively incorporated into a nationalist framework. Rather than questioning the gendered structures underlying inequality and violence, such claims distinguish between an allegedly emancipated national "us" and a culturally backward or threatening "them". Gender thus becomes a boundary-making device through which national belonging is defined and defended.

The intersection of gender and right-wing populism in Meloni's discourse therefore operates less through substantive policies advancing gender equality than through the symbolic appropriation of women's rights for nationalist purposes. The instrumentalisation of gender-based violence, motherhood, and the defence of the heterosexual family contributes to a gendered conception of national belonging. Women's bodies, reproductive capacities, vulnerability, and rights become symbolic resources in constructing and defending the national community. Such representations constrain the possibility of a transformative politics of gender equality, as gender issues are subordinated to national identity, sovereignty, security, and the preservation of a traditional social order.

These representations are consistent with a broader pattern characterising contemporary right-wing populist politics, in which gender is mobilised through representations reaffirming traditional femininity, motherhood, family, and differentiated gender roles and embedded within narratives of national identity, social order, and cultural belonging. Meloni's discourse can therefore be understood as part of a wider conservative gender politics that naturalises traditional roles and presents the family and gender order as foundations of social stability.

4. Intersectional Feminist Movements as Anti-Populist Actors. A different political response to the gender politics promoted by right-wing populist actors is represented by contemporary intersectional feminist movements, which can, under certain conditions, be understood as anti-populist actors. Their anti-populist dimension does not derive simply from opposition to right-wing populist parties, but from forms of political subject construction and collective organisation that challenge homogenisation, exclusion, and hierarchical representation.

Anti-populism, like populism, is a trans-ideological category capable of encompassing both right-wing and left-wing sectors [36]. Not all forms of anti-populism are embedded in social movements, nor are all equally capable of mobilising collective action [37]. Contemporary feminist movements nevertheless display a significant capacity for anti-populist mobilisation insofar as they oppose the anti-cosmopolitan,

anti-pluralist, often xenophobic, identitarian, conservative, and patriarchal perspectives of right-wing populisms.

Intersectionality is central to this political orientation. By recognising that gender inequalities intersect with class, ethnicity, sexual orientation, disability, and other dimensions of social differentiation, intersectional feminism rejects the assumption of a homogeneous female subject [25; 28]. It instead emphasises plurality, difference, and the multiple positions from which political subjects experience and contest relations of power. These characteristics enable feminist movements to challenge the homogeneous “people” constructed by populist discourse and to develop alternative forms of collective political subjectivity.

Through emancipatory initiatives from below, such movements also challenge welfare chauvinism and the restrictive cultural retreat towards national ethnic majorities [37], as well as the instrumentalisation of women’s bodies and rights in pursuit of these objectives. They situate local inequalities and the conditions experienced by specific groups within the global dynamics in which they are produced.

Intersectionality, understood as the simultaneous positioning of subjects within multiple and intersecting hierarchies of power, thus constitutes both a distinctive feature of these movements and a political tool through which they challenge homogeneous conceptions of political belonging. Drawing on Black Feminism, intersectionality rests on the premise that rights must be universal and acquire meaning within a broader struggle for social justice, by exposing the intersections between gender, culture, class, and race as outcomes of power relations [18].

4.1. The case of *Non Una di Meno* in Italy. Among contemporary intersectional feminist movements that may, under certain conditions, act as anti-populist forces, the transnational movement *Ni Una Menos* is particularly relevant. Originating in Argentina in 2015, it subsequently spread to numerous countries, including Italy, where *Non Una di Meno* was established in 2016. Drawing on the Argentine movement’s intersectional and anti-capitalist approach, the Italian movement brought together a range of feminist political experiences that had developed in previous years through the work of anti-violence centres, women’s houses, feminist collectives, women’s health centres, and other feminist spaces.

A distinctive feature of *Non Una di Meno* is the development of a political and programmatic document, the *Feminist Plan Against Male and Gender-Based Violence*, presented during the national demonstration held on 25 November 2017, International Day for the Elimination of Violence against Women. The Plan was produced through a collective writing process and adopts the perspective of those who experience violence, framing resistance and transformation as collective political practices.

In Italy, *Non Una di Meno* has developed a distinctive political practice grounded in intersectionality, pluralism, and collective self-determination, challenging the homogenising representations of women and gender promoted by right-wing populist discourse.

The movement represents itself and its political experience through the metaphor of a *tangle*: a complex set of intertwined and overlapping lines that contrasts with the linearity and simplification of a single, unidirectional perspective. The *tangle* thus expresses the movement’s understanding of politics as a space in which different identities, experiences, and forms of knowledge encounter and accommodate one another.

The analysis of *Non Una di Meno*’s political discourse on Twitter and of the interviews conducted with activists reveals a clear divergence from the representations of women produced by right-wing populist parties. Violence, health — par-

ticularly abortion — work, migration, and motherhood constitute the main themes of the movement's political communication and are consistently addressed through an intersectional perspective. This perspective emerges from the movement's critique of the global neoliberal system and its attention to the multiple and intersecting forms of marginalisation and oppression affecting women.

Migration represents a significant entry point for this perspective. *Non Una di Meno* challenges institutional approaches that frame migration primarily as an emergency and denounces the invisibilisation of migrant women, recognising instead their differentiated experiences, struggles, and political agency both within and beyond national borders. A similar rejection of stereotypical representations emerges in the movement's discourse on motherhood. Against the construction of motherhood as the defining element of women's identity and as the foundation of the "natural family", *Non Una di Meno* presents motherhood as one possible dimension of women's lives rather than as an essential or obligatory destiny. In doing so, it emphasises women's capacity for self-determination and the possibility of pursuing diverse life trajectories beyond patriarchal family structures.

The movement's approach to gender-based violence further illustrates this alternative perspective. Rather than normalising violence or instrumentalising it to construct xenophobic narratives and symbolic boundaries, *Non Una di Meno* conceptualises violence as a structural and everyday phenomenon rooted in patriarchal power relations and reproduced within institutions and social relationships, including within the family (e.g. "Nel nome del padre. La famiglia patriarcale è il primo luogo di violenza sessuale, fisica, psicologica. Liberiamocene. #elvioladorerestu #nonseisola #ioticredo" [30/04/2021]). While right-wing populist actors tend to privilege punitive measures and the strengthening of criminal sanctions as responses to violence, the movement emphasises cultural and educational transformation, the dismantling of gendered power asymmetries, and increased public funding for anti-violence centres. The feminist and transfeminist strike against male and gender-based violence provides a particularly significant example of this approach. Rather than addressing violence as an isolated problem, the strike connects it to precarious living and working conditions, the unequal distribution of productive and reproductive labour, migration and residence policies, racism, and other forms of discrimination. By making visible differentiated needs and intersecting forms of oppression, the movement challenges the idea of a homogeneous "people" and constructs a political "we" grounded in plurality and the possibility of self-determination.

The movement's anti-populist dimension emerges particularly clearly from this intersectional approach. According to the activists interviewed, the deliberate effort to introduce complexity, question apparently neutral representations, and investigate the structural roots of social problems constitutes an explicit alternative to the simplification and stereotyping characteristic of populist discourse:

«With populism, we are faced, on the one hand, with an attempt to simplify the social problems raised by the opposition and, on the other, with an attempt to reconstruct an imagined homogeneous Italian society, which certainly does not exist. So, it is an attempt to create a narrative that makes us perceive Italy as a cohesive, stronger society» (C., NUdM, Milano).

Rather than reducing social conflicts to easily identifiable categories and oppositions, *Non Una di Meno* seeks to expose their multiple dimensions and develop responses addressing structural causes. This also involves rejecting the friend/enemy

dichotomy and the tendency to attribute responsibility exclusively to an external “other”.

This political orientation is reflected in the movement’s organisational practices. Assemblies, collective action, and the feminist and transfeminist strike provide spaces in which different identities, experiences, and forms of knowledge coexist and are negotiated:

«The practice of striking introduces a dimension of conflict within the homogeneous people, highlighting a specifically female and feminist dimension that means that, even in the world of work, the measures of reconciliation proposed by populism are not sufficient» (C., NUdM, Milano).

Rather than producing a homogeneous political subject, these practices allow differences to remain visible and contested. Participation therefore emerges as a concrete alternative to hierarchical and paternalistic forms of political representation, while the strike connects gender-based violence to precarious work and living conditions, reproductive labour, migration, racism, and other forms of inequality. The case of *Non Una di Meno* thus shows how intersectionality operates not only as an analytical framework but also as a principle of political organisation and subject formation.

5. Conclusions. The Italian case highlights how, in the contemporary political context, gender constitutes a crucial terrain of political contestation over political subjects, collective identities, and competing conceptions of the political community.

The case of Giorgia Meloni highlights dynamics that, although varying in intensity and form, recur across different experiences of right-wing populism. The cultural, historical, and territorial specificities of different contexts shape their concrete manifestations, without, however, eliminating some recurring elements: the construction of a largely homogeneous national community through gender representations centred on motherhood, family, reproduction, and national belonging. Gender is therefore mobilised within a conservative framework that reinforces traditional roles and contributes to constructing a cohesive and bounded national “people”.

From this perspective, the experience of *Non Una di Meno* shows how contemporary intersectional feminism, through its political and organisational practices, can develop forms of resistance and counter-representation in response to the conservative politicisation of gender. Intersectionality thus acquires a specifically political significance. By recognising that experiences of oppression and inequality are produced through the intersection of gender, class, ethnicity, migration status, and other dimensions of social stratification [25; 28], it challenges the idea of a unified female subject and enables forms of solidarity that keep visible the differences and the diverse positions from which power relations are experienced and contested. The perspective of a feminism for the 99% [18] thus makes it possible to conceive anti-populism not merely as opposition to populism, but as the production of alternative forms of democratic politics.

The comparison between Meloni’s political discourse on gender while in opposition (2020–2021) and that produced by *Non Una di Meno* shows, therefore, that the relationship between populism, gender, and anti-populism concerns a question broader than the specific positions adopted on women and gender policies: it concerns the different ways in which the political community is constructed and legitimised. In the first case, the unity of the collective subject tends to be produced through the subordination of internal differences and the definition of relatively clear boundaries between belonging and otherness; in the second, political unity

is instead grounded in the possibility of articulating differences without reducing them to a homogeneous identity.

Gender thus becomes a privileged lens through which to examine a broader conflict over democracy and its processes of representation: who can be recognised as part of “the people”, who is legitimised to represent it and speak in its name, and under what conditions a collective political subject can be constructed without erasing the plurality of experiences and the inequalities produced by relations of power. From this perspective, resistance to populism does not end with contesting its contents, but is expressed through the capacity to construct alternative practices, subjectivities, and forms of participation, through which pluralism ceases to be merely a normative principle and becomes a concrete practice of democracy.

References

1. Saccà F. Culture politiche e mutamento nelle società complesse [Political cultures and change in complex societies]. Milano: FrancoAngeli; 2015.
2. Saccà F. Le trasformazioni della democrazia alla luce delle nuove forme di personalizzazione e partecipazione politica [The transformations of democracy in light of new forms of personalization and political participation]. *Sociologia. Rivista Quadrimestrale di Scienze Storiche e Sociali*. 2018;(3).
3. Bauman Z. Liquid times: living in an age of uncertainty. Cambridge: Polity Press; 2006.
4. Segatti P. Nuovi movimenti sociali, nuove forme di impegno pubblico; un passo verso una maggiore uguaglianza politica? [New social movements, new forms of public engagement: a step towards greater political equality?]. *Rassegna italiana di Sociologia*. 1990;31(4):447–491.
5. Moini G. Teoria critica della partecipazione. Un approccio sociologico [Critical theory of participation: a sociological approach]. Milano: FrancoAngeli; 2012.
6. Millefiorini A. La partecipazione politica in Italia. Impegno politico e azione collettiva negli anni Ottanta e Novanta [Political participation in Italy: Political engagement and collective action in the 1980s and 1990s]. Roma: Carocci; 2002.
7. Cammarota A., Raffa V. Crisi della democrazia e nuove identità politiche. Dal sindaco scalzo al sindaco sceriffo, il singolare caso Messina [Crisis of democracy and new political identities. From the barefoot mayor to the sheriff mayor, the singular case of Messina]. *Sociologia*. 2018;(3):60–72.
8. Mény Y., Surel Y. Populismo e democrazia [Populism and democracy]. Bologna: Il Mulino; 2001.
9. Scott J. W. Gender and the politics of history. New York: Columbia University Press; 1999.
10. Bourdieu P. Il dominio maschile [Masculine Domination]. Milano: Feltrinelli; 2014.
11. Bonu Rosenkranz G., Barone A. Structural gender-based violence as a master frame. *Frontiers in Political Science*. 2025;(7):1584792. DOI [10.3389/fpos.2025.1584792](https://doi.org/10.3389/fpos.2025.1584792). EDN [JLYFDC](https://doi.org/10.3389/fpos.2025.1584792).
12. Canovan M. The People. Cambridge: Polity Press; 2005.
13. Panizza F. Populism and Identification. In: Rovira Kaltwasser C., Taggart P., Ochoa Espejo P. [et al.] (eds.). The Oxford Handbook of Populism. Oxford: Oxford University Press; 2017. P. 406–425. DOI [10.1093/oxfordhb/9780198803560.013.19](https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198803560.013.19).
14. Laclau E. La ragione populista. Roma-Bari: Laterza; 2008.
15. Segatori R. Sintomi populistici nella crisi italiana [Populist symptoms in the Italian crisis]. In: Saccà F. (ed). Culture politiche e mutamento nelle società complesse. Milano: FrancoAngeli; 2015. P. 111–131.
16. Anselmi M. Il populismo come ideologia, stile politico o strategia? Nuove forme della politica e rischio democratico nell'era globale [Populism as ideology, political style or strategy? New forms of politics and democratic risk in the global era]. In: Saccà F. (ed). Culture politiche e mutamento nelle società complesse. Milano: FrancoAngeli; 2015. P. 132–148.
17. Biorcio R. Il populismo nella politica italiana [Populism in Italian Politics]. Milano-Udine: Mimesis; 2015.
18. Arruzza C., Bhattacharya T., Fraser N. Feminism for the 99%: A Manifesto. London: Verso; 2019.

19. Magaraggia S., Vingelli G. (eds). *Genere e partecipazione politica* [Gender and political participation]. Milano: FrancoAngeli; 2015.
20. Worsley P. The concept of populism. In: Ionescu G., Gellner E. (eds). *Populism: its meaning and national characteristics*. New York: Macmillan; 1969. P. 212–250.
21. Bellè E. È già politica. Gli intrecci tra genere, identità politica e ideologia in due sezioni locali della Lega Nord [It is already politics. The intertwining of gender, political identity and ideology in two local sections of the Northern League]. In: Magaraggia S., Vingelli G. (eds). *Genere e partecipazione politica*. Milano: FrancoAngeli; 2015. P. 63–87.
22. Gargiulo E. Localizzazione dei diritti o localismo dell'appartenenza? Abbozzo di una teoria della residenza [Localization of Rights or Localism of Belonging? Outline of a Theory of Residence]. *SocietàMutamentoPolitica*. 2011;2(3):241–261. DOI [10.13128/SMP-10330](https://doi.org/10.13128/SMP-10330).
23. Urbinati N. *Democracy Disfigured: Opinion, Truth, and the People*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2014. DOI [10.4159/harvard.9780674726383](https://doi.org/10.4159/harvard.9780674726383).
24. Urbinati N. Democracy and Populism. *Costellation*. 1998;5(1):110–124. DOI [10.1111/1467-8675.00080](https://doi.org/10.1111/1467-8675.00080).
25. Davis A. *Women, Race & Class*. New York: Vintage Books; 2018.
26. hooks b. *Feminism Is for Everybody: Passionate Politics*. New York: Routledge; 2015.
27. hooks b. *Feminist Theory: From Margin to Center*. New York: Routledge; 2020.
28. Crenshaw K. Demarginalizing the intersection of race and sex: A Black feminist critique of antiracist doctrine, feminist theory and antiracist politics. *University of Chicago Legal Forum*. 1989;(1):139–167. DOI [10.4324/9781315582924-10](https://doi.org/10.4324/9781315582924-10).
29. Mudde C., Rovira Kaltwasser C. (eds). *Populism in Europe and the Americas: Threat or Corrective for Democracy?* Cambridge: Cambridge University Press; 2012. DOI [10.1017/CBO9781139152365](https://doi.org/10.1017/CBO9781139152365).
30. Mudde C., Rovira Kaltwasser C. Vox populi or vox masculini? Populism and gender in Northern Europe and South America. *Patterns of Prejudice*. 2015;49(1-2):16–36. DOI [10.1080/0031322X.2015.1014197](https://doi.org/10.1080/0031322X.2015.1014197).
31. Saccà F., Massidda L. *Culture politiche e leadership nell'era digitale* [Political cultures and leadership in the digital age]. Milano: FrancoAngeli; 2021.
32. Graff A., Korolczuk E. *Anti-Gender Politics in the Populist Moment*. New York: Routledge; 2022. DOI [10.4324/9781003133520](https://doi.org/10.4324/9781003133520).
33. Saccà F., Massidda L. Gender discourse in a populist election campaign. In: Saccà F. (ed). *Democracy, Power and Territories*. Roma: FrancoAngeli; 2018. P. 30–46.
34. Björkdahl A., Cognini S. Anti-genderism in 280 characters: A study of Matteo Salvini's and Giorgia Meloni's online discourse. *Party Politics*. 2026;32(2):274–285. DOI [10.1177/13540688251339629](https://doi.org/10.1177/13540688251339629). EDN [VJBXDX](https://doi.org/10.1177/13540688251339629).
35. Farris S. R. *Femonazionalismo*. Roma: Alegre; 2019.
36. Enríquez Arévalo E. Understanding Latin American anti-populism: working paper. *APSA preprints*. 2019. DOI [10.33774/apsa-2019-kttcq](https://doi.org/10.33774/apsa-2019-kttcq).
37. Ruzza C. Civil society between populism and anti-populism. In: Norocel C., Hellström A., Jørgensen M. B. (eds). *Nostalgia and hope: Intersections between politics of culture, welfare, and migration in Europe*. Cham: Springer; 2020. P. 221–235. DOI [10.1007/978-3-030-41694-2_14](https://doi.org/10.1007/978-3-030-41694-2_14).

Received: 22.07.2026. Corrected: 04.09.2026. Accepted: 17.09.2026.

Author information:

Valentina Raffa, Associated Professor,
University of Messina, Messina, Italy.
vrffa@unime.it

В. Раффа¹¹ Университет Мессины. Мессина, Италия

ГЕНДЕР, ПОПУЛИЗМ И АНТИПОПУЛИСТСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ ЖЕНЩИН И ГЕНДЕРА В ИТАЛИИ

Аннотация. Взаимосвязь гендера и популизма позволяет по-новому взглянуть на современные изменения в политическом представительстве, формировании политической субъектности и характере демократических противоречий. В статье рассматривается, как конструируется гендер в дискурсе итальянского правого популизма и как феминистская мобилизация оспаривает эти конструкции через альтернативные формы политической субъектности и коллективного действия. Анализ сосредоточен на политической коммуникации Джорджи Мелони, лидера правой популистской партии *Fratelli d'Italia* («Братья Италии»), в период её нахождения в оппозиции (2020–2021 гг.), как дискурсивном предвестнике последующей правительственной программы, а также на коммуникации и практиках итальянского интерсекционального феминистского движения *Non Una di Meno*. В качестве эмпирической базы используется корпус публикаций в социальных сетях Мелони и *Non Una di Meno*, а также интервью с активистками движения. Показано, что дискурс Мелони формирует образ женщин и гендерную риторику через репрезентации, связанные с материнством, семьёй, репродуктивной функцией и национальной принадлежностью, способствуя консервативному и относительно однородному представлению о национальном «народе». Напротив, *Non Una di Meno* оспаривает тенденции к унификации образа женщины и конструированию единого политического субъекта, поднимая вопросы гендерного насилия, репродуктивных прав, труда, миграции и материнства с точки зрения интерсекциональности, основанной на плюрализме, самоопределении и политическом участии. Сравнение показывает, что взаимосвязь гендера, популизма и антипопулизма касается не только конкурирующих позиций по гендерным вопросам, но и различных способов конструирования политических субъектов и определения границ политического сообщества. Тем самым интерсекциональная феминистская мобилизация может выступать формой антипопулистского демократического сопротивления, бросая вызов гомогенизирующим репрезентациям и развивая альтернативные формы участия и коллективной субъектности. Хотя пример Италии отражает общие тенденции современного правого популизма, их конкретная артикуляция остаётся обусловленной национальной политикой, а также культурными и институциональными особенностями.

Ключевые слова: правый популизм; гендер; Италия; антипопулизм; интерсекциональный феминизм; Джорджи Мелони; *Non Una di Meno*; политическая субъектность; демократическое сопротивление

Для цитирования: Раффа В. Гендер, популизм и антипопулистское сопротивление: политическое конструирование образов женщин и гендера в Италии // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 3. С. 61–73. (In Eng.). DOI [10.19181/nko.2026.32.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.4). EDN [LCYJLX](https://www.edn.ru/10.19181/nko.2026.32.3.4).

Благодарность: Исследование выполнено в рамках проекта PRIN 2017 «Трансформации демократии: акторы, стратегии и результаты противодействия популизму в политической, правовой и социальной сферах», научный руководитель проекта — профессор Карло Руцца (Трентский университет, Италия).

Поступила: 22.07.2026. Доработана: 04.09.2026. Принята: 17.09.2026.

Сведения об авторе:

Валентина Раффа, доцент,

Университет Мессины. Мессина, Италия.

vraffa@unime.it

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.3.5](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.5)
EDN [MZCBTR](https://edn.mzcbtr.ru)
УДК 329.058

N. Feo¹

¹ University of Messina. Messina, Italy

PRODUCING THE NATION: BORDERS, IDENTITY AND GENDER IN THE CONSTRUCTION OF THE NATIONAL COMMUNITY BY THE ITALIAN RADICAL RIGHT

Abstract. Over the past two decades, the rise of the radical right and the emergence of anti-gender mobilisations have become one of the principal arenas of conflict within contemporary democracies. Although the anti-gender movement encompasses a diverse range of political, religious, and civic actors, in the Italian context it is primarily radical-right and far-right political forces that have played a leading role in opposing gender mainstreaming policies, understood as the set of strategies aimed at integrating a gender perspective into decision-making processes and public policymaking. Within this framework, the defence of the nation and its purported ethnocultural identity is closely intertwined with the promotion of the traditional family and the reaffirmation of gender models regarded as foundational to the social order. Recent scholarship has highlighted the increasingly central role of gender in both the ideological development and the political communication of the contemporary radical right. Building on these considerations, this article examines a corpus of 1,314 social media posts published between February and May 2026 by four political actors occupying different positions within the Italian political and institutional field — Giorgia Meloni, Matteo Salvini, Matteo Piantedosi, and Roberto Vannacci. Using a qualitative content analysis approach, the study investigates how gender-related issues are incorporated into the broader discursive construction of the nation, identity, and the social order. The results reveal significant differentiation among the four actors in the relative weight attributed to security, border control, identity, and the construction of alterity, while gender, although quantitatively marginal, performs a strategic function in organising the overall discursive architecture.

Keywords: radical right; gender; boundaries; political communication; nativism; Italy; national identity; femonationalism

For citation: Feo N. Producing the nation: borders, identity and gender in the construction of the national community by the Italian radical right. *Science. Culture. Society*. 2026;32(3):74–85. <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.5>

Introduction. Over the past two decades, the electoral and institutional growth of the radical right has profoundly altered the field of political competition in Italy [1; 2]. A substantial body of literature has analysed this process by focusing on nativism, immigration, security, sovereigntism, and the construction of an opposition between a national ‘us’ and a plurality of subjects represented as external or threatening [3]. At the same time, a growing body of research has highlighted the relevance of gender issues in the political and cultural strategies of contemporary right-wing forces, with particular attention to the defence of the traditional family, motherhood, opposition to equality policies, and the selective appropriation of discursive repertoires associated with women’s emancipation [4; 5; 6]. These two lines of research,

however, are often analysed separately. On the one hand, studies of the radical right have shown how the construction of the national community proceeds through the definition of territorial, cultural, and symbolic boundaries [7; 8]. On the other hand, the literature on gender has highlighted how family, motherhood, and gender roles constitute important sites of political mobilisation [9]. Less attention has instead been devoted to the concrete ways in which these dimensions are articulated within the political communication of Italian radical-right actors and, above all, to the differences through which such articulation is produced by actors occupying different positions within the political and institutional field [10]. The interpretative hypothesis guiding the analysis is that gender does not necessarily constitute the most quantitatively significant theme in radical-right communication, but may acquire a strategic function when associated with other discursive devices [11]. In particular, the analysis examines whether family, motherhood, and gender roles are used to define forms of national belonging, or whether references to women's rights are mobilised in the representation of subjects external to the national community [12]. In the latter case, gender may assume a differentiating function: not only defining the internal order of the community, but also contributing to the construction of alterity [13]. The problem addressed by this contribution therefore concerns the way in which the communication of the Italian radical right connects the construction of the national community to the regulation of borders, the definition of alterity, and the representation of gender relations. The aim is not to assume a priori that security, identity, immigration, and gender constitute components of a single political project, but rather to examine how these dimensions are actually associated in public discourse and what functions they perform within this construction.

The analysis pursues three specific objectives. First, it identifies which dimensions are most prominent in the communication of four political leaders of the Italian right and examines how they vary in relation to the political and institutional position occupied. Second, it reconstructs the mechanisms through which border governance and the construction of the relationship between 'us' and 'them' contribute to the definition of the national community. Third, it analyses the specific role of gender issues, examining whether and how family, motherhood, and gender roles are connected to the other thematic clusters identified in the corpus. The contribution of the article therefore consists in shifting attention from a general conception of the radical right as the bearer of a given ideology towards an analysis of the discursive mechanisms through which such a project is concretely articulated. From this perspective, security, border governance, national identity, and gender are not considered simply as themes present in political communication, but as categories whose relationships are to be examined through analysis of the corpus. The aim is to show the different ways in which these dimensions are actually associated in the discursive production of the actors under consideration.

1. Radical right, nativism and the construction of the national community. The contemporary radical right constitutes a heterogeneous political universe, comprising parties, movements, and cultural actors which, despite differing in organisation, language, and strategies, share several recurring ideological cores. The literature has shown that its rise cannot be interpreted exclusively as a revival of the traditions of the radical right of the twentieth century, since these actors have progressively adapted repertoires, organisational forms, and modes of communication to transformations in the political and social system [14]. Their increasing institutionalisation

has also facilitated the entry into public debate of categories previously confined to marginal political and cultural milieus [15]. To define this political space, the distinction between the extreme right and the radical right proposed by Mudde [3] is particularly useful. Whereas the extreme right is characterised by the rejection of democracy, the radical right formally accepts democratic procedures while challenging certain principles of political liberalism, including pluralism, minority rights, and an inclusive conception of citizenship. The specificity of the radical right therefore lies in its ability to combine participation in democratic competition with a restrictive conception of the political community.

Within this configuration, nativism represents one of the principal ideological cores. According to Mudde [16], it combines nationalism and xenophobia through the assumption that the state should be inhabited predominantly by members of the nation, while subjects perceived as outsiders to the national community constitute a potential threat to its homogeneity. The nation is therefore defined not only through legal belonging, but also through cultural, identity-based, and, in some cases, ethnic criteria. This distinction is relevant to the analysis because it makes it possible to separate the concept of nation from that of border. Nativism establishes, at the ideological level, who should be regarded as belonging to the national community; border governance, by contrast, constitutes the set of practices and policies through which belonging is materially regulated. Immigration and returns therefore represent specific dimensions of this process and are not, in themselves, synonymous with nativism. Similarly, the construction of an opposition between 'us' and 'them' constitutes a further analytical level, relating to the symbolic production of belonging [17]. A particularly significant example of this dynamic is represented by the concept of remigration, progressively transferred from extremist political milieus into the language of institutional political competition. Its analytical relevance does not depend exclusively on the use of the term, but on the process through which a category originally situated at the margins is normalised and incorporated into the ordinary repertoire of public debate. From this perspective, the transformation of political language constitutes an indicator of the process through which certain conceptions of citizenship, belonging, and borders are progressively rendered legitimate. Nativism is therefore not assumed in this contribution as an abstract characteristic of the radical right, but as an analytical category through which to observe the construction of the national community. Attention thus shifts from the question of what the radical right 'is' to the question of how, within political communication, members of the community are defined, which subjects are placed outside it, and which instruments are proposed to protect or restore its borders [18].

2. Borders, security and the construction of alterity. The definition of the national community does not occur exclusively through explicit references to the nation. It is also produced through the construction of differences between subjects, groups, and institutions. Political conflict may therefore be regarded as a fundamental dimension in the production of belonging, since it makes it possible to establish an 'us' through the identification of a 'them'. From this perspective, the border does not coincide solely with a territorial line, but also assumes a symbolic dimension: it delineates what is represented as internal to the community and what is placed outside it [8]. This distinction makes it possible to separate at least three dimensions which may be connected in political communication but should not be conceptually conflated. The first is border governance, relating to the control of entry

into, residence within, and departure from the territory. The second concerns the construction of the symbolic boundary, through which cultural and moral criteria of belonging are established. The third concerns the construction of alterity, namely the representation of specific subjects as threats, outsiders, or agents responsible for processes of transformation perceived as problematic [19]. Security constitutes one of the principal devices through which these dimensions can be articulated. The literature has shown how radical-right forces tend to link perceptions of insecurity to the presence of subjects or processes external to the national community, transforming different phenomena — immigration, crime, cultural transformations, or the loss of territorial control — into manifestations of the same crisis of the social order [6]. Security thus assumes a meaning broader than that of physical protection alone: it becomes a category through which to represent the need to restore control, predictability, and cohesion.

Within this logic, the construction of ‘us’ does not necessarily concern a single social group. Alterity may be identified with immigrants, but also with supranational institutions, political and cultural elites, progressive movements, or subjects represented as responsible for transforming shared values. Conflict therefore assumes a multiple configuration and makes it possible to construct different symbolic boundaries depending on the communicative context [20].

This perspective also makes it possible to distinguish the radical right from populism, while recognising the relationship between the two phenomena. The opposition between ‘the people’ and ‘the elite’ constitutes a central element of populist logic [21], but the radical right combines this opposition with a nativist conception of the community [3]. ‘The people’ is not defined solely in political terms, but also through cultural and identity-based criteria. Consequently, the question of who belongs to the people overlaps with that of who legitimately belongs to the nation.

It is within this space that security, identity, and border governance may converge. The protection of the territory may be represented as the protection of the community; the protection of the community may be presented as the defence of its identity; and the defence of identity may be associated with the need to counter subjects represented as external or incompatible. The interest of the empirical analysis therefore lies in examining how these associations are actually constructed in the discourse of different actors, rather than assuming their existence a priori.

3. Gender, family and the national order. Gender issues constitute a further terrain through which the national community is defined. The literature has shown how, in the discourse of contemporary right-wing forces, family, motherhood, and sexual difference are not necessarily treated as exclusively private or moral issues, but may be connected to the social and symbolic reproduction of the political community [22]. The analytical point, however, is not simply to claim that radical-right forces are ‘against gender’ or in favour of the ‘traditional family’. Such formulations risk describing a general orientation without demonstrating the mechanism through which gender enters the political construction of the nation. It is more useful to ask what concrete function representations of family, motherhood, and gender roles assume within specific political narratives.

From this perspective, the family may be represented as a space in which not only affective and social ties are reproduced, but also values regarded as fundamental to the continuity of the national community. Motherhood may acquire a similar meaning when associated with birth rates, cultural transmission, or the demographic

survival of the nation. Gender roles, finally, may contribute to establishing which behaviours and forms of social organisation are regarded as consistent with the national order [11]. Gender therefore assumes a dual analytical function. On the one hand, it contributes to the definition of the internal order of the community, establishing which family relationships and social roles are considered legitimate. On the other hand, it may be used in the construction of alterity, when particular gender models are presented as distinctive characteristics of the national community and contrasted with practices attributed to external groups.

This latter dynamic has been particularly studied through the concept of femonationalism. Farris has shown how certain nationalist actors may selectively appropriate the language of women's emancipation in order to support restrictive positions towards immigration. Within this type of discursive construction, the protection of women is presented as a value belonging to the national community, while the oppression of women is attributed to culturally external groups, particularly Muslim men [12]. Femonationalism is therefore relevant not simply because it introduces gender into anti-immigration discourse, but because it demonstrates a possible functional shift in the meaning of women's rights. Emancipation may be invoked not as a universal political objective, but as a criterion through which to distinguish a national community represented as modern and liberal from an alterity described as backward or incompatible with its values [13]. This selective appropriation does not, however, imply that radical-right communication produces a single representation of gender. The literature has highlighted significant differences between formations and contexts, as well as the possibility that traditionalist positions may coexist with forms of valorisation of women's participation in public life [11]. It is therefore necessary to distinguish between the presence of women in the public sphere, claims to female autonomy, and the questioning of gender relations: the three dimensions do not necessarily coincide.

This distinction is particularly relevant in the case of female leadership within the radical right. The presence of women at the helm of parties and movements does not automatically imply a transformation of the normative framework concerning gender. The strongwoman model demonstrates the possibility that female leadership may be incorporated into a political project founded on traditional values [23]. Similarly, the categories of Alt-Feminism and righting feminism describe forms of selective appropriation of discursive repertoires associated with female autonomy and emancipation [24]. These concepts are useful not for classifying in advance the communication of the subjects analysed as 'anti-feminist' or 'femonationalist', but for empirically identifying when and how references to gender change function depending on the theme and the intended recipient of the discourse. A reference to motherhood, for example, may be used to support a normative conception of the family; a reference to female autonomy may instead be mobilised in comparisons with a cultural alterity; a reference to women's participation in the public sphere may serve to legitimise leadership [25].

4. An integrated perspective for empirical analysis. In light of this framework, the present contribution does not assume security, national identity, border governance, and gender to be components necessarily reducible to a single ideology. Rather, they are treated as distinct analytical dimensions, whose possible connections must be verified through analysis of political communication.

The first level concerns border governance, examined through references to immigration and returns. The second concerns the construction of the symbolic boundary, analysed through the opposition between 'us' and 'them' and the identification

of subjects represented as threats or forms of alterity. The third concerns the construction of the gender order, examined through references to family, motherhood, gender roles, and women's participation in the public sphere. Security and national identity constitute cross-cutting dimensions that may connect these different levels.

The distinction between these categories makes it possible to address a central question: the presence of the same theme does not necessarily imply the same discursive function. Immigration may be presented as a security problem, as a matter of border control, or as a threat to national identity; gender may be mobilised to defend the family, to support a particular conception of motherhood, or to construct a cultural opposition with external subjects. Empirical analysis must therefore focus not only on the frequency of themes, but also on the relationships that actors construct between them.

This approach also makes it possible to consider the differences between the four subjects analysed. Giorgia Meloni, Matteo Salvini, Matteo Piantedosi, and Roberto Vannacci occupy different positions within the political and institutional field and may employ different communicative repertoires. The comparison is therefore not directed towards identifying a unified message of the radical right, but towards identifying similarities, differences, and specific ways of articulating the same discursive cores.

The theoretical framework thus assumes a strictly instrumental function in relation to the analysis: nativism, symbolic boundary, security, gender, and femonationalism do not constitute anticipated conclusions, but categories through which to interpret the corpus materials. It is the analysis of the posts and public speeches that will make it possible to establish whether, how frequently, and through which linguistic formulations these dimensions are actually associated in the communication of the four actors.

5. Empirical analysis

5. 1 Corpus, observation period and selection criteria. The empirical analysis was conducted on a corpus of content published between 1 February and 31 May 2026. The research was restricted to the Facebook* platform, selected on the basis of the public nature of its content, the platform's relevance to political communication, and the possibility of obtaining, for all the actors considered, a substantial and temporally comparable set of materials. The decision to concentrate the analysis on a single platform also reflects the need to maintain homogeneous characteristics across the materials examined and to enhance the comparability of the communication strategies adopted by the different subjects.

The corpus consists of posts published on the official Facebook* profiles of Giorgia Meloni, Matteo Salvini, Matteo Piantedosi, and Roberto Vannacci. The selection of these four actors makes it possible to compare subjects occupying different positions within the Italian political and institutional field, including party leaders and figures holding institutional roles, as well as subjects characterised by different modes of exposure on identity-related and cultural issues. This heterogeneity makes it possible to examine whether and to what extent the same thematic cores are articulated through different communicative registers.

The collection produced a total of 1,314 posts. The corpus subjected to the categorisation phase was distributed among the four actors as follows: 230 posts by Giorgia Meloni, 359 by Matteo Salvini, 258 by Roberto Vannacci, and 467 by Matteo Piantedosi.

* *The Facebook in Russia is recognized as extremist and banned.*

The different sizes of the individual corpora reflect the quantity of content published by each actor during the period under consideration and were not subject to artificial equalisation. The comparison between cases therefore takes into account both absolute frequencies and, where necessary, the relative distribution of categories within each corpus.

5.2 Analytical tool and procedure. The management and coding of the corpus were carried out using NVivo, software belonging to the family of Computer-Assisted Qualitative Data Analysis Software (CAQDAS). Such tools make it possible to organise, classify, code, and systematically interrogate large quantities of qualitative material, facilitating the retrieval of content associated with specific categories and the comparison of different portions of the corpus. NVivo also makes it possible to maintain links between the materials analysed and their respective codes, thereby making the categorisation process more systematic.

In the present study, NVivo was used to organise the corpus, conduct thematic coding of the posts, and subsequently retrieve and compare the content associated with the different analytical categories. The use of the software made it possible to structure the textual material systematically and to relate coded content to the respective actors.

The analysis was conducted through a thematic coding procedure, aimed at identifying the principal recurring discursive cores within the corpus. The attribution of content to categories was carried out through a systematic reading of the posts, taking into account the lexical and semantic elements present in the text and their meaning within the broader communicative context. The presence of a single term was therefore not, in itself, considered sufficient to assign content to a particular category. The procedure made it possible to move from the simple identification of thematic presence to a subsequent analysis of the ways in which themes are articulated across different items of content and, where applicable, associated with other dimensions of political discourse.

5.3 Analytical categories and coding criteria. The coding system was developed on the basis of the research questions and the theoretical framework outlined above. The categories were identified as corresponding to the principal thematic cores through which the contemporary Italian radical right constructs its political communication in relation to national identity, security, border regulation, the construction of alterity, and gender issues.

Seven analytical categories were initially identified:

1. Identity;	5. Us vs Them;
2. Security;	6. Gender;
3. Immigration;	7. Other.
4. Returns;	

The categories relating to immigration and returns were subsequently brought together into a single macro-category referred to as 'Border Control'. This choice makes it possible to consider jointly the different ways in which political communication addresses the regulation of entry into, residence within, and departure from the national territory, while maintaining the original conceptual distinction between the two themes.

The 'Identity' category includes content relating to national and cultural identity, the values attributed to the national community, and the definition of the characteristics through which it is represented. The 'Security' category includes references to

citizens' security, public order, crime, territorial control, and, more generally, the representation of situations or subjects as sources of risk or threat. The macro-category 'Border Control' includes content relating to immigration and returns, encompassing both the representation of migratory flows and references to measures intended to limit or manage them, or to intervene in the residence of people considered not to belong to the national community.

The 'Us vs Them' category identifies content in which an opposition is constructed between a collective subject represented as belonging to the community and one or more subjects positioned outside it. The category was kept distinct from that concerning border control because the alterity constructed in political discourse may concern not only migrants, but also supranational institutions, political and cultural elites, progressive movements, or other subjects represented as incompatible with the identity of the national community. The 'Gender' category includes references to family, motherhood, the social roles attributed to men and women, relations between the sexes, women's rights, and, more generally, normative representations of gender and sexuality when they acquire relevance within political discourse. The 'Other' category comprises references that did not meet the criteria for assignment to any of the preceding categories.

The coding therefore made it possible to distinguish thematic dimensions that may appear within the same item of content without necessarily performing the same discursive function. In particular, the distinction between border control, identity, and 'Us vs Them' makes it possible to avoid an automatic overlap between immigration and the construction of alterity, while the identification of the gender category makes it possible to examine empirically whether, and through which mechanisms, issues relating to family, motherhood, and gender roles are associated with the construction of the national community. On the basis of this coding, the analysis of the results focuses on the distribution of the categories across the four corpora and their specific discursive articulations, with particular attention to the associations between border control, security, identity, the construction of alterity, and gender.

6. Results. The analysis of the corpus reveals a differentiated distribution of the categories considered, showing significant variation among the four actors. Across the content analysed, Giorgia Meloni presents a relatively balanced distribution between security and identity, both accounting for 17%, while 16% of the posts concern border control. The 'Us vs Them' category represents 13% of the content, while gender accounts for 4%. The remaining 33% falls within the 'Other' category.

In the case of Matteo Salvini, 22% of the content concerns border control, making it the most significant thematic category, followed by security (16%). Identity represents 10% of the posts, while the construction of 'Us vs Them' reaches 11%. The gender category accounts for 4%, while 38% of the content is classified as 'Other'.

The distribution for Matteo Piantedosi instead shows a more pronounced concentration on security and border control. The former accounts for 38% of the content, while the latter reaches 40%, representing a combined share of 78%. Identity constitutes 10% of the posts, while 'Us vs Them' represents 3% and gender 2%. The remaining 7% belongs to the 'Other' category.

Finally, Roberto Vannacci presents a distribution characterised by a greater presence of the 'Us vs Them' category, which reaches 23% of the content. Border control

accounts for 31%, identity for 15%, and security for 13%. The gender category reaches 6%, while 13% of the content is classified as 'Other'.

The distribution is summarised in Table 1, which allows comparison of the percentage distribution of the categories across the four corpora.

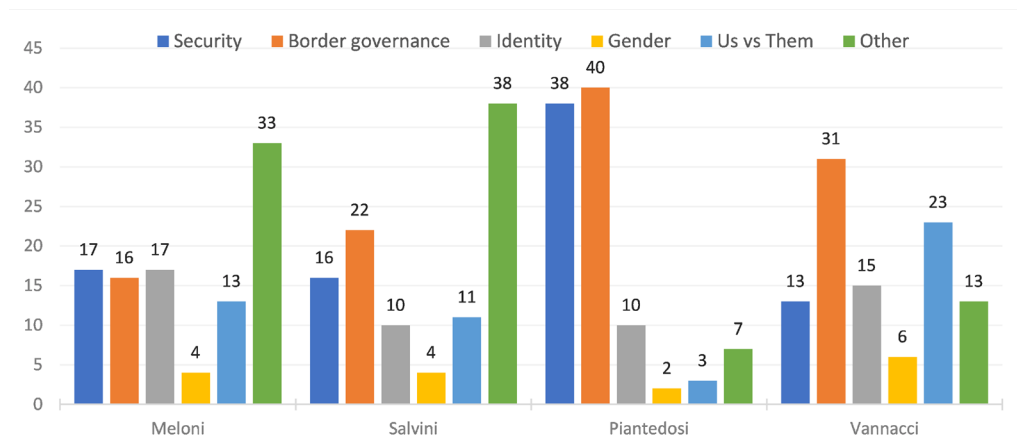

Figure 1. Distribution of analytical categories across the four corpora

The distribution first highlights a significant differentiation in the ways the four actors thematise political issues. Piantedosi presents the greatest concentration of content in the security and border-control categories, which together account for more than three quarters of his corpus. In his case, therefore, themes directly connected to security and border management assume a markedly greater weight than the other dimensions considered.

Meloni, by contrast, shows a more articulated distribution: security, identity, and border control present very similar values, while 'Us vs Them' occupies an intermediate position. Salvini presents a similar configuration with regard to the centrality of border control and security, but with a lower incidence of the identity category. In both cases, however, the distribution does not reach the strong concentration observed in Piantedosi's corpus.

The case of Vannacci stands out above all for the weight of the 'Us vs Them' category, which reaches 23%, the highest value among the four actors. Border control also has a substantial incidence (31%), while identity and security account for relatively smaller shares. The distribution therefore suggests a greater relevance of discursive modes based on the opposition between subjects and groups than that observed in the other corpora.

The gender category, by contrast, presents relatively low values in all cases, ranging from 2% for Piantedosi to 6% for Vannacci. Although it is the least represented, or among the least represented, category across the four corpora, its distribution nevertheless reveals differences between the actors, with a greater incidence in the case of Vannacci and a more limited presence in the case of Piantedosi.

Overall, the distribution of the categories highlights different communicative configurations among the four actors analysed. Piantedosi shows a marked concentration of content in the dimensions of security and border control; Meloni displays a more balanced distribution between security, identity, and border control; Salvini shows

a particularly significant incidence of border control, accompanied by a substantial presence of security; Vannacci, by contrast, is characterised by the greatest weight of the 'Us vs Them' category and by a substantial presence of border control. The data therefore show that, despite the common presence of the dimensions considered, their relative weight varies significantly according to the actor, outlining different modes of thematic organisation within the political communication analysed.

Conclusions. The results show how the anti-gender positions of the radical right are closely connected to a broader ethnocultural conception of the nation. The defence of the traditional family and gender roles does not represent merely a position on moral issues, but becomes an integral part of a political project oriented towards preserving the cultural, demographic, and symbolic continuity of the national community. Within this framework, women are predominantly represented as mothers and as guarantors of the reproduction of the nation, while the family assumes the role of the principal institution responsible for transmitting collective identity. The analysis also highlights an internal tension within radical-right discourse. While a traditionalist conception of gender roles prevails in the national context, the same references to women's emancipation are selectively mobilised when they intersect with narratives concerning immigration and religion. In these cases, women's rights are invoked not as an autonomous objective of emancipation, but as an argument serving the construction of a representation of cultural alterity as incompatible with the values of the national community. This dynamic confirms the arguments discussed in the literature on femonationalism, showing how gender is incorporated into broader discursive strategies aimed at legitimising identity-based policies. More broadly, this contribution suggests that gender constitutes one of the principal devices through which the contemporary radical right constructs its political imaginary. Far from being confined to the sphere of family policies or identity-related issues, it contributes to organising a narrative in which border protection, security, national identity, and the reproduction of the community are brought together within the same cultural and political project.

From this perspective, gender emerges as a fundamental analytical category for understanding transformations in the political communication of the contemporary radical right.

References

1. Vercelli C. La destra radicale in Italia. Note di riflessione sulle radici ideologiche, culturali e sociali di una persistenza politica [The radical right in Italy: Reflections on the ideological, cultural, and social roots of a political persistence]. *Eunomia*. 2018;7(1):25–42. DOI [10.1285/i22808949a7n1p15](https://doi.org/10.1285/i22808949a7n1p15).
2. Ignazi P. Destre postindustriali [The Post-Industrial Right]. *Il Mulino*. 2000;49(1):149–159.
3. Mudde C. Ultradestra: radicali ed estremisti dall'antagonismo al potere [The far right: radicals and extremists from antagonism to power]. Roma: Luiss University Press; 2020.
4. Serughetti G. Il vento conservatore: la destra populista all'attacco della democrazia [The conservative wind: the populist right on the attack against democracy]. Roma-Bari: Laterza; 2021.
5. Meo M., Tramontana A. Nel nome del genere: ideologie, strategie di legittimazione e nuove alleanze politiche della destra radicale italiana [In the Name of Gender: Ideologies, Legitimation Strategies, and New Political Alliances of the Italian Radical Right]. Milano: FrancoAngeli; 2025.
6. Hall Ju. E. The Family and the Nation: The Centrality of Gender Politics in the Rise of European Illiberalism. *Claremont-UC Undergraduate Research Conference on the European Union*. 2023;2023(1):87–99. DOI [10.5642/urceu.edbk1076](https://doi.org/10.5642/urceu.edbk1076). EDN [CQQWVQ](https://www.edn.org/CQQWVQ).

7. Rydgren J. The Sociology of the Radical Right. *Annual Review of Sociology*. 2007;33:241–262. DOI [10.1146/annurev.soc.33.040406.131752](https://doi.org/10.1146/annurev.soc.33.040406.131752).
8. Eriksen T. H. Us and Them in Modern Societies: Ethnicity and Nationalism in Mauritius, Trinidad and Beyond. Oslo: Scandinavian University Press; 1992.
9. Prearo M. Family Day, movimenti e mobilitazioni anti-gender: un progetto politico neocattolico [Family Day, anti-gender movements and mobilizations: a neo-Catholic political project]. *Genesis: Rivista della Società Italiana delle Storiche*. 2019;18(1):21–43. DOI [10.23744/2252](https://doi.org/10.23744/2252).
10. Spierings N., Zaslove A., Mügge L. M. [et al.]. Gender and populist radical-right politics: an introduction. *Patterns of Prejudice*. 2015;49(1-2):3–15. DOI [10.1080/0031322X.2015.1023642](https://doi.org/10.1080/0031322X.2015.1023642).
11. Meo M., Tramontana A. Gender issues e ideologia della destra radicale italiana. La difesa della tradizione tra femminilismo e nativismo [Gender issues and the ideology of the Italian radical right: the defence of tradition between feminism and nativism]. *Sociologia*. 2024;58(2):95–110.
12. Farris S. Il femonazionalismo non è populismo [Femonationalism is not populism]. *Scenari: quadrimestrale di approfondimento culturale*. 2019;11:347–374. DOI [10.7413/24208914047](https://doi.org/10.7413/24208914047).
13. Akkerman T. Gender and the radical right in Western Europe: a comparative analysis of policy agendas. *Patterns of Prejudice*. 2015;49(1-2):37–60. DOI [10.1080/0031322X.2015.1023655](https://doi.org/10.1080/0031322X.2015.1023655).
14. Hermansson P., Lawrence D., Mulhall J. [et al.]. The International Alt-Right: Fascism for the 21st Century? London: Routledge; 2020. DOI [10.4324/9780429032486](https://doi.org/10.4324/9780429032486).
15. Caldiron G. Lessico postfascista: parole e politiche della destra al potere [Post-fascist lexicon: words and politics of the right in power]. Roma: Manifestolibri; 2002.
16. Mudde C., Kaltwasser C. R. Populism: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press; 2017. DOI [10.1093/actrade/9780190234874.001.0001](https://doi.org/10.1093/actrade/9780190234874.001.0001).
17. Inglehart R., Norris P. Trump and the populist authoritarian parties: the silent revolution in reverse. *Perspectives on Politics*. 2017;15(2):443–454. DOI [10.1017/S1537592717000111](https://doi.org/10.1017/S1537592717000111).
18. Mudde C. The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*. 2004;39(4):541–563. DOI [10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x](https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x).
19. Anselmi M. Gramsci nel dibattito sul populismo contemporaneo [Gramsci in the debate on contemporary populism]. In: Liguori G. (a cura di). Gramsci e il populismo. Milano: Unicopli; 2019. P. 105–114.
20. Ignazi P. The silent counter-revolution: hypotheses on the emergence of extreme right-wing parties in Europe. *European Journal of Political Research*. 1992;22(1):3–34. DOI [10.1111/j.1475-6765.1992.tb00303.x](https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.1992.tb00303.x).
21. Hawley G. Making Sense of the Alt-Right. New York: Columbia University Press; 2017. DOI [10.7312/hawl18512](https://doi.org/10.7312/hawl18512).
22. Betz H.G. Radical Right-Wing Populism in Western Europe. London: Palgrave Macmillan; 1994. DOI [10.1007/978-1-349-23547-6](https://doi.org/10.1007/978-1-349-23547-6).
23. Meo M. Leader e donna. Genere e populismo nelle retoriche di Giorgia Meloni [Leader and Woman: Gender and Populism in the Rhetoric of Giorgia Meloni]. In: Cammarota A., Meo M. (a cura di) Populismo e questioni di genere. Rappresentazioni, politiche, movimenti. Milano: FrancoAngeli; 2021. P. 61–76.
24. Dzodan F. The new Alt-Feminism, when White Supremacy Met Women's Empowerment. The Research Papers. 2017 Jan 6. Available at: <https://theresearchpapers.org/archive/the-new-alt-feminism-when-white-supremacy-met-women-s-empowerment-b978b088db33/> (accessed: 06.08.2026).
25. Arfini E. A., Ghigi R., Magaraggia S. Can feminism be right? A content analysis of discourses about women by female Italian right-wing politicians. *Rassegna Italiana di Sociologia*. 2019;60(4):693–719. DOI [10.1423/96112](https://doi.org/10.1423/96112).

Received: 07.08.2026. Corrected: 11.09.2026. Accepted: 14.09.2026.

Author information:

Natale Feo, PhD student at University of Messina. Messina, Italy.

natale.feo@studenti.unime.it

ORCID: [0009-0005-4007-974X](https://orcid.org/0009-0005-4007-974X)

Н. Фео¹¹ Университет Мессины. Мессина, Италия

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИИ: ГРАНИЦЫ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГЕНДЕР В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА ИТАЛЬЯНСКИМИ РАДИКАЛЬНО-ПРАВЫМИ СИЛАМИ

Аннотация. За последние два десятилетия усиление радикально-правых сил и антигендерная мобилизация стали одной из главных арен политического противостояния в современных демократиях. Хотя антигендерное движение объединяет широкий спектр политических, религиозных и гражданских акторов, в итальянском контексте именно радикально-правые и ультраправые политические силы сыграли ведущую роль, выступая против политики гендерного мейнстриминга — стратегии, направленной на интеграцию гендерного подхода в процессы принятия решений и разработку государственной политики. В этом контексте защита нации и её декларируемой этнокультурной идентичности тесно переплетается с продвижением традиционной семьи и укреплением гендерных моделей, составляющих фундамент социального порядка. Современные исследования всё чаще подчёркивают роль гендерной проблематики как в идеологии, так и в политической коммуникации радикально-правых сил. Исходя из этих положений, в статье анализируется эмпирический массив из 1314 публикаций в социальных сетях, размещённых в период с февраля по май 2026 года четырьмя политическими деятелями, занимающими различные позиции в итальянском политическом и институциональном поле, — Джорджей Мелони, Маттео Сальвини, Маттео Пьянтедози и Роберто Ванначчи. Используя метод качественного контент-анализа, автор рассматривает, как гендерная проблематика включается в более широкий дискурс конструирования нации, идентичности и социального порядка. Полученные результаты показывают существенные различия в том, как рассматриваемые политики расставляют тематические акценты своей публичной коммуникации между вопросами безопасности, пограничного контроля, идентичности и конструирования инаковости; при этом гендерные темы, несмотря на количественно меньшее присутствие, играют стратегическую роль в организации общей дискурсивной архитектуры.

Ключевые слова: радикально-правые силы; гендер; границы; политическая коммуникация; нативизм; Италия; национальная идентичность; фемонационализм

Для цитирования: Фео Н. Конструирование нации: границы, идентичность и гендер в формировании национального сообщества итальянскими радикально-правыми силами // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 3. С. 74–85. (In Eng.). DOI [10.19181/nko.2026.32.3.5](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.5). EDN [MZCBTR](https://edn.mtcbr.ru/).

Поступила: 07.08.2026. Доработана: 11.09.2026. Принята: 14.09.2026.

Сведения об авторе:

Натале Фео, аспирант, Университет Мессины. Мессина, Италия.

natale.feo@studenti.unime.it

ORCID: [0009-0005-4007-974X](https://orcid.org/0009-0005-4007-974X)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.3.6](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.6)
EDN [NKHERO](#)
УДК 316.346.2:316.77

L. Pelle¹

¹ Tuscia University. Viterbo, Italy

FRAMING GROUP SEXUAL VIOLENCE IN THE ITALIAN PRESS: NEWSWORTHINESS, INTERSECTIONALITY, AND THE DISTORTION OF GENDER-BASED VIOLENCE

Abstract. While media representations play a decisive role in shaping public understanding of gender-based violence (GBV), newspaper reporting on group sexual assault remains an under-researched dimension. Situated within the STEP Observatory's ongoing monitoring of the Italian press, this study examines a corpus of 2,036 articles published across 26 Italian newspapers between 2020 and 2025 to investigate the coverage, newsworthiness criteria, and discursive framing of gang rape. The empirical findings demonstrate a stark discrepancy between press representation and statistical reality: while multi-perpetrator assaults account for approximately 2.06% of recorded rape cases in Italy, they comprise 11.3% of press coverage regarding sexual violence. News coverage is strongly linked to issue continuity, while two primary levers drive case visibility: the elite social status of perpetrators — which lowers news selection thresholds while granting prominent actors platforms to disseminate revictimizing narratives that erase their responsibility — and the intersectional positionality of victims and perpetrators. In cases involving offenders belonging to minoritized groups — more specifically along the axes of oppression of race, migratory status, and social marginality — the press mobilizes femonationalist and securitization rhetorics that conceal male responsibility and attribute GBV to external factors, without questioning fundamental gender power asymmetries. Furthermore, news coverage relies heavily on episodic framing, systematically obscuring the structural roots of GBV. These findings underscore the urgent need for critical media monitoring to foster gender-sensitive press coverage of GBV.

Keywords: gang rape; press representation; male violence against women; intersectionality; power asymmetries; newsworthiness criteria; concealment of male responsibility; frame analysis

For citation: Pelle L. Framing group sexual violence in the Italian press: newsworthiness, intersectionality, and the distortion of gender-based violence. *Science. Culture. Society*. 2026;32(3):86–97. <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.6>

Framing male violence against women: power asymmetries, intersectionality, and media logic. Male violence against women has been defined as one of the most persistent human rights violations of the modern age [1], a structural issue that has long been neglected or concealed at best, and reinforced and justified at worst [2]. The enduring power asymmetries between genders [3; 4], generally taken for granted or essentialised through patriarchal dominance [5], constitute the root of male violence against women.

However, in the last thirty years, women's and gender studies have highlighted that gender is only one of many intersecting axes of oppression shaping social positioning [6]. Race, class, sexual identity, migratory status, age, disability and other

variables define the matrix of domination in which each situated subjectivity is embedded [7], requiring an intersectional lens.

Despite legislative advancements framing the social and structural nature of gender-based violence (GBV)¹, stereotypes and prejudices still persist in legal narratives and court rulings [8], reinforced by underlying sexist biases.

In this context, the press plays a crucial role as an arena of socialisation where cultural norms about gender, violence and power are reproduced. Media studies view journalism as a matter of civic education and social responsibility [9], more recently interpreting it as a discursive practice that can either challenge or reinforce sexist, racist, and classist stereotypes [10]. As public attention to GBV has heightened, thanks to feminist movements, scholars have noted an improved yet continuously contested critical analysis of the phenomenon in the press [11; 12]. Researchers [13; 14] and even journalistic associations² have equipped the field with tools to deconstruct harmful narratives.

Nevertheless, in analyzing how newspapers represent male violence against women, a pivotal point is understanding the logic of newsmaking and newsworthiness. Wolf [15] differentiates among five criteria of newsworthiness: substantial; product-related; medium-related; competition or market-related; and public-related. Accounting for these criteria is fundamental to understanding journalists' linguistic choices and why the press facilitates or obstructs certain discursive practices.

Discursive strategies and revictimization in newspaper representation of GBV.

The portrayal of GBV in media has been subject to extensive academic scrutiny, yielding significant critical findings. First and foremost, scholars have highlighted the normalization of male violence, which sometimes renders it difficult to identify the perpetrator (or the violence itself) even from the headlines [16].

Sexist stereotypes in the press contribute to the normalization of male violence by redistributing responsibility between women — who are blamed through secondary victimization rhetoric — and male perpetrators — who are concealed or portrayed as victims of uncontrollable emotions [13]. Perpetrator responsibility is blurred and diminished through communicative strategies — such as linguistic avoidance [2] or misdirection [17]. For instance, passive sentence constructions render the agent implicit or omit the perpetrator entirely while focusing solely on the survivor, making it difficult to assign accountability. Another strategy frequently employed is the offender's "monstrification" [18]: when described as a monster, he is othered rather than recognised as a functional member of a patriarchal society. Readers can thus distance themselves from the violence, viewing it as an anomaly committed by a few deviant individuals. The same rhetoric represents violent men as animals, a "pack" [19] in gang rape cases, further deflecting male responsibility. Moreover, metaphorical language represents women as "prey", while rarely framing men as "hunters": thus, violence is externalized, and perpetrators are absolved [20]. Despite these outcomes, journalists frequently employ such terms to capture attention while fitting tight character limits.

¹ For instance, the Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence Against Women and Domestic Violence (Istanbul Convention, 2011) recognizes violence against women in its preamble as a "manifestation of historically unequal power relations between the sexes".

² One example is the Italian Venice Manifesto (Manifesto di Venezia. Giornaliste e giornalisti insieme contro la violenza sulle donne. Venezia: FNSI & Usigrai, 2017), a handbook produced by Italian journalistic associations on how to report on GBV while respecting the victim's dignity.

Frame analysis provides a useful tool in this context, defining a “frame” as the conceptual structure within which information is processed and stored [21; 22]. Studies note that the use of an episodic frame, focused on individual events, is far more frequent than a thematic frame, which instead situates violence against women within a sexist social structure designed to support the patriarchal status quo [23; 24], a tendency clearly reflected in the Italian press [25].

Empirical benchmarks established by the research project *STEP. Stereotypes and prejudice. Toward a cultural change in gender representation in judicial, law enforcement and media discourse*³ provide a crucial theoretical foundation for examining how the Italian press represents male violence against women, in order to highlight harmful stereotypes and prejudices [13]. A primary finding concerns the systematic discrepancy between press coverage and actual statistical incidence of specific kinds of male violence. For instance, while femicide accounts for approximately 1% of recorded gender-based crimes, it receives 44.5% of media coverage due to its extreme severity and heightened newsworthiness. Conversely, pervasive forms of abuse like domestic violence, which account for nearly half of the statistically recorded crimes, make up only 14% of press reporting, contributing to the routine erasure and normalization of everyday systemic violence. Lexical frequency analysis within this literature demonstrates that press reporting centers primarily on the victim, while the perpetrator remains largely invisibilized.

Broadening the focus to the judicial representations of GBV, research highlights three recurring biases: framing violence as “family disputes” (neutralizing power imbalances and privatizing a structural issue); attributing abuse to “jealousy” (depicting deliberate violence as a “natural reaction” that the woman “caused”); and the “raptus” bias (emphasizing loss of control, which dissociates the violent act from daily patterns of abuse). Such reductionist frameworks systematically romanticize GBV, effectively dissociating individual acts of violence from the systemic patterns of power and control perpetrated by men and sustained by a patriarchal society.

Gang rape: an apex of power asymmetries. This study focuses on group sexual violence, grounded in a framework that interprets gang rape as a peak manifestation of symbolic power asymmetry, characterized by numerical dominance and the intertwining of sexual and often physical, psychological and digital abuse. Studies highlight how gang rape victims suffer more severe physical and psychological consequences than survivors of single-assailant rapes [26; 27]. Despite this, literature on GBV rarely addresses group sexual violence, and when it does, it focuses mainly on instances at U.S. campuses [28], wartime violence [29; 30], or high-profile individual cases [31; 32].

Studying gang rape also provides a privileged standpoint to analyse male homosociality and how masculinity is displayed and performed. The survivor becomes “a tool, an object, the centerfield around which boys both test and demonstrate their power and heterosexual desire by performing for one another” [28, p. 7]. Violence thus serves to collectively construct an identity rooted in hegemonic masculinity [33; 34; 35], and to ensure adherence to this role. More recently, public attention

³ The study was funded by the Italian Department of Equal Opportunities of the Presidency of the Council of Ministers and coordinated by Professor Flaminia Sacc. Led by Tuscia University in cooperation with the NGO Differenza Donna, the project takes into account the Italian judicial and press representation of GBV from 2017 to 2019, analysing over 16,000 newspaper articles and 282 court sentences.

has turned to the rising issue of non-consensual sharing of intimate images (NCSII), an online form of GBV that frequently intersects with group sexual violence, where assaults are recorded and shared against the victim's will — proving that digital violence is both a reflex and an expansion of offline GBV.

This paper seeks to address the gap in the literature regarding media representations of gang rape, and is situated within the framework of the “STEP Observatory — Research and Information”⁴, which offers ongoing monitoring of the Italian press representation of GBV. Specifically, this study narrows its focus to the Italian press coverage of gang rape, in order to analyse whether media coverage aligns with actual statistical incidence, and to identify the drivers of news visibility. Two research questions guide the analysis: (1) Is the representation of gang rape cases in the press proportional to its effective incidence? (2) What variables explain the higher coverage of some gang rape cases?

Research design and dataset: the STEP Observatory. The study employs human content analysis of a corpus of 2,036 articles selected from the “STEP Observatory — Research and Information”, adopting a mixed-methods design combining quantitative content analysis of article frequencies with qualitative content analysis of narrative frames focused on the sub-sample of articles detailing the ten most covered cases.

The corpus includes articles drawn from 26 national and local Italian newspapers throughout 2020–2025. The database was developed within the framework of two Research Projects of National Interest: PRIN 2020 “*Stereotypes and prejudices: the social representation of gender-based violence and contrast strategies ten years after the Istanbul Convention*”, led by Principal Investigator Professor Flaminia Saccà, analysing the press representation of GBV from 2020 to 2023; and PRIN PNRR 2022 “*STEPSISTER — STereotypes and PrejudiceS In preSs represenTation of gEndeR-violence*”, led by Principal Investigator Doctor Rosalba Belmonte, covering the years 2024 and 2025.

Initial corpus selection was conducted through keyword filtering using the terms “gang rape(s)”, “group sexual violence(s)”, and “pack”⁵. The database was finalized by assigning each article to its gang rape case. The label “Analysis” consists of articles that did not center on a single incident — offering a structural overview of GBV.

Empirical findings: media overrepresentation vs. statistical reality. Analyzing the annual distribution of coverage reveals significant disparities between the media representation of gang rape and its statistical incidence.

As shown in Figure 1, article coverage peaked in 2023, reflecting multiple high-profile cases and a cultural climate highly sensitive to GBV, driven in part by discourse surrounding the femicide of Giulia Cecchettin. Conversely, 2020 recorded the lowest coverage, likely as the COVID-19 pandemic monopolized media attention and restricted social interactions preceding offline group sexual violence.

⁴ A national observatory chaired by Professor Flaminia Saccà and created through an agreement between Sapienza University of Rome, Tuscia University, and the Equal Opportunities Committees of the National Federation of the Italian Press (FNSI), Rai Journalists' Union (USIGRai), Order of Journalists (OdG), and United Free Autonomous Journalists (GiULiA).

⁵ In Italian: “*stupro/i di gruppo*”, “*violenza/e sessuale/i di gruppo*” and “*branco*”.

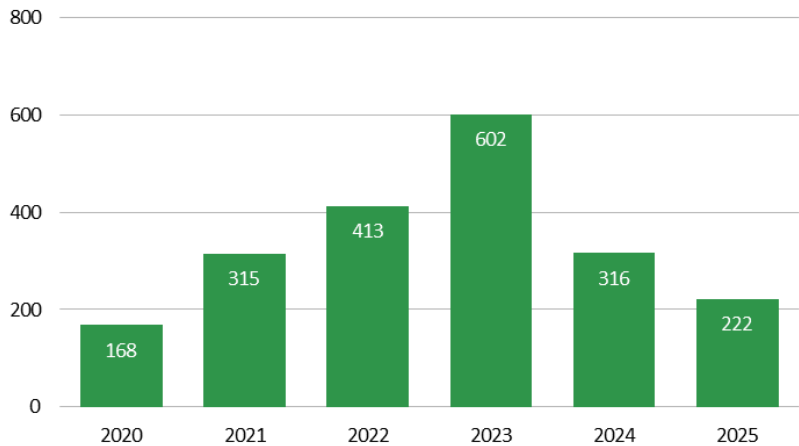

Figure 1. Annual number of newspaper articles covering gang rape cases in Italy (2020–2025)

Source: PRIN 2020 “Stereotypes and prejudices: the social representation of gender-based violence and contrast strategies ten years after the Istanbul Convention”, and PRIN 2022 PNRR “STEPSISTER-STEREOTYPES and PrejudiceS In preSs representATion of gEndeRviolence”.

Contextualizing these figures within total annual coverage of male violence against women shows that gang rape represents a relatively small proportion of overall GBV reporting, averaging around 5.9% of articles in the period studied, with 2024 marking the highest share.

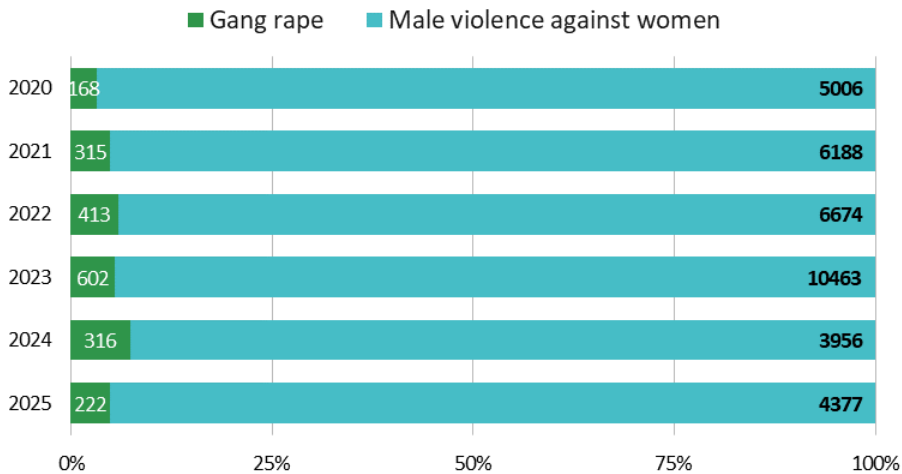

Figure 2. Proportional share of gang rape coverage relative to total male violence against women news coverage (2020–2025)

Source: PRIN 2020 “Stereotypes and prejudices: the social representation of gender-based violence and contrast strategies ten years after the Istanbul Convention”, and PRIN 2022 PNRR “STEPSISTER-STEREOTYPES and PrejudiceS In preSs representATion of gEndeRviolence”.

When narrowing the analytical scope exclusively to sexual violence, we find that gang rape accounts for an average of 11.3% of articles across the observation period.

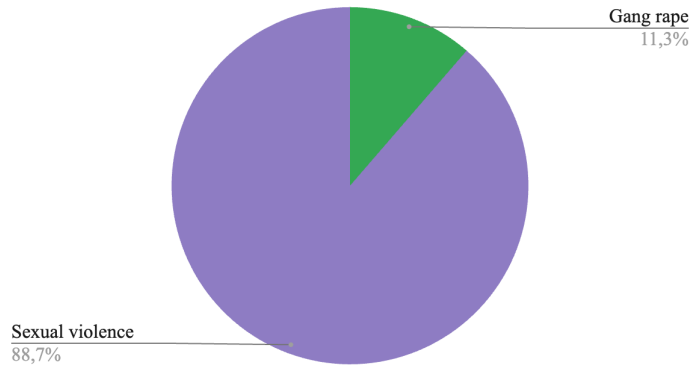

Figure 3. Proportional share of gang rape coverage relative to all sexual violence articles (2020–2025)

Source: PRIN 2020 “Stereotypes and prejudices: the social representation of gender-based violence and contrast strategies ten years after the Istanbul Convention”, and PRIN 2022 PNRR “STEPSISTER-STereotypes and PrejudiceS In preSs repreSenTation of gEndeRviolence”.

Determining whether gang rape coverage aligns with actual incidence requires consulting official Italian data, which is often criticized for its fragmentation, inaccessibility, and reporting delays [36]. While ISTAT⁶ estimates group assaults at under 1.5% of reported cases (excluding partner violence), Ministry of the Interior data⁷ offers a broader baseline, placing multi-perpetrator assaults at an average of 2.06%⁸ of total annual recorded rapes regardless of perpetrator relationship.

Comparing this 2.06% statistical baseline to the 11.3% news coverage share reveals a substantial overrepresentation of gang rape in Italian press coverage. This result aligns with existing literature that highlights how sexual violence receives disproportionate press attention compared to more frequent forms of GBV, such as domestic violence [13]. However, our data reveals an additional layer of distortion specific to the coverage of gang rape cases, reflecting the unique symbolic weight these cases carry in public discourse.

Coverage of gang rape cases: issue continuity, social status and newsworthiness.

Press visibility is rarely a neutral mirror of statistical reality; rather, intersectional hierarchies of social privilege, racialized alterity and migratory status dictate which gang rape cases catalyze attention. Categorizing the corpus by incident reveals how newsworthiness, intersectionality, and power asymmetries shape media visibility.

Table 1 categorizes cases by geographic location and key analytical variables: perpetrator name (for elite status [E]); victim name (in femicides); and minoritized characteristics [I] (racialization, migratory status, social marginality, disability). Non-Italian perpetrators were coded as “foreigners”, to illustrate how media practices weaponize symbolic boundaries.

⁶ ISTAT (Istituto Nazionale di Statistica) is Italy’s national statistical institute. Its 2025 survey (La violenza contro le donne, dentro e fuori la famiglia) provides the first comprehensive national update on male violence against women since 2014.

⁷ Ministry of the Interior, Report “Violenza di Genere: Focus Violenza Sessuale e Violenza Sessuale di Gruppo” (Sept. 2023), analyzing police data on individual and group sexual assault from 2013 to 2022.

⁸ Given that the newspaper data covers 2020–2025, narrowing the report’s broader 2013–2022 scope to the overlapping 2020–2022 window offers a more accurate comparison. The report registers a yearly average of 5,246 of individual rape and 108 instances of gang rape.

Table 1

Most covered gang rape cases and their relative frequency

2020	n.	2021	n.	2022	n.	2023	n.	2024	n.	2025	n.
Martina Rossi	16	Grillo Jr. [E]	100	Milan NYE⁹ foreigners [I]	120	Grillo Jr. [E]	90	Palermo	62	Grillo Jr. [E]	80
Pisticci minors	16	Martina Rossi	35	Grillo Jr. [E]	39	Caivano Green Park minors [I]	61	Grillo Jr. [E]	42	Milan NYE tourist foreigners [I]	16
Grosseto minors	10	Football player Portanova [E]	14	Rome NYE minors	23	Palermo	56	Catania minors foreigners [I]	29	Rome First May Concert foreigners [I]	14
Prato church scandal	10	Lignano	12	Florence tourist	16	Football player Lucarelli [E]	54	Chianciano victim foreigner [I]	23	Rome park foreigners [I]	10
Lignano minors foreigners [I]	7	Savona minors	10	Milan foreigners [I]	12	Milan NYE foreigners [I]	28	Football player Lucarelli [E]	16	Marina di Mancaversa tourist	9
Analysis	6	Fortezza da Basso	7	Garda train minors	8	Analysis	24	Rimini minor sex worker [I]	14	Florence downtown tourist	7
Viterbo Casapound supporters	5	Marina di Bibbona	7	Macerata professor	8	La Russa Jr. [E]	23	Palma di Maiorca Italian aggressors	13	Ravenna foreigners [I]	7
Circeo	5	Caserta disabled [I]	6	Analysis	7	Ponte San Giovanni	19	Robinho [E]	12	Massafra	6
Desirée Mariotti-ni drugs foreigners [I]	5	Desirée Mariotti-ni drugs foreigners [I]	6	Cornaredo foreigners motel [I]	7	Rome NYE minors	14	Massafra	10	Seminara mafia minors [I]	5
Marina di Bibbona	5	Rome minors	6	Martina Rossi	7	Seminara mafia minors [I]	11	Rome victim journalist	8	Padua foreigners [I]	4

Notes: **Bold** text indicates issue continuity: cases that re-entered the news agenda across two or more years within the corpus; **[E]** is code for Elite status: standing for cases where perpetrators possess elevated socio-economic, political, or symbolic capital (e.g. public figures, politicians, professional athletes, or their immediate family members); **[I]** stands for Intersectional dynamics: coding cases involving minoritized subjectivities, both perpetrators and victims, whose press representation is shaped by intersecting axes of oppression, including racialization, migratory status, socio-economic marginality, or disability.

Source: PRIN 2020 “Stereotypes and prejudices: the social representation of gender-based violence and contrast strategies ten years after the Istanbul Convention”, and PRIN 2022 PNRR “STEPMASTER-STereotypes and Prejudices In preSs representation of gEndeRviolence”.

⁹ NYE stands for “New Years Eve”.

High-profile gang rape coverage relies heavily on issue continuity [37], with 11 of 44 prominent cases reappearing across multiple years (bolded in Table 1), led by the Grillo Jr.¹⁰ case. Once on the media agenda, newsrooms routinely revisit these cases, particularly those marked by severe power asymmetries.

As Table 1 shows (code [E]), cases involving high-profile figures — such as Ciro Grillo, Leonardo Apache La Russa, and footballers Portanova, Lucarelli, and Robinho — consistently drive heavy coverage. While high social status enhances substantial newsworthiness, it also exacerbates power imbalances and heightens revictimization risks. Powerful perpetrators often gain unmediated media access to disseminate self-serving narratives, which press outlets frequently adopt or quote directly. The Grillo Jr. case is a paradigmatic example.

Generating over 350 articles (354 in total, averaging 17.38% of all articles, or more than one out of six), the 2019 Grillo case in Sardinia is the dataset's most covered incident. Coverage peaked in 2021 after politician Beppe Grillo published an online video defending his son, resorting to blatant secondary victimization tropes and erasure of male responsibility. He weaponized secondary victimization rhetoric by pointing to an eight-day reporting delay and the survivor's sports activities while framing the accused as “foolish youths” merely “having fun”:

“Beppe Grillo difende il figlio «È coglione, non stupratore»” [Beppe Grillo defends his son «He's an idiot, not a rapist»], Libero, 20 April 2021.

Thus, he simultaneously invoked the rape myth of false allegations [38] and erased male responsibility. This framing heavily influenced the reporting of the case: co-defendants were referred to as “Ciro's friends”, creating a narrative of familiarity that defined them by their peer network rather than the crimes charged. For instance:

“Interrogato in segreto Grillo jr: «Non fu violenza»” [Grillo Jr. questioned in secret: «It was not sexual assault»], Il Fatto Quotidiano, 16 April 2021.

“Il verbale di Grillo jr «Silvia consenziente doveva essere un gioco»” [Grillo Jr.'s statement: «Silvia was consenting, it was supposed to be a game»], La Repubblica, 13 May 2021.

“Ciro, la ragazza addormentata e le foto oscene «Una goliardata»” [Ciro, the sleeping girl, and the obscene photos: «A harmless prank»], Corriere della Sera, 6 June 2021.

Amplified by Italy's hybrid media ecosystem [39], this defense granted perpetrators disproportionate narrative influence, despite some reporting pushing back, quoting the survivor's attorney, who condemned the defense as a “repulsive farce” aimed at dragging “the victim into the dock”.

“Grillo difende il figlio indagato per stupro: «Arrestate me»” [Grillo defends his son under investigation for rape: «Arrest me instead»], Il Manifesto, 19 April 2021.

Intersectional biases: how gender and the structural nature of GBV disappear.

An intersectional lens illuminates how media representations vary by social positioning across race, migratory status, and marginality. Cases involving minoritized groups (coded “[I]” in Table 1) comprise nearly one-third of the corpus, with foreign status as the main marker of alterity. The Milan New Year's Eve assaults' coverage illustrates this dynamic: the incident was weaponized to demand anti-immigration measures; the city was framed as overwhelmed by a “myriad of North Africans with

¹⁰ The press named this case after one of the alleged aggressors, Ciro Grillo, who is the son of Italian politician Beppe Grillo; it will later be addressed as “Grillo Jr. case”, to mirror its press representation.

multiple criminal records”; and femonationalist rhetoric [40] depicted non-Western men as culturally prone to sexual violence. This securitization frame is evident in the press headlines of the period:

“Allarme sicurezza, lite in Consiglio. La Lega: Granelli si deve dimettere”
[Security alert, disputes in City Council. Lega: Granelli must resign], Il Giorno, 11 January 2022.

“Le ragazze aggredite mentre l’assessore faceva i selfie coi vigili”; “Lex vicesindaco ha denunciato la violenza di Capodanno: la sinistra non se n’è accorta”
[The young women were attacked while the councilor was taking selfies with the police; The former deputy mayor denounced the New Year’s Eve violence: the left didn’t even notice], Il Giornale, 9 January 2022.

Social marginality operates similarly, as seen in the Caivano case involving nine young men accused of gang-raping two young girls in a Neapolitan hinterland town. Media and political actors framed the crime strictly as a byproduct of suburban decay, criminality, and parental neglect [19]¹¹: they blame structural factors, but rather than questioning gender inequality, they turned to securitization. When cases mobilize multiple axes of oppression, the press reduces violence to axes other than gender, thus obscuring patriarchal power.

Finally, media omissions reflect core news values. Table 1 shows the scarcity of “Analysis” articles employing data to frame GBV as a systemic phenomenon. This stark imbalance underscores a core tension: framing violence as a pervasive issue directly conflicts with news values, which routinely prioritize episodic coverage over structural analysis.

Conclusions. This study investigated the media representation of group sexual violence in the Italian press, evaluating alignment with statistical reality and identifying variables driving case visibility. Using a mixed-methods content analysis of 2,036 articles (2020–2025) across 26 Italian newspapers from the STEP Observatory, the study focused on the ten most covered cases annually.

First, gang rape is substantially overrepresented: while the Ministry of the Interior data places multi-perpetrator assaults at 2.06% of recorded rapes, gang rape accounts for 11.3% of newspaper coverage devoted to sexual violence. This hyper-visibility carries a severe trade-off: invisibilization of more pervasive forms of GBV, such as domestic violence.

Second, case visibility and news longevity are governed by issue continuity and power asymmetries. Perpetrators belonging to social, political, or sports elites — exemplified by the Grillo Jr. case (354 articles) — receive sustained coverage. However, newsrooms often grant powerful aggressors the right to frame the narrative, reproducing secondary victimization and concealing male responsibility. News values transform public reporting into an exculpatory platform for perpetrators, rather than an arena of institutional accountability.

Third, intersectionality proves to be a powerful analytical tool to unveil how media attention unfolds along the axes of race and class. When perpetrators belong to minoritized groups (defined by race, migratory status, or social marginality), the press mobilizes femonationalist and securitization rhetorics. In incidents like Milan

¹¹ These narratives are mirrored in the legislative measure taken by the Italian government to “respond” to this case, an emergency legislative package (Law No. 159/2023, converting Decree-Law No. 123/2023, or “Caivano Decree”) that expanded juvenile pre-trial detention and criminalized parents in marginalized communities.

New Year's Eve and Caivano, media focus shifts away from structural patriarchal dominance toward border control, racialized criminality, or suburban decay, leaving gender asymmetry unaddressed.

Finally, the overwhelming dominance of episodic framing over thematic analysis reinforces the systemic erasure of collective responsibility, treating gang rape as an anomaly rather than a structural phenomenon embedded in everyday social relations.

Future research could expand this framework by examining how gang rape coverage is amplified across social media platforms within the hybrid media ecosystem, and conducting comparative cross-national studies across the Southern European and Mediterranean region to assess whether these intersectional distortions represent broader regional trends.

References

1. European Institute for Gender Equality. Combating violence against women: European Union. Publications Office; 2017. DOI [10.2839/898324](https://doi.org/10.2839/898324).
2. Romito P. A deafening silence: Hidden violence against women and children. Bristol: Policy Press; 2008. DOI [10.2307/j.ctt9qgvgr](https://doi.org/10.2307/j.ctt9qgvgr).
3. Saccà F. Le asimmetrie del potere: la prospettiva di genere nell'analisi socio-politica. Una breve introduzione [Power asymmetries: Gender perspective in socio-political analysis. A brief introduction]. *Sociologia*. 2022;(3):3–5.
4. Belmonte R., Raffa V. La violenza maschile contro le donne come prodotto dello squilibrio di potere tra i generi. Uno sguardo socio-politologico [Male violence against women as a product of the power imbalance between genders: A socio-politological view]. *Sociologia*. 2022;(3):41–51.
5. Bourdieu P. Masculine domination. Milan: Feltrinelli; 2014. ISBN 8807884054.
6. Crenshaw K. Demarginalizing the intersection of race and sex: A Black feminist critique of antiracist doctrine, feminist theory and antiracist politics. *University of Chicago Legal Forum*. 1989;(1):139–167. DOI [10.4324/9781315582924-10](https://doi.org/10.4324/9781315582924-10).
7. Collins P. H. Black feminist thought: Knowledge, consciousness, and the politics of empowerment. New York: Routledge; 1990. DOI [10.4324/9780203900055](https://doi.org/10.4324/9780203900055).
8. Saccà F., Massidda L. Stereotypes and prejudices in the legal representation of violence against women. A socio-cultural analysis of the judgments in the Italian courts. *Science. Culture. Society*. 2021;27(2):62–73. DOI [10.19181/nko.2021.27.2.6](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.2.6). EDN XIOZGX.
9. Commission on Freedom of the Press. A free and responsible press: A general report on mass communication: Newspapers, radio, motion pictures, magazines, and books. Chicago: The University of Chicago Press; 1974. ISBN 9780226471358.
10. Hall S. [ed.] Representation: Cultural representations and signifying practices. London: Sage Publications; 1997. ISBN 0-7619-5432-5.
11. Capecchi S., Gius C. Gender-based violence representation in the Italian media: Reviewing changes in public narrations from femicide to “revenge pornography”. *Italian Journal of Sociology of Education*. 2023;15(1):81–100. DOI [10.14658/PUPJ-IJSE-2023-1-4](https://doi.org/10.14658/PUPJ-IJSE-2023-1-4).
12. Zurbano-Berenguer B., Liberia Vayá I. Revisión teórico-conceptual de la violencia de género y de su representación en el discurso mediático. Una propuesta de resignificación [Theoretical-conceptual review of gender violence and its representation in media discourse. A proposal for resignification]. *ZER. Revista De Estudios De Comunicación*. 2014;19(36):121–143. (In Spanish). DOI [10.1387/zer.13494](https://doi.org/10.1387/zer.13494).
13. Saccà F. Stereotipo e pregiudizio. La rappresentazione giuridica e mediatica della violenza di genere [Stereotype and prejudice. The legal and media representation of gender-based violence]. Milan: FrancoAngeli; 2021. (In Italian). ISBN 9788835124474.
14. Sánchez-Ramos M., Zurbano-Berenguer B., Edo-Ibáñez A. Tratamiento ético de la violencia de género en los medios [Ethical treatment of gender violence in the media]. Madrid: Tecnos; 2024. (In Spanish). ISBN 978-84-309-8969-0.
15. Wolf M. Teorie delle comunicazioni di massa [Theories of mass communications]. Milano: Bompiani; 1997. (In Italian). ISBN 978-8845248412.
16. Bullock C. F., Cubert J. Coverage of domestic violence fatalities by newspapers in Washington State. *Journal Of Interpersonal Violence*. 2002;17(5):475–499. DOI [10.1177/0886260502017005001](https://doi.org/10.1177/0886260502017005001). EDN JNNWMZ.
17. Thompson C. Skirting around the issue: Misdirection and linguistic avoidance in parliamentary discourses on upskirting. *Violence Against Women*. 2020;26(11):1403–1422. DOI [10.1177/1077801219870606](https://doi.org/10.1177/1077801219870606).

18. Consalvo M. The monsters next door: Media constructions of boys and masculinity. *Feminist Media Studies*. 2003;3(1):27–45. DOI [10.1080/1468077032000080112](https://doi.org/10.1080/1468077032000080112).
19. Belmonte R., Pelle L. The pack of the “Green Park”. Rhetorics and stereotypes in the press representation of a gang rape case. *Power Asymmetries: Gender, Ideologies and Democracy*. 2025;(1):47–68. DOI [10.13133/3103-4667/132](https://doi.org/10.13133/3103-4667/132).
20. Busso L., Combei C. R., Tordini O. La rappresentazione lessicale della violenza di genere: “donne come vittime” nei media italiani. [The lexical representation of gender violence: “women as victims” in the Italian media]. In: Aldinucci B. [et al.], editors. *PAROLA: Una nozione unica per una ricerca multidisciplinare*. Siena: Edizioni Università per Stranieri di Siena; 2019. p. 261–279. (In Italian). ISBN 978-88-32244-02-1.
21. Goffman E. *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. Cambridge: Harvard University Press; 1974. ISBN 9780674316560.
22. Entman R. M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*. 1993;43(4):51–58. DOI [10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x](https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x). EDN [HIJMFX](https://www.edn.org/HIJMFX).
23. McManus J., Dorfman L. Distracted by drama: How California newspapers portray intimate partner violence. *Berkeley Media Studies Group*. 2003;13:1–24.
24. Worden A. P., Carlson B. E. Attitudes and Beliefs About Domestic Violence: Results of a Public Opinion Survey: II. Beliefs About Causes. *Journal of Interpersonal Violence*. 2005;20(10):1219–1243. DOI [10.1177/0886260505278531](https://doi.org/10.1177/0886260505278531). EDN [JNOABH](https://www.edn.org/JNOABH).
25. Saccà F., Belmonte R. Women first-person narrative as a tool for deconstructing stereotyped representations of gender-based violence. *Science. Culture. Society*. 2022;28(1):43–53. DOI [10.19181/nko.2022.28.1.4](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.1.4). EDN [GRIRZK](https://www.edn.org/GRIRZK).
26. Gidycz C. A., Koss M. P. A comparison of group and individual sexual assault victims. *Psychology of Women Quarterly*. 1990;14(3):325–342. DOI [10.1111/j.1471-6402.1990.tb00023.x](https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1990.tb00023.x).
27. Ullman S. E. A 10-year update of “review and critique of empirical studies of rape avoidance”. *Criminal justice and behavior*. 2007;34(3):411–429. DOI [10.1177/0093854806297117](https://doi.org/10.1177/0093854806297117). EDN [IRWKRT](https://www.edn.org/IRWKRT).
28. Sanday P. R. *Fraternity gang rape: Sex, brotherhood, and privilege on campus*. New York: New York University Press; 1990. ISBN 978-0814779026.
29. Card C. Rape as a weapon of war. *Hypatia*. 1996;11(4):5–18. DOI [10.1111/j.1527-2001.1996.tb01031.x](https://doi.org/10.1111/j.1527-2001.1996.tb01031.x).
30. Danjibo N., Akinkuotu A. Rape as a weapon of war against women and girls. *Gender and behaviour*. 2019;17(2):13161–13173. DOI [10.4314/gab.v17i2](https://doi.org/10.4314/gab.v17i2).
31. Roychowdhury P. The Delhi Gang Rape: “The Making of International Causes”. *Feminist Studies*. 2013;39(1):282–292. DOI [10.1353/fem.2013.0018](https://doi.org/10.1353/fem.2013.0018).
32. Beltr n A. M., Calvet C. C. Fiestas, public space and rape culture. A study of the Wolf Pack case. In: Platt L., Finkel R. [eds.] *Gendered Violence at International Festivals*. London: Routledge; 2020. p. 24–38. DOI [10.4324/9780429344893](https://doi.org/10.4324/9780429344893).
33. Connell R. W. *Masculinities*. London: Routledge; 2005. DOI [10.4324/9781003116479](https://doi.org/10.4324/9781003116479).
34. Pacilli M. G. Uomini duri. Il lato oscuro della mascolinità [Tough Men. The Dark Side of Masculinity]. Bologna: Il Mulino; 2020. (In Italian). ISBN 978-8815286642.
35. Farci M. Quel che resta degli uomini. Sulla mascolinità [What Remains of Men. On Masculinity]. Milan: Nottetempo; 2025. (In Italian). ISBN 979-1254802113.
36. Columbro D. Perché contare i femminicidi è un atto politico [Why counting femicides is a political act]. Milano: Feltrinelli; 2025. (In Italian). ISBN 9788807175107.
37. Galtung J., Ruge M. H. The structure of foreign news: The presentation of the Congo, Cuba and Cyprus crises in four Norwegian newspapers. *Journal of Peace Research*. 1965;2(1):64–91. DOI [10.1177/002234336500200104](https://doi.org/10.1177/002234336500200104). EDN [JNWXPR](https://www.edn.org/JNWXPR).
38. Burt M. R. Cultural myths and supports for rape. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980;38(2):217–230. DOI [10.1037/0022-3514.38.2.217](https://doi.org/10.1037/0022-3514.38.2.217).
39. Splendore S. *Giornalismo ibrido. Come cambia la cultura giornalistica italiana [Hybrid journalism. How Italian journalistic culture is changing]*. Rome: Carocci; 2017. (In Italian). ISBN 9788843088423.
40. Farris S. R. *In the name of women’s rights: The rise of femonationalism*. Durham: Duke University Press; 2017. DOI [10.1215/9780822372929](https://doi.org/10.1215/9780822372929).

Received: 10.08.2026. Accepted: 12.09.2026.

Author information:

Lucia Pelle, PhD student at Tuscia University. Viterbo, Italy.

lucia.pelle@unitus.it

ORCID: [0009-0009-4298-032X](https://orcid.org/0009-0009-4298-032X)

Л. Пелле¹¹ Университет Тушии. Витербо, Италия

ФРЕЙМИНГ ГРУППОВОГО СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ПРЕССЕ: НОВОСТНАЯ ЦЕННОСТЬ, ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТЬ И ИСКАЖЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГЕНДЕРНОМ НАСИЛИИ

Аннотация. Средства массовой информации играют определяющую роль в формировании общественного представления о гендерном насилии, однако освещение групповых сексуальных нападений в прессе остаётся недостаточно изученным направлением в рамках политической социологии и гендерных исследований. Опираясь на продолжающийся мониторинг итальянских СМИ, проводимый в рамках исследовательского проекта STEP, в статье анализируется корпус из 2036 публикаций, вышедших в 26 итальянских газетах в период с 2020 по 2025 г. Исследуются особенности освещения групповых изнасилований, критерии их новостной значимости и используемые дискурсивные фреймы. Эмпирические результаты выявляют существенное расхождение между медийным представлением и статистической реальностью: если на нападения, совершённые несколькими преступниками, приходится около 2,06% зарегистрированных в Италии случаев изнасилования, то их доля в публикациях о сексуальном насилии составляет 11,3%. Интенсивность освещения в новостных СМИ в значительной степени связана с непрерывностью темы (периодическим возобновлением обсуждения), при этом видимость отдельных случаев определяется двумя основными факторами: высоким социальным статусом преступников, который снижает порог отбора новостей, но одновременно предоставляет публичным фигурам платформу для распространения нарративов, ведущих к повторной виктимизации жертв и стирающих ответственность самих преступников, а также интерсекциональной позицией жертв и преступников. В случаях, когда правонарушители принадлежат к группам, подвергающимся социальной стигматизации — прежде всего по таким основаниям, как расовая принадлежность, миграционный статус и социальная маргинализация, — пресса обращается к фемонационалистской и секьюритизационной риторике. Такая риторика маскирует ответственность мужчин и объясняет гендерное насилие внешними факторами, не подвергая сомнению фундаментальные гендерные асимметрии власти. Кроме того, освещение в новостных СМИ в значительной степени опирается на эпизодический фрейминг, который систематически скрывает структурные причины гендерного насилия. Полученные результаты указывают на необходимость критического мониторинга СМИ для формирования чувствительного к гендерной проблематике освещения гендерного насилия в прессе.

Ключевые слова: групповое изнасилование; репрезентация в прессе; мужское насилие в отношении женщин; интерсекциональность; асимметрии власти; критерии новостной значимости; сокрытие мужской ответственности; анализ фреймов

Для цитирования: Пелле Л. Фрейминг группового сексуального насилия в итальянской прессе: новостная ценность, интерсекциональность и искажение представлений о гендерном насилии // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 3. С. 86–97. (In Eng.). DOI [10.19181/nko.2026.32.3.6](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.6). EDN NKHERO.

Поступила: 10.08.2026. Принята: 12.09.2026.

Сведения об авторе:

Пелле Лючия, аспирантка, Университет Тушии. Витербо, Италия.

lucia.pelle@unitus.it

ORCID: [0009-0009-4298-032X](https://orcid.org/0009-0009-4298-032X)

Научная статья
DOI 10.19181/nko.2026.32.3.7
EDN HJOJRW
УДК 327.83

Н. Н. Козлова¹, С. В. Рассадин¹, Ю. А. Монахова¹

¹Тверской государственный университет. Тверь, Россия

ЖЕНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: К ВОПРОСУ О ПОТЕНЦИАЛЕ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РОССИЙСКИМИ ЖЕНСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Аннотация. Актуальность исследования связана с геополитическими интересами России в ближневосточном регионе и использованием инструментов публичной дипломатии. Целью статьи является характеристика женских организаций стран Ближнего Востока в призме выявления потенциала их сотрудничества с российскими женскими организациями. Эмпирической основой исследования стал сбор данных с сайтов женских организаций стран Ближнего Востока и материалов СМИ (февраль–май 2026 г.) с применением методов сравнительного и контент-анализа. Составлен перечень основных женских организаций стран региона. Выявлены специфические черты женского движения в странах Ближнего Востока: неравномерность развития, дифференциация организаций по идеологическому критерию, социальной базе, направлению и формам работы, а также значительная роль представительниц элиты. Показан широкий идеологический спектр женских организаций, в котором артикулируются либеральные, радикальные, консервативные идеи. Дана характеристика своеобразному идеологическому направлению женского движения в странах Ближнего Востока — исламскому феминизму. Зафиксированы следующие направления сотрудничества женских организаций России и стран Ближнего Востока: женское лидерство, бизнес, культура, религия. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на различия в цивилизационном коде стран, приверженность традиционным ценностям создаёт поле для взаимодействия женских организаций, которое имеет потенциал для развития в рамках женской повестки.

Ключевые слова: женское движение; женские организации; Ближний Восток; социокультурное взаимодействие; публичная дипломатия; мягкая сила; исламский феминизм; женщины-лидеры

Для цитирования: Козлова Н. Н., Рассадин С. В., Монахова Ю. А. Женские организации стран Ближнего Востока: к вопросу о потенциале и перспективах развития социокультурного взаимодействия с российскими женскими организациями // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 3. С. 98–113. DOI 10.19181/nko.2026.32.3.7. EDN HJOJRW.

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки РФ, проект «Современные социокультурные связи России и стран Ближнего Востока» (FEMS-2026-0007).

Актуальность и проблемное поле исследования женского движения стран Ближнего Востока. Актуальность исследования потенциала и перспектив развития международного социокультурного взаимодействия России и стран Ближнего Востока¹ детерминируется возрастающим значением ближневосточного региона для Российской Федерации в текущей геополитической ситуации².

¹ Согласно «Большой российской энциклопедии» к Ближневосточному региону относятся 17 стран: Бахрейн, Египет, Израиль, Иордания, Ирак, Йемен, Катар, Кипр, Кувейт, Ливан, Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ), Оман, Палестина, Саудовская Аравия, Сирия, Судан, Турция. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Ближний_Восток (дата обращения: 10.07.2026).

² VI экспертный форум «Россия — Ближний Восток»: безопасность, палестино-израильское урегулирование и роль России. URL: <https://embassylife.ru/2026/06/02/82546/> (дата обращения: 12.01.2026).

Стремление России к выстраиванию многополярного мира, отстаиванию своей цивилизационной идентичности, преодолению санкционного давления Запада находит своё выражение в расширении числа стратегических партнёров как на уровне государственных органов, так и на уровне институтов гражданского общества, женских сообществ. В своём приветствии к участницам IV Евразийского женского форума (далее — ЕЖФ) «Женщины за укрепление доверия и глобальное сотрудничество» в 2024 г. Президент России В. В. Путин отметил, что ЕЖФ представляет собой авторитетную международную площадку, демонстрирующую «потенциал и возможности современных женщин», обеспечивающую «возможность показать, рассказать широкой женской общественности планеты, что Россия — открытая, гостеприимная страна»³. На Международном женском экономическом форуме в Бахрейне в 2025 г. Председатель Совета ЕЖФ Г. Н. Карелова подчеркнула рост сотрудничества женщин РФ и стран Ближнего Востока⁴.

При изучении женского движения в странах Ближнего Востока используется сравнительный подход, позволяющий анализировать данный феномен комплексно — через призму истории, социологии, политологии и гендерных исследований. Методологической основой исследования являются концепции публичной дипломатии (Э. Гуллион), «мягкой силы» (Дж. Най), нормативно-правовой базой исследования — Резолюция СБ ООН «Женщины, мир и безопасность» (2000), Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом (2022), Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы (2022).

Женское движение в ближневосточном регионе зародилось в конце XIX — начале XX в. под влиянием европейского колониализма, модернизации экономики, национально-освободительного движения, которые вкупе способствовали трансформации восприятия роли женщины в мусульманских обществах [1]. В зарубежной и российской социогуманитарной науке собралось значительное количество трудов, посвящённых социально-правовому статусу женщины в призме положений исламского вероучения. Ряд работ раскрывает подчинённое положение женщины в доктрине ислама, подчёркивает ограниченность её прав, при этом отмечает, что значительная часть самих женщин не спешат отказываться от традиций [2; 3; 4]. В других исследованиях сопоставляются положения Корана и реальные практики гендерных отношений [5; 6; 7]. При этом часть исследователей приходит к выводу, что исламское вероучение предоставляет женщинам всю полноту прав [8; 9], а другие работы на материалах стран Ближнего Востока раскрывают незападные модели эмансипации женщин и гендерной дискриминации [10; 11]. О. В. Карпачева указывает, что родиной феминистского движения на Арабском Востоке стал Египет в начале XX в. [12]. С. Н. Турк и А. С. Симонова отмечают сложное восприятие феминизма в регионе в целом [13]. Исследователи выделяют различные направления феминизма: Р. А. Жадан определяет три основных течения феминизма в современной Турции — светский (кемалистский), радикальный и исламский [14].

Помимо феминизма, изучаются консервативные течения в женском движении стран Ближнего Востока. А. А. Кондраль оценивает включение объединения

³ Четвёртый Евразийский женский форум. Владимир Путин выступил на пленарном заседании четвёртого Евразийского женского форума // Президент России. 18.09.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75124> (дата обращения: 05.03.2026).

⁴ Круглов Е. Сенатор Карелова отметила рост сотрудничества женщин РФ и стран Ближнего Востока // Парламентская газета. 14.01.2025. URL: <https://www.pnp.ru/politics/senator-karelova-otmetila-rost-sotrudnichestva-zhenshin-rf-i-stran-blizhnego-vostoka.html> (дата обращения 05.03.2026).

«Сёстры-мусульманки» (женское крыло ассоциации «Братьев-мусульман»^{*}) в общественно-политическую деятельность как «популистский шаг» [15, с. 215]. Г. Р. Балтанова анализирует феномен женского исламизма в странах Ближнего Востока, суть которого видит в привлечении женщин к террористической деятельности [16]. Ряд исследователей акцентирует внимание на траекториях женского движения с момента его зарождения, отслеживая влияние различных политических событий, политических акторов на его развитие. В частности, Т. А. Адаян раскрывает последствия военного переворота 1980 г. в Турции для женских организаций, анализирует «женскую повестку» в идеологии политических партий и приходит к выводу, что «на протяжении всего существования республики идеологи вестернизации, секуляризма, национализма, исламизма, левых и правых традиционно использовали женский вопрос и самих женщин лишь как инструмент в борьбе за власть, при этом ни один из представителей данных течений не ставил своей непосредственной целью борьбу за права женщин» [17, с. 28].

В части трудов представлены результаты кросс-культурного изучения женского движения всего ближневосточного региона [18], в ряде исследований авторы сосредоточены на отдельных странах — Египте, Турции и др. [14; 19; 20]. Многие работы используют биографический подход, рассматривая роль женщин-лидеров, создавших женские организации, в том числе первых леди стран [20]. Наконец, анализируется влияние международных организаций на развитие женского движения в странах Ближнего Востока, прежде всего, структуры «ООН-женщины» [21].

Резюмируя результаты исследований, отметим, что в них отражён вклад женского движения в развитие ближневосточного региона. Наша цель — рассмотреть женские организации стран Ближнего Востока с точки зрения их потенциала в выстраивании социокультурных связей с другими женскими организациями, прежде всего, России. Поэтому задачи данной статьи состоят в выявлении особенностей женского движения стран Ближнего Востока, определении направлений и форм сотрудничества ближневосточных и российских женских организаций в настоящий момент, оценке перспектив развития партнёрства между ними. Эмпирической основой исследования стал сбор данных с сайтов женских организаций стран Ближнего Востока и материалов СМИ, который осуществлялся в феврале-мае 2026 г. На первом этапе исследования авторы статьи работали с поисковыми системами, собирая данные через запросы в Яндекс/Google. На втором этапе проводился контент-анализ выявленных поисковыми системами сайтов женских организаций. Публикации СМИ, посты в соцсетях и другие формы интернет-коммуникации изучались за сентябрь 2025 — май 2026 г.

Неравномерность развития женского движения в странах Ближнего Востока. Формирование женских организаций в конце XIX — начале XX в. стало ответом на актуальную общественную повестку стран, которые были лидерами в модернизации экономики на Ближнем Востоке. Антиколониальная борьба и формирование собственных/национальных политических институтов, развитие системы просвещения и образования, открытие женских школ являлись реакцией на внешние и внутренние вызовы, с которыми сталкивался ближневосточный регион. В частности, в Египте женское движение зародилось в 1899 г. после выхода в свет книги

^{*} Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Касима Амина «Эмансипация женщин» [22]; в 1923 г. возникли «Союз египетских женщин за избирательное право» и Египетский феминистский союз. В подмандатной Британии Палестине в 1921 г. возник «Совет работниц», в Ираке в 1923 г. — «Клуб женского пробуждения», в Турции в 1924 г. — Союз турецких женщин.

В других странах женский активизм стал проявляться в публичной сфере в середине — второй половине XX в. под влиянием глобализации и второй волны феминизма. В 1946 г. был организован Сирийско-ливанский женский союз, в 1948–1949 гг. на Кипре было основано Бюро трудящихся женщин, в 1952 г. — Союз суданских женщин, в 1954 г. — Федерация арабских женщин Иордании, в Кувейте в 1962 г. — Ассоциация возрождения арабских женщин, в 1965 г. в Северном Йемене — Ассоциация йеменских женщин, в 1965 г. Всеобщий союз палестинских женщин был создан как орган Организации освобождения Палестины с основной целью — представлять интересы палестинских женщин в ОПП.

Последняя волна, стимулирующая развитие женского движения, была связана с событиями «Арабской весны» (2010–2012 гг.). Женщины составляли значительную часть демонстрантов в Египте, Йемене, Бахрейне и Сирии⁵ и столкнулись с высоким уровнем насилия со стороны власти [23].

Важнейшим фактором, влияющим на развитие женского движения в странах Ближнего Востока, является клерикализация правовой системы. В странах, где шариат является основой законодательства (Саудовская Аравия, Йемен и др.), женские организации сталкиваются со значительным сопротивлением консервативных кругов требованиям обретения женщинами полноты гражданских прав [24]. В данных странах Индекс гендерного равенства низкий (см. рис. 1), а количество женщин в парламенте незначительно (рис. 2). Только десять стран Ближнего Востока подписали, а девять стран ратифицировали Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Например, Правительство Саудовской Аравии только в 2012 г. разрешило женщинам участвовать в Олимпийских играх, в 2013 г. — управлять велосипедами и мотоциклами и участвовать в муниципальных выборах, работать адвокатами.

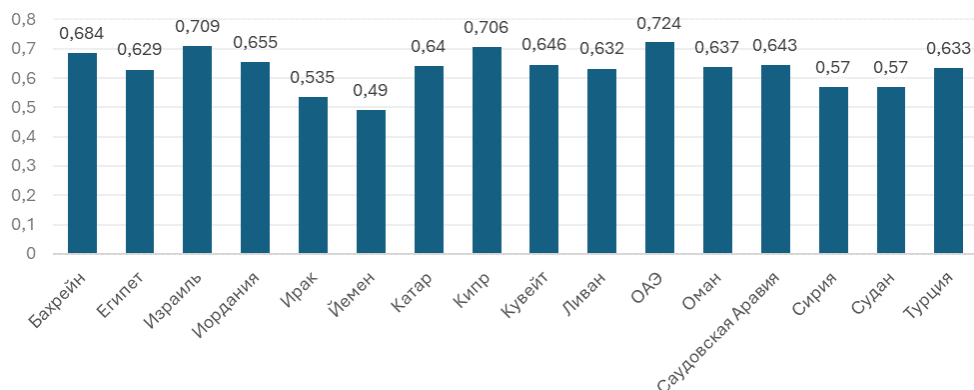

Рисунок 1. Индекс гендерного разрыва в странах Ближнего Востока, 2026 г.

Источник: Составлено на основе Gender Equality by Country 2026 // World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/gender-equality-by-country> (дата обращения: 14.03.2026). На сайте не представлена информация по Государству Палестина.

⁵ Женщины и «арабская весна» // ООН. 30.12.2016. URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21875> (дата обращения: 12.05.2026).

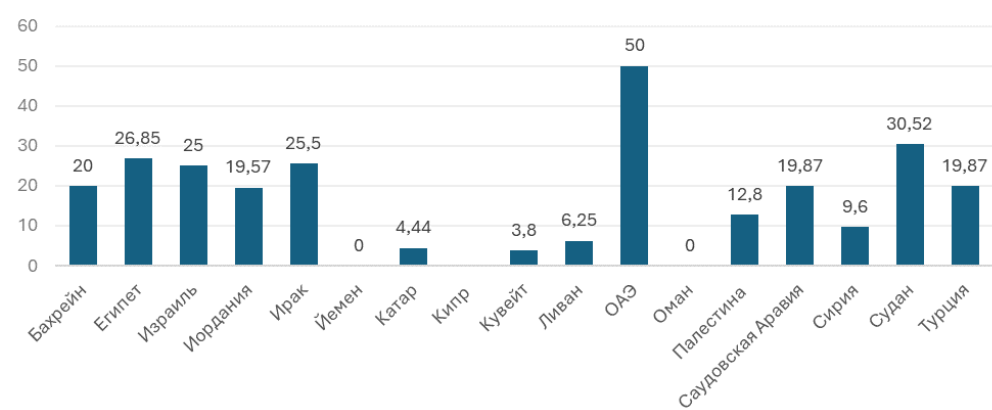

Рисунок 2. Процент женщин в парламентах стран Ближнего Востока

Источник: Доля женщин в парламенте. 2024. URL: <https://statbase.ru/datasets/labour/women-in-parliaments/> (дата обращения: 12.05.2026).

Эксперты предлагают разделить страны Ближнего Востока по «женскому вопросу» на прогрессивные и регрессивные⁶. Лидером прогрессивных стран являются Объединённые арабские Эмираты.

Дифференциация женских организаций стран Ближнего Востока. Анализ сайтов женских организаций позволил составить перечень женских организаций стран Ближнего Востока, выявить сферы их деятельности. В таблице 1 отражены только институционализированные легальные женские организации, тогда как незарегистрированные группы женщин остались вне поля нашего зрения.

Женские организации стран Ближнего Востока

Таблица 1

№	Страна	Название организации	Миссия/сфера деятельности
1.	Бахрейн	Общество деловых женщин Бахрейна (<i>Bahrain Businesswomen's Society</i>)	Бизнес
2.	Египет	Ассоциация солидарности арабских женщин	Продвижение активного участия арабских женщин в социальной, экономической, культурной и политической жизни
		Египетский центр по правам женщин	Правозащитная деятельность
		Центр юридической помощи египетским женщинам	
		Сёстры-мусульманки	Религиозное просвещение
3.	Израиль	Израильская женская сеть	Феминистская организация
		«Женский двор»	Помощь женщинам, пережившим насилие, оказавшимся в трудной жизненной ситуации
		«Женская душа Израиля»	
		«Женский дух»	Борьба за мир
		«Коалиция женщин за мир»	

⁶ Лагоха С. Гендерное равенство в странах Ближнего Востока и Северной Африки в XXI веке // РСМД. 28.05.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/Ural-associationmiddleeast/gendernoe-ravenstvo-v-stranakh-blizhnego-vostoka-i-severnoy-afriki-v-x/> (дата обращения: 13.05.2026).

Продолжение таблицы 1

№	Страна	Название организации	Миссия/сфера деятельности
4.	Иордания	Организация арабских женщин Иордании	Продвижение гендерного равенства
		Женская ассоциация «Дом роз»	Поддерживает таланты женщин
		Женский клуб друзей русского культуры «Надежда»	Социокультурные проекты
5.	Ирак	«Организация свободы женщин в Ираке»	Защита прав женщин
		«Инициатива Надии»	Ведёт кампании против «убийств чести»
		«Призыв о помощи» (<i>Háwar.help</i>)	Помощь пострадавшим от войны и геноцида
6.	Йемен	Союз йеменских женщин	Гуманитарная помощь
		Женская юридическая фирма	Правозащитная деятельность
7.	Катар	Катарская ассоциация женщин-предпринимателей	Бизнес
		Женский спортивный комитет Катара	Интеграция женщин в спорт
		Центр «Аман»	Защита женщин от насилия
8.	Кипр	Всекипрская федерация женских организаций	Продвижение гендерного равенства
		Сообщество PRO Женщин	Проектная деятельность
9.	Кувейт	Культурно-социальное общество женщин	Просвещение, социальные программы
		Клуб девушек	Женский спорт
10.	Ливан	Совет ливанских женщин	Продвижение гендерного равенства
		Организация «Ливанские женщины за принятие решений»	Продвижение женщин в политику
11.	ОАЭ	Всеобщий женский союз	Продвижение гендерного равенства
		Дубайское женское учреждение	Поддержка женщин на рабочем месте, создание условий для совмещения карьеры и семьи
		Совет деловых женщин Дубая Совет деловых женщин Абу-Даби	Бизнес
		Совет по расширению прав и возможностей женщин	Разные форматы поддержки: обучение, нетворкинг, бизнес-менторство и консультирование
		Дубайский фонд помощи женщинам и детям	Социально ориентированная организация, кризисный центр
		Общественная организация соотечественниц «Россиянка»	Помощь соотечественницам
12.	Оман	Ассоциация женщин Омана	Образовательная, социальная работа
		Женская гильдия Омана	Благотворительность
		Мамы Маската	Помощь матерям
13.	Палестина	Всеобщий союз палестинских женщин	Повышение статуса женщин в обществе

Окончание таблицы 1

№	Страна	Название организации	Миссия/сфера деятельности
14.	Саудовская Аравия	Ассивар	Защита от насилия
		Совет женщин Саудовской Аравии	Бизнес
15.	Сирия	Звёздный союз женщин	Гендерное равенство
		Отряды женской самообороны	Защита населённых курдами городов от отрядов ИГИЛ*
		Всеобщий союз сирийских женщин	Продвижение гендерного равенства
		Женское объединение Зенубии	Установление связей с женщинами и местным сообществом
16.	Судан	Надежда аль-Азхара	Защита от насилия
		Суданское движение за права женщин	Правозащитная деятельность
17.	Турция	КА-МЕЯ	Просвещение, защита от насилия, экономическая помощь
		Женщины за права человека женщин	Правозащитная деятельность
		Турецкая ассоциация деловых женщин	Бизнес, международная деятельность
		Ассоциация женщин-предпринимателей Турции	Поддержка женщин-предпринимателей
		Фонд женского образования и культуры	Образовательная, социальная работа
		Ассоциация «Женщины и демократия»	Продвижение женщин в политику

Источник: составлено авторами статьи на основе открытых данных.

* Террористическая организация, деятельность которой запрещена в РФ.

Анализ таблицы позволяет зафиксировать широкий диапазон деятельности женских организаций. В перечне присутствуют организации, которые борются за права женщин, занимаются защитой женщин от насилия, продвижением женщин в политику, поднимают вопросы социально-правового характера, помогают создавать и развивать бизнес, реализуют культурно-просветительские, благотворительные, религиозные проекты, выдвигают миротворческие инициативы. Женщины стран Ближнего Востока объединяются на основе феминистских, религиозных, пацифистских и других идей. Например, старейшая, основанная в 1983 г. в Хайфе (Израиль) феминистская организация «Женщина Женщине» («Иша Ле-Иша») проводит кампании за равноправие полов и полноту гражданских прав женщин⁷.

Некоторые из организаций были созданы женщинами, представляющими элиту стран региона. Первые леди Египта Дж. Садат и С. Мубарак вели активную борьбу за права женщин. С. Мубарак в 1997 г. выступила инициатором создания Арабской женской организации⁸. «Женская гильдия Омана» была создана супругой пастора англоязычной общины в Маскате Х. Стал⁹. Первая леди Турции Э. Эрдоган открыла в 2015 г. первую встречу женских НПО в новом президентском дворце в Анкаре¹⁰. Дубайское женское учреждение было создано

⁷ «Женщина Женщине — Иша Ле-Иша». URL: <https://sites.google.com/site/nkovizraile/главная-страница/каталог-нко-амутот/женские-нко/женщина-женщине-иша-ле-иша> (дата обращения: 14.05.2026).

⁸ Arab Women Organization. URL: <http://english.arabwomenorg.org> (accessed: 14.05.2026).

⁹ Womens-guild-oman. URL: <https://www.expatswoman.com/oman/guide/faqs/womens-guild-oman> (accessed: 14.05.2026)

¹⁰ Сила женских организаций в Турции. URL: <https://medina-center.ru/sila-zhenskih-organizatsij-v-turtsii/> (дата обращения: 14.05.2026).

в 2006 г. по инициативе шейха Мохаммеда бен Рашида Аль Мактума. Королева Иордании Рания аль-Абдулла в 2013 г. создала Фонд (*Queen Rania Foundation*), который фокусируется на образовании и расширении возможностей для женщин¹¹. Многие из данных организаций стали базой для возникновения государственных структур по правам женщин. Например, основанная в 1970 г. Женская ассоциация Омана в 1984 г. вошла в структуру Главного управления по делам женщин и детей. В основном деятельность женских организаций носит проправительственный характер. При этом, как отмечает М. А. Григорьева, глобализация вызвала в исламском мире «актуализацию маркеров национальной и религиозной идентичности» [22, с. 164], чем способствовала укреплению консервативных, фундаменталистских трендов. В радикальном исламском движении ХАМАС участвует немало женщин¹². В 2003 г. в Ливане была создана женская организация «Хезболлы», цель которой состоит в превращении «её в источник поддержки Сопротивления в условиях заговоров против Хезболлы»¹³. Таким образом, налицо дифференциация женских организаций стран Ближнего Востока по идеологическому критерию, социальной базе, направлению и формам работы.

Специфическим идеологическим направлением женского движения в странах Ближнего Востока является исламский феминизм. Понятие «исламский феминизм» ввели наблюдатели женского движения в странах Ближнего Востока в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в.¹⁴, а в арабском языке слово «феминизм» не используется [25]. Своеобразие данного течения состоит в том, что оно вообрало в себя черты западного женского движения, но сохранило исламский базис, поэтому, с одной стороны, активистки опираются на локальные традиции, с другой — взаимодействуют с международными женскими организациями [9]. Интеллектуалы из мусульманских стран заявляют о том, что идеи о равноправии женщин и мужчин не являются порождением западной цивилизации, а содержатся ещё в священных текстах ислама. Основой идеологии исламского феминизма является постулат о том, что ислам наделяет женщин всей полнотой неотъемлемых прав, а сексистские практики представляют собой отклонение от норм ислама [26]. У истоков международной организации исламского феминизма «Мусава» стояли наиболее известные исламские феминистки, в том числе из стран Ближнего Востока. В Египте, Турции, Катаре и других странах на данный момент представлены отделения данной организации, в которые вовлекается все больше сторонниц «непатриархальной» интерпретации Корана. Женские организации выступают за реформу семейного законодательства, продвигают моногамию, право выбора одежды. Исламский феминизм подвергается критике как со стороны консервативных, так и со стороны феминистских сил. В частности, Т. А. Адаян указывает, что активистки женских организаций «в основном все свои усилия тратят на решение “проблемы тюрбанов”, вместо того чтобы решать такие насущные проблемы, стоящие перед обществом, как насилие в семье, дискриминация на работе, браки по договорённости, раннее замужество и др.» [17, с. 28].

¹¹ Джумажанов Р. Королева Иордании: Ислам не принуждает носить паранджу // KazInform. 02.09.2017. URL: https://www.inform.kz/ru/koroleva-iordanii-islam-ne-prinuzhdaet-nosit-parandzhu_a3060903 (дата обращения: 14.05.2026).

¹² Капитонов К. А. Женщины движения ХАМАС // Институт ближнего Востока. 08.02.2006. URL: <https://www.imes.ru/?p=4229> (дата обращения: 14.05.2026).

¹³ Женская организация Хизбаллы: усилия по строительству исламского общества. URL: <https://mihwar.ru/hizballa/zhenskaya-organizacziya-hizbally-usiliya-po-stroitelstvu-islamskogo-obshhestva> (дата обращения: 14.05.2026).

¹⁴ Ефимова М. Мирный гендерный джихад // Коммерсантъ. 22.04.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3276446> (дата обращения: 14.05.2026).

Международные связи женских организаций стран Ближнего Востока. Выше мы отмечали, что некоторые женские организации созданы при поддержке властей и выдвигают (квази)государственные инициативы, часть организаций использует феминистский, правозащитный дискурс и нацелена на реформирование системы гендерных отношений в стране. Организации второго типа солидаризируются с аналогичными организациями других стран Ближнего Востока и мира. В Египте осуществляется Каирская программа «Безопасность города»¹⁵. В 2015 г. при поддержке «ООН-Женщины» представительницы 22 арабских стран создали «Арабскую парламентскую сеть равенства», направленную на увеличение доли женщин в парламентах и правительстве. «Шалхейская инициатива» нацелена на то, чтобы дать молодым женщинам с высшим образованием больше возможностей для трудоустройства [21]. «ООН-женщины» оказывает финансовую помощь палестинским женским организациям¹⁶. В 2020 г. в ОАЭ открылось национальное отделение глобальной инициативы «ООН-женщины» *Unstereotype Alliance*, целью которого является борьба с гендерными стереотипами¹⁷. Международная организация «Женский фонд мира и гуманитарной деятельности» финансирует проекты 25 суданских организаций, возглавляемых женщинами¹⁸.

Прежде чем обращаться к теме взаимодействия женских организаций стран Ближнего Востока с российскими женскими организациями, уделим внимание особенностям российского женского движения. Женские организации возникли приблизительно в тот же исторический период, что и на Ближнем Востоке, в начале XX в. В советский период «Комитет советских женщин» непосредственно контактировал с женскими организациями разных стран в контексте продвижения идеологии марксизма-ленинизма [27]. Исследователи, изучавшие женское движение в постсоветской России, выделили два этапа в его развитии: 1) 1990-е — начало 2000-х гг.; 2) с начала 2000-х гг. Если первый этап отмечен бурным ростом женских организаций, появлением независимого женского движения, его политизацией, ориентацией на глобальные тренды [28], то для второго этапа характерны «ослабление политической активности и уменьшение институциональных возможностей» женских организаций [29, с. 3]. Проанализировав характерные черты, социальную базу современного российского женского движения, О. А. Хасбулатова отмечает, что «многообразная деятельность женских организаций свидетельствует о том, что в российской государственной политике, обеспечивающей равноправие женщин и мужчин, ещё много нерешённых проблем» [30, с. 23]. О наличии таких проблем свидетельствует и индекс гендерного неравенства в России — в 2021 г. он составлял 0,710 (79 позиция в рейтинге стран мира)¹⁹, а доля женщин в парламенте — 16,44% (153 позиция в рейтинге стран мира)²⁰. Тем не менее исследователь приходит к выводу

¹⁵ Safe Cities Global Initiative // UN Women. URL: https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/Library/Publications/2013/12/UN%20Women-EVAW-SafeCities-Brief_US-web%20pdf.pdf (accessed: 17.05.2026).

¹⁶ Элуф С. А. ООН: женщины должны стать «архитекторами» восстановления в Газе // ООН. 17.10.2025. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/10/1466634> (дата обращения: 17.05.2026).

¹⁷ Unstereotype Alliance открывает своё национальное отделение в ОАЭ, первый форпост глобальной инициативы ООН-женщины на Ближнем Востоке // Emirates News Agency. 11.11.2020. URL: <https://www.wam.ae/en/article/hszrb8q0-unstereotype-alliance-открывает-свое-национальное> (дата обращения: 17.05.2026).

¹⁸ Sudan Women's Peace and Humanitarian Fund. URL: <https://wphfund.org/countries/sudan/> (accessed: 17.05.2026).

¹⁹ Индекс гендерного разрыва. Россия. URL: <https://statbase.ru/data/rus-gender-gap-index/> (дата обращения: 16.05.2026).

²⁰ Доля женщин в парламенте. Россия. URL: <https://statbase.ru/data/rus-women-in-parliaments/> (дата обращения: 16.05.2026).

о прогрессивном характере деятельности женских организаций [30]. Опираясь на собственные исследования женских организаций предыдущих лет, ограничимся здесь тезисным изложением их специфических черт. Во-первых, развитие женских организаций изоморфно трендам развития российского гражданского общества — углубление диалога с государством, новые форматы работы, рост локальных инициатив. Во-вторых, женское движение в России значительно диверсифицировано по направлениям работы, среди которых явно выделяются социально- и культурно ориентированные НКО, женские бизнес-сообщества. В-третьих, ведущую роль в определении женской повестки играет Евразийский женский форум, представляющий собой площадку для объединения женщин-лидеров. В-четвертых, в условиях консервативной внутренней политики российского государства усиливается дискурс традиционных духовно-нравственных ценностей²¹, тогда как «гендерный», «феминистский» дискурс ослабевает. В-пятых, в международном плане российское женское движение ориентировано на вектор российской внешней политики, в том числе на развитие сотрудничества со странами Ближнего Востока. На наш взгляд, артикулируемые в последнее десятилетие Национальные стратегии действий в интересах женщин, представляющие собой поиск суверенной национальной модели, «не скатываясь к архаике, и не вписываясь в новый мультигендерный порядок» [31, с. 105], оставляют окно возможностей для женского активизма, в том числе на международной арене. Н. Б. Гафизова подчёркивает, что, в отличие от «Комитета советских женщин, представлявшего женские организации СССР на международном уровне, многочисленные женские организации Российской Федерации устанавливают международные контакты самостоятельно, во многих случаях действуя параллельно» [32, с. 3].

Анализ взаимодействия российских женских организаций с аналогичными структурами в странах Ближнего Востока показал, что их интересы и зоны ответственности во многом пересекаются, охватывая широкий спектр задач. В зависимости от цели организации выделим следующие актуальные направления взаимодействий:

1. Повышение социального статуса женщин, разработка и лоббирование национальной политики в интересах женщин во всех сферах жизни общества. В данной области пересекаются направления работы как прогосударственных, так и правозащитных женских организаций. В частности, организация «Женщины Кипра» и «Союз женщин России» проводят совместные мероприятия, опираясь на опыт советского взаимодействия женских организаций Кипра и Комитета советских женщин²².
2. Культурные проекты. В частности, в Иордании на базе «Русского дома» в г. Амман работает женский клуб друзей русской культуры «Надежда», который нацелен на то, чтобы «продвигать положительный

²¹ Авторы понимают «традиционные ценности» как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство» (Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 15.05.2026). В широком смысле традиционные ценности рассматриваются авторами в бинарной оппозиции с деструктивными идеологиями, пропагандирующими культивирование эгоизма, разрушение традиционной семьи и т.д.

²² Женское движение на Кипре // Вестник Кипра. 05.08.2015. URL: <https://vkcyprus.com/society/1184-zhenskoe-dvizhenie-na-kipre/> (дата обращения: 15.05.2026).

образ России»²³. Клуб выполняет гуманитарную миссию, организует курсы русского языка, проводит фестивали русской культуры, занимается благотворительностью²⁴. В ОАЭ действует объединение российских женщин «Россиянка», реализующее социокультурные проекты²⁵. Деятельность таких организаций целиком соответствует Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом²⁶.

3. Бизнес-партнёрство. Например, в 2022 г. в Дубае был учреждён Российско-Арабский деловой совет женщин-предпринимателей. Это совместный проект общероссийской общественной организации «Женщины бизнеса» и Совета женщин-предпринимателей ОАЭ. Совет призван содействовать экономическому сотрудничеству и развитию женского предпринимательства. Проведённая в 2022 г. панельная сессия «Роль женщины-предпринимателя в современном мире» собрала резидентов женских бизнес-ассоциаций и председателей женских комиссий торговых палат из Сирии, Египта, Туниса, Ливана, Саудовской Аравии, ОАЭ и России²⁷. В 2024 г. на международном бизнес-форуме «Мир возможностей» в Дубае прошла сессия «Диалог женщин: “Россия — Арабский мир”»²⁸. Аналогичные проекты реализуются Катарской Ассоциацией женщин-предпринимательниц и Межрегиональной ассоциацией женского бизнеса, которые в 2021 г. подписали меморандум о сотрудничестве, направленный на развитие партнёрства и совместных инициатив²⁹. В 2022 г. Союз Женских Сил провёл в Москве встречу с делегацией Общества деловых женщин Бахрейна, в ходе которой было заключено Соглашение о сотрудничестве³⁰. Примечательным является тот факт, что в ходе встречи представители Бахрейна отметили важность совпадения взглядов на развитие женской повестки, женского лидерства в обеих странах³¹. В целом продвижением бизнес-повестки в России активно занимается Евразийский женский форум, который в 2024 г. инициировал подписание Меморандума о расширении прав и возможностей женщин

²³ Сметанина С. Женский клуб в Иордании: Мы хотим, чтобы наши дети чувствовали себя в России своими, а не иностранцами // Русский мир. 06.08.2025. URL: <https://russkiymir.ru/publications/338466/> (дата обращения: 15.05.2026).

²⁴ Клуб друзей русской культуры организовал праздник для детей в Иордании // Русский мир. 16.01.2024. URL: <https://russkiymir.ru/news/321811/> (дата обращения: 15.05.2026).

²⁵ Объединение российских женщин в ОАЭ «Россиянка». URL: <https://ksorsuae.ru/organizations/rossiyanka/> (дата обращения: 16.06.2026).

²⁶ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом // МИД РФ. 14.09.2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/ (дата обращения: 15.05.2026).

²⁷ Викторова Н. В Дубае учредили женский Российско-Арабский деловой совет // Деловые Эмираты. 30.03.2022. URL: <https://www.businessemirates.ae/news/uae-property-news/v-dubaye-uchredili-zhenskiy-rossiysko-arabskiy-delovoy-sovet/> (дата обращения: 16.06.2026).

²⁸ Россия — арабский мир: вклад женщин в экономику и социальное благополучие // Росконгресс. 15.11.2024. URL: <https://roscongress.ru/news/rossija-arabskij-mir-vklad-zhenschin-v-ekonomiku-i-sotsialnoe-blagopoluchie/> (дата обращения: 16.06.2026).

²⁹ Подписан меморандум о сотрудничестве между Ассоциацией деловых женщин Катар (Qatari Businesswomen Association) и межрегиональной Ассоциацией женского бизнеса // Интерфакс. 2.06.2021. URL: <https://www.interfax-russia.ru/northwest/pressrel/podpisan-memorandum-o-sotrudnichestve-mezhdu-associaciey-delovyyh-zhenschin-katara-qatari-businesswomen-association-i-mezhregionalnoy-associaciey-zhenskogo-biznesa> (дата обращения: 16.06.2026).

³⁰ Общество деловых женщин Бахрейна в гостях у Союза Женских Сил. URL: <https://союзженскихсил.рф/news/10459/> (дата обращения: 16.06.2026).

³¹ Завершился Международный женский экономический форум в Бахрейне // Известия. 17.01.2025. URL: <https://iz.ru/1824008/2025-01-17/zavershilsia-mezhdunarodnyi-zhenskii-ekonomicheskii-forum-v-bakhreine> (дата обращения: 02.02.2026).

между Советом ЕЖФ и Сообществом женщин-парламентариев Африки и арабских стран³².

4. Религиозные контакты. В 2015 г. состоялся первый рабочий визит на Святую Землю делегации Межрелигиозного Женского Совета России, который познакомился с деятельностью Всеобщего Союза Женщин Палестины³³. Из женских мусульманских организаций России выделим клуб «Аиша», который имеет отделение в Кувейте³⁴, а также «Союз мусульманок России», который занимается оказанием гуманитарной помощи детям, пострадавшим при землетрясении в Турции, а также детям Палестины³⁵.

Заключение. Женское движение стран Ближнего Востока в процессе своего исторического пути претерпело значительную эволюцию, отвечая на вызовы времени. Женское движение в регионе Ближнего Востока развивалось неравномерно: в одних странах уровень активизма и достигнутые результаты выше (ОАЭ), в других (Саудовская Аравия) сохраняются глубокие традиционные барьеры. Ключевая роль в данном вопросе принадлежит цивилизационным факторам, а именно степени клерикализации конкретного общества.

Для женского движения стран Ближнего Востока характерна неоднородность: организации объединены по специфическим интересам, по профессиональному признаку; внутри движения существуют различные течения — от традиционалистских до феминистских. Оценивая модели и стратегии деятельности женских организаций, можно выделить следующие подходы к решению женской повестки: либеральные/феминистские (акцент на правовых реформах), радикальные (протестные действия) и патриархальные/консервативные (подчеркивается значимость традиционных ролей). В целом, можно отметить преобладание умеренно-консервативного дискурса женского движения с акцентом на реформы. В исламском феминизме соединяются мусульманские устои с идеей равноправия мужчин и женщин. Артикулируемая современным западным феминизмом повестка с вопросами идентичности, сексуальности и др. занимает маргинальный статус в идеологии женского движения стран Ближнего Востока.

Женские организации занимаются широким спектром деятельности: разработка и реализация образовательных и культурных программ, оказание экстренной помощи, создание приютов, предоставление юридических услуг и психологической поддержки, защита от насилия, помощь в развитии бизнеса. Активистки фокусируются на конкретных задачах: профессиональном росте, спорте, социальной поддержке. Часть организаций имеет узкий спектр деятельности, их работа носит локальный характер; другие организации коммуницируют с крупными международными сетями и женскими организациями других стран.

Взаимодействие женских организаций России и стран Ближнего Востока на данный момент реализуется по следующим направлениям — женское лидерство, бизнес, культура, религия. Женские организации институционализируют

³² Совет Евразийского женского Форума и Сообщество женщин-парламентариев Африки и арабских стран подписали Меморандум о сотрудничестве. URL: <https://2024.eawf.ru/news/sovet-evraziyskogo-zhenskogo-foruma-i-soobshchestvo-zhenshchin-parlamentariev-afriki-i-arabskih-stran> (дата обращения: 02.02.2026).

³³ Студнева Е. Женское лицо народной дипломатии России на Святой Земле Палестины // Международная жизнь. 16.06.2015. URL: <https://interaffairs.ru/news/printable/13310> (дата обращения: 02.02.2026).

³⁴ Форум международного мусульманского женского клуба «Аиша» URL: <https://islam.ru/content/obshchestvo/41158> (дата обращения: 02.02.2026).

³⁵ О Союзе мусульманок России. URL: <https://russia-islworld.ru/kultura/o-souze-musulmanok-rossii-2024-06-13-42190/> (дата обращения: 02.02.2026).

ют международные площадки, на которых обмениваются опытом, ресурсами и стратегиями. Несмотря на различия в цивилизационном коде стран, приверженность традиционным ценностям создаёт поле для взаимодействия женских организаций, которое имеет потенциал для развития в рамках женской повестки. На наш взгляд, перспективы развития социокультурного взаимодействия ближневосточных и российских женских организаций представляются многоплановыми. Российское государство и в дальнейшем будет содействовать диалогу женских организаций указанных стран, поскольку сотрудничество женских организаций уже продемонстрировало позитивные внешнеполитические и внешнеэкономические эффекты. Для самих женщин перспектива партнёрства между созданными ими организациями имеет, прежде всего, правозащитное, социально-экономическое измерение, которое состоит в том, чтобы активнее заявлять о своей позиции по тем проблемам, которые волнуют женщин в России и на Ближнем Востоке, и интегрировать усилия по их преодолению для улучшения положения женщин в данных регионах.

Библиографический список / References

1. Вента Р. Эволюция образа мусульманки в исследованиях XX–XXI вв. // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 81–88. EDN [PAWWEB](#).
Venta R. Image evolution of a Moslem woman in researches of XX–XXI c. *Woman in Russian Society*. 2012;(1):81–88. (In Russ.).
2. Кулуева Ф. Г., Расулова М. А. Женщина в исламе: традиции и современность // Вестник науки и образования. 2019. № 5. С. 27–31. EDN [ZILVDF](#).
Kuluyeva F. G., Rasulova M. A. Woman in Islam: traditions and modernity. *Bulletin of Science and Education*. 2019;(5):27–31. (In Russ.).
3. Wadud A. *Qur'an and Woman*. New York: Oxford university press; 1999.
4. Фролова Л. Н. Статус женщины в исламе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 2. С. 148–154. EDN [KUWHJV](#).
Frolova L. N. The status of the woman in an Islam. *The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology*. 2009;(2):148–154. (In Russ.).
5. Балтанова Г. Р. Мусульманка. М.: Логос, 2007. 376 с. EDN [SUGSNT](#).
Baltanova G. R. *Muslim Woman*. Moscow: Logos; 2007. (In Russ.).
6. Karam A. *Women, Islamism and the State*. New York: St. Martin's Press; 1998. DOI [10.1057/9780230371590](#).
7. Al-Ali N. Gender and Civil Society in the Middle East. *International Feminist Journal of Politics*. 2003;5(2):216–232. DOI [10.1080/1461674032000080576](#).
8. Эрсан О. Женщина в Исламе: её права и достоинства. М.: Сад, 2006. 175 с. EDN [QUBZVB](#).
Ersan O. *Woman in Islam: Her Rights and Dignity*. Moscow: SAD; 2007. (In Russ.).
9. Ahmed L. *Women and Gender in Islam*. New Haven and London: Yale University Press; 1992.
10. Незападные модели эмансипации женщин и гендерной дискриминации: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции / ред. А. В. Очкина. Пенза: ПенГУ, 2019. 146 с. EDN [BLKVGv](#).
Ochkina A. V. (ed.) *Non-Western Models of Women's Emancipation and Gender Discrimination: Coll. of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific-Practical Conference*. Penza: Penza State University; 2019. (In Russ.).
11. Moghadam V. M. *Modernizing Women: Gender and Social Change in the Middle East*. Boulder, USA: Lynne Rienner Publishers; 2003. DOI [10.1515/9781685858995](#).
12. Карпачева О. В. Нерелигиозное феминистское движение и «исламский феминизм» в Египте: XX век // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2007. № 2. С. 37–49. EDN [HZFYFN](#).

- Karpacheva O. V. The Non-Religious Feminist Movement and “Islamic Feminism” in Egypt: The 20th Century. *Vostok. Afro-Asian Societies: History and Modernity*. 2007;(2):37–49. (In Russ.).
13. Турк С. Н., Симонова А. С. Феминистическое направление в арабских странах // Диалог. 2025. № 12. С. 8–9. EDN [VVSYCV](#).
Turk S. N., Simonova A. S. The Feminist movement in Arab countries. *Dialog*. 2025;(12):8–9. (In Russ.).
14. Жадан Р. А. Основные течения феминизма в современной Турции // Социогуманитарные коммуникации. 2024. № 2. С. 100–108. EDN [GPTDIY](#).
Zhadan R. A. The Main trends of Feminism in modern Turkey. *Social and Humanitarian Communications*. 2024;(2):100–108. (In Russ.).
15. Кондраль А. А. Идеино-политическая трансформация организации «Сестер-мусульманок» в 1932–2011 гг. // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2019. № 19-1. С. 208–216. EDN [JOQAPS](#).
Kondral A. A. Ideological and political transformation of the “Muslim Sisters” organization in 1932–2011. *Scientific Papers of the Republican Institute of Higher Education. Historical and Psychological-Pedagogical Sciences*. 2019;19-1:208–216. (In Russ.).
16. Балтанова Г. Р. Женский исламизм — феномен XXI века // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 224–229. EDN [VSCZCL](#).
Baltanova G. R. Female Islamism as the Phenomenon of the 21st Century. *The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2016. № 1. P. 224–229. (In Russ.).
17. Адаян Т. А. Развитие женского движения в Турецкой Республике (конец XX — начало XXI века) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 1. С. 24–29. EDN [PXKEMZ](#).
Adayan T. A. Development of the Women’s movement in the Turkish republic (end of the XX — beginning of the XXI century). *Bulletin of Higher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences*. 2013;(1):24–29. (In Russ.).
18. Кондраль А. А. Женское движение в странах Ближнего Востока и Северной Африки: история становления и особенности развития // Пічэтаўскія чытанні — 2023. Минск: БДУ, 2023. С. 174–180. EDN [ASEHGN](#).
Kondral A. A. Women’s Movement in the Middle East and North Africa: History of Formation and Development Features. In: Picheta Readings –2023. Minsk: BSU; 2023. P. 174–180. (In Russ.).
19. Челик А. Опыт женского мусульманского движения в Турции // Минбар. Исламские исследования. 2011. Т. 4, № 2. С. 78–83. DOI [10.31162/2618-9569-2011-4-2-78-83](#). EDN [YUTXAL](#).
Celik A. The Experience of the Women’s Muslim Movement in Turkey. *Minbar. Islamic Studies*. 2011;4(2):78–83. (In Russ.). DOI [10.31162/2618-9569-2011-4-2-78-83](#).
20. Турк С. Н., Хван Д. В. Феминистское движение в Египте во второй половине XX — начале XXI // Эпоха науки. 2020. № 24. С. 354–355. DOI [10.24411/2409-3203-2020-12474](#). EDN [LOQPSV](#).
Turk S. N., Khvan D. V. Feminist Movement in Egypt in the Second Half XX — Beginning XXI. *Era of Science*. 2020;(24):354–355. (In Russ.). DOI [10.24411/2409-3203-2020-12474](#).
21. Кудлай М. Д. Роль деятельности ООН-Женщины в арабском мире // Новый человек в международной политике. 2017. № 36. С. 78–81. EDN [YNBHPJ](#).
Kudlay M. D. The Role of UN Women in the Arab world. *The Newman In Foreign Policy*. 2017;(36):78–81. (In Russ.).
22. Григорьева М. А. Гендерная политика и эмансипация женщин в исламском культурном пространстве: политический контекст и тенденции // Kant. 2011. № 2. С. 164–168. EDN [OVYNRZ](#).
Grigorieva M. A. The Gender Policy and Female Emancipation in Islamic Cultural Areal: the Political Context and Tendencies. *Kant*. 2011;(2):164–168. (In Russ.).
23. Жерлицына Н. А. Женское лицо «арабской весны» // Ученые записки Института Африки РАН. 2016. № 1. С. 62–68. EDN [WJILTZ](#).
Zherlitsina N. A. Female face of the “Arab Spring”. *Journal of the Institute for African Studies*. 2016;(1):62–68. (In Russ.).
24. Иноземцева Е. Н. К вопросу о положении женщин в исламе // Власть. 2009. № 12. С. 96–98. EDN [KYVEWN](#).

- Inozemtseva E. N. On the Status of Women in Islam. *Vlast'*. 2009;(12):98–99. (In Russ.).
25. *Шагаль В. Э.* Арабский мир: пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык. М.: ИВ РАН, 2001. 288 с.
Shagal V. E. The Arab World: Ways of Knowledge. Intercultural Communication and the Arabic Language. Moscow: IOS RAS; 2001. (In Russ.).
26. *Мухетдинов Д. В.* Исламская феминистская герменевтика: история становления и основные идеи // *Minbar. Islamic Studies*. 2019. Т. 12, № 2. С. 511–526. DOI [10.31162/2618-9569-2019-12-2-511-526](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-2-511-526). EDN [WEFEOX](https://www.edn.ru/WEFEOX).
Mukhetdinov D. V. Feminist Hermeneutics in Islam: its History and Major Ideas. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(2):511–526. (In Russ.). DOI [10.31162/2618-9569-2019-12-2-511-526](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-2-511-526).
27. Lapidus G. *Women in Soviet Society: Equality, Development, a Social Change*. Berkeley: University of California Press; 1979.
28. *Лахова Е. Ф.* Женское движение в годы реформ: проблемы и перспективы. М.: Информатик, 1998. 78 с.
Lakhova E. F. *The Women's Movement in the Years of Reforms: Problems and Prospects*. Moscow: Informatik; 1998. (In Russ.).
29. *Коваленко Е. Н.* Концептуальные основания политического дискурса современного российского женского движения: дис... канд. полит. наук: 23.00.02 / Коваленко Елена Николаевна. Екатеринбург, 2011. 170 с. EDN [RXZTPZ](https://www.edn.ru/RXZTPZ).
Kovalenko E. N. *Conceptual Foundations of the Political Discourse of the Modern Russian Women's Movement*. Candidate Degree Thesis. Yekaterinburg; 2011. (In Russ.).
30. *Хасбулатова О. А.* Женское движение в современной России // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 3. С. 14–26. DOI [10.21064/WinRS.2019.3.2](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.2). EDN [GVMBRN](https://www.edn.ru/GVMBRN).
Khasbulatova O. A. *Women's Movement in Modern Russia*. *Women in Russian Society*. 2019;(3):14–26. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2019.3.2](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.2).
31. *Козлова Н. Н., Рассадин С. В.* Национальные стратегии действий в интересах женщин: в поисках государственной модели гендерной политики в современной России // *PolitBook*. 2023. № 4. С. 93–110. DOI [10.24412/2227-1538-2023-4-93-110](https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-93-110). EDN [RKYFYI](https://www.edn.ru/RKYFYI).
Kozlova N. N., Rassadin S. V. *National Strategies of Action for Women: in Search of a State Model of Gender Policy in Modern Russia*. *PolitBook*. 2023;(4):93–110. (In Russ.). DOI [10.24412/2227-1538-2023-4-93-110](https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-93-110).
32. *Гафизова Н. Б.* Исторический опыт взаимодействия российского и международного женских движений в конце XIX — начале XX века: дис... кан. ист. наук: 07.00.02 / Гафизова Наталья Борисовна. Иваново, 2000. 231 с. EDN [NLQGSF](https://www.edn.ru/NLQGSF).
Gafizova N. B. *The Historical Experience of Interaction between the Russian and International Women's Movements in the Late 19th and Early 20th Centuries*. Candidate Degree Thesis. Ivanovo; 2000. (In Russ.).

Поступила: 10.07.2026. Доработана: 16.08.2026. Принята: 21.08.2026.

Сведения об авторах:

Козлова Наталия Николаевна, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии, Институт экономики и управления, Тверской государственный университет. Тверь, Россия.

tver-rapn@mail.ru

Author ID РИНЦ: [346665](https://elibrary.ru/346665); ORCID: [0000-0003-1212-6412](https://orcid.org/0000-0003-1212-6412)

Рассадин Сергей Валентинович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии, Институт экономики и управления, Тверской государственный университет. Тверь, Россия. s_r08@mail.ru

Author ID РИНЦ: [418951](https://elibrary.ru/418951); ORCID: [0000-0002-3478-0792](https://orcid.org/0000-0002-3478-0792)

Монахова Юлия Александровна, старший преподаватель кафедры социологии, Тверской государственный университет. Тверь, Россия. julya_monah@mail.ru

Author ID РИНЦ: [650306](https://elibrary.ru/650306)

N. N. Kozlova¹, S. V. Rassadin¹, Yu. A. Monakhova¹

¹ Tver State University. Tver, Russia

WOMEN'S ORGANIZATIONS IN THE MIDDLE EAST: ON THE ISSUE OF POTENTIAL AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF SOCIO-CULTURAL INTERACTION WITH RUSSIAN WOMEN'S ORGANIZATIONS

Abstract. The relevance of the study is related to the geopolitical interests of Russia in the Middle East region and the use of public diplomacy tools. The purpose of the article is to characterize women's organizations in the countries of the Middle East through the prism of identifying the potential for their cooperation with Russian women's organizations. The empirical basis of the study was the collection of data from the websites of women's organizations in the Middle East and media materials (February–May 2026) using the methods of comparative and content analysis. A list of the main women's organizations in the Middle East was compiled. Specific features of the women's movement in the countries of the Middle East were identified: uneven development, differentiation of organizations by ideological criteria, social base, directions and forms of work, as well as the significant role of elite representatives in the women's movement. A wide ideological spectrum of women's organizations is shown, in which liberal, radical, and conservative ideas are articulated. The article characterizes the peculiar ideological direction of the women's movement in countries of the Middle East — Islamic feminism. The following directions of cooperation between women's organizations in Russia and the Middle East are recorded: women's leadership, business, culture, and religion. The authors come to the conclusion that, despite the differences in the civilizational code of countries, adherence to traditional values creates a field for interaction between women's organizations, which has potential for development within the framework of the women's agenda.

Keywords: women's movement; women's organizations; Middle East; sociocultural interaction; public diplomacy; soft power; Islamic feminism; women leaders

For citation: Kozlova N. N., Rassadin S. V., Monakhova Yu. A. Women's organizations in the Middle East: on the issue of potential and prospects for the development of socio-cultural interaction with Russian women's organizations. *Science. Culture. Society*. 2026;32(3):98–113. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.7>

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project "Modern Socio-Cultural Relations between Russia and the Middle East" (FEMS-2026-0007).

Received: 10.07.2026. Corrected: 16.08.2026. Accepted: 21.08.2026

Author information:

Nataliya N. Kozlova, Doctor of Political Science, Associate Professor,
Chair of Political Science Department, Institute of Economics and Management, Tver State
University. Tver, Russia. e-mail: tver-rapn@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1212-6412

Sergey V. Rassadin, Candidate of Philosophy, Associate Professor of Political Science
Department, Institute of Economics and Management, Tver State University. Tver, Russia.
s_r08@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3478-0792

Yulia A. Monakhova, Senior Lecturer of the Department of Sociology, Tver State University.
Tver, Russia. julya_monah@mail.ru

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.3.8](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.8)
EDN [HGSJOU](https://edn.ras.ru/HGSJOU)
УДК 316.42

Л. Я. Прокопенко¹

¹ Институт Африки РАН. Москва, Россия

УЧАСТИЕ ПЕРВЫХ ЛЕДИ АФРИКАНСКИХ СТРАН В ПРОЕКТАХ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НА ПРИМЕРЕ МИАЛИ РАДЗУЭЛИНА (МАДАГАСКАР)

Аннотация. В статье анализируется эволюция общественной роли первой леди в условиях политической нестабильности на примере бывшей первой леди Мадагаскара Миали Радзуэлина. На основе функционального, биографического и сравнительного методов исследования проанализирована деятельность М. Радзуэлина, которая принимала активное участие в проектах общественного развития в период трёх сроков нахождения у власти президента Андри Радзуэлины. Показано, что общественная деятельность жён глав государств в рамках благотворительных фондов позволяет им участвовать в решении социальных проблем, что, в свою очередь, становится инструментом формирования положительного имиджа супруга-президента. Установлено, что ключевыми направлениями деятельности М. Радзуэлина стали борьба с бедностью, ВИЧ/СПИДом и насилием в отношении женщин и детей, а также проекты по развитию национального образования и здравоохранения. Выявлены сходства общественной деятельности экс-первой леди Мадагаскара с деятельностью жён других глав государств континента. Отмечается, что степень активности М. Радзуэлина была обусловлена её образованием, профессиональной деятельностью, ценностными ориентирами, религиозными воззрениями, формой отношений с супругом, а также личными качествами. Сделан вывод, что постоянное внимание к социальным проблемам малагасийского общества, поиск партнёров для осуществления новых инициатив помогли М. Радзуэлина занять значимое место в общественном ландшафте страны. При этом первая леди подвергалась и критике от оппозиции, указывавшей на политический подтекст её общественных проектов. Статья вносит вклад в понимание института первой леди в африканских странах.

Ключевые слова: первые леди; Африка; Мадагаскар; Миали Радзуэлина; социальное развитие; политическая культура; благотворительность; гендерное равенство

Для цитирования: Прокопенко Л. Я. Участие первых леди африканских стран в проектах общественного развития на примере Миали Радзуэлина (Мадагаскар) // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 3. С. 114–131. DOI [10.19181/nko.2026.32.3.8](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.8). EDN [HGSJOU](https://edn.ras.ru/HGSJOU).

Введение. В последние десятилетия первые леди африканских стран все чаще привлекают внимание СМИ и мирового сообщества, активно участвуя в решении важных социальных проблем — борьбе с бедностью, ВИЧ/СПИДом, детскими браками и гендерным насилием, а также поддерживая идеи гендерного равенства. По мере проникновения в политическую культуру Африки элементов западной политической модели, роль супруги президента и значимость её участия в общественной жизни значительно возросли, что стало частью более широкого процесса женской эмансипации на континенте. Как отмечала в конце 1990-х годов французский исследователь Александра Саж, эти женщины «покинули будуары и поднялись на трибуны»¹ [1, р. 60]. В XXI веке во многих странах Африканского континента первые леди «выступают как неофициальные послы своих стран и фактически становятся элементом “мягкой силы” (*soft*

¹ Здесь и далее перевод иноязычных цитат выполнен автором.

© Прокопенко Л. Я., 2026

power)» [2, с. 41], а институт первой леди «...постепенно становится важным компонентом местной политической культуры» [3, с. 190].

Диапазон активности африканских первых леди в общественно-политической жизни широк: от пассивного пребывания в тени супруга до превращения в фактического соуправителя, как это происходило в определённые периоды в Кот-д'Ивуаре, Нигере, Нигерии, Египте и Тунисе. Их возможность участвовать в общественной и политической жизни во многом определяется рамками традиционного общества, в котором существует стойкая система этнических, родственных и клановых связей.

В западной и отечественной исследовательской литературе тема участия африканских первых леди в проектах общественного развития отражена в немногочисленных работах монографического характера [4; 5; 6; 7]. Некоторые аспекты общественной деятельности африканок затронуты в работах Дж. ван Вык [8], Ч. Ньере и А. Муресан [9], Ф. Эбоко [10], К. Х. Майера [11], а также авторами специальных выпусков журналов *Politique Africaine* (2004 г.)² и *The International Journal of African Historical Studies* (2025 г.)³.

В российской африканистике гендерная тематика и общественная деятельность первых леди африканских стран рассматриваются в многочисленных исследованиях социокультурных и политических отношений [3; 12–16]. Однако в существующих работах преимущественно рассматривается политическая роль первых леди как инструментов легитимации режима или феномена политической культуры, тогда как их деятельность в социальной сфере (образование, здравоохранение, борьба с насилием) анализируется фрагментарно. Не хватает анализа динамики и ограничений деятельности первой леди в условиях политической нестабильности, что и призвана восполнить данная статья на примере Мадагаскара.

В последние десятилетия африканки — по примеру первых леди западных стран — начали создавать благотворительные фонды и ассоциации, что особенно актуально для беднейших стран континента. Подобная деятельность позволяет жёнам глав государств участвовать в общественных проектах и становится мощным инструментом для формирования и усиления положительного имиджа супруга. Благотворительностью успешно занимались или занимаются Марике де Клерк, Занеле Мбеки (ЮАР), Граса Машел (Мозамбик), Морин Мванаваса (Замбия), Стелла Обасанджо (Нигерия), Джанет Каба Конде (Гвинея), Дениз Букуми Нкурунзиза (Бурунди), Амаи Мнангава (Зимбабве), Доминик Уаттара (Кот-д'Ивуар), Джанет Мусевени (Уганда), Рэйчел Руто (Кения), Шанталь Бийя (Камерун), Шанталь Кампаоре (Буркина-Фасо) и многие другие. Нынешняя первая леди Камеруна Ш. Бийя патронирует сразу три благотворительных фонда, в т.ч. фонд «Единая Африка против СПИДа и страданий» (*African Synergy against AIDS and Suffering*). По её словам, «Я занимаюсь благотворительной и гуманитарной деятельностью. Считаю, что таким образом немного помогаю президенту в реализации его политики борьбы с бедностью и страданиями народа»⁴. Однако ряд исследователей усматривает в общественной деятельности первых леди преимущественно политическую подоплёку. Например, Илэр де Прэнс

² L'Afrique Politique. Femmes d'Afrique. Paris: Éditions Karthala, 1998. 214 p.

³ First Ladies of Africa—Beyond Femocracy or Wifeism. The International Journal of African Historical Studies. Special Issue. Vol. 53, No. 3. Boston University, 2025.

⁴ Vallet J. Quel statut pour les premières dames dans le monde? URL: <http://www.rfi.fr/france/20170513-statut-premieres-dames-monde-france-afrique-amerique-latine-brigitte-macron> (accessed: 28.04.2026).

Покам (Камерун) о работе благотворительных фондов Д. Уаттара (Кот-д'Ивуар) и Ш. Кампаоре (Буркина-Фасо) пишет: «С одной стороны, они стали политическими игроками по доверенности, потому что их социальная деятельность помогает гуманизировать образ своего супруга, а с другой стороны — признанными политическими акторами, партнёрами своих супругов в игре по завоеванию/сохранению власти»⁵.

Особенностью рассматриваемого примера Мадагаскара является многократное возвращение супруги президента Миали Радзуэлина к статусу первой леди в условиях политической нестабильности. Андри Радзуэлина находился у власти три раза (2009–2014, 2019–2023, 2023–2025). Малагасийка поддерживала мужа-президента, легитимность которого из-за государственного переворота в 2009 г. не признало международное сообщество, была рядом с ним после отставки в 2014 г. и по праву разделила с ним победу на президентских выборах в 2018 и в 2023 гг. Активно участвуя в борьбе с бедностью, детскими браками и гендерным насилием, а также способствуя развитию образования и здравоохранения, она проявила себя как поборница проектов общественного развития.

В связи с этим целью статьи является прослеживание эволюции общественной роли первой леди Мадагаскара Миали Радзуэлина в условиях политической турбулентности и оценка её вклада в проекты общественного развития. Методологическую основу исследования составили: функциональный метод, позволивший проанализировать, какие социальные функции выполняла первая леди в различные периоды; биографический метод, обеспечивший прослеживание эволюции роли М. Радзуэлина через призму её личного опыта и профессиональной подготовки; сравнительно-исторический метод, применённый для сопоставления деятельности М. Радзуэлина с другими африканскими первыми леди и выявления специфики малагасийского кейса.

Социокультурные предпосылки и становление общественной роли первой леди. Брак Андри и Миали Радзуэлина был заключён в 2000 г., и, как указано в официальной биографии президента Мадагаскара, супруга стала «любовью всей его жизни»⁶. У молодых людей было много общего: они практически ровесники (1974 и 1978 гг. рождения), оба из народа мерина и оба христиане-католики. Это был брак по взаимной любви, который является «самым распространённым и желательным для малагасийца» [13, с. 107]. В семье родились два сына и дочь с символическим именем Андриали, составленным из имён родителей. Это соответствует традиции малагасийского общества, поскольку «подлинное имя (“имя судьбы”), отвечающее сути личности, выбирается очень тщательно, принимаются во внимание все события, связанные с датой рождения...» [17, с. 16].

Опыт управления семейным бизнесом (рекламная компания *Doma Pub*, приобретённая в 2000 г.) и поддержка супруга на посту мэра г. Антананариву (2007–2009 гг.) сформировали у М. Радзуэлина практические навыки, которые оказались востребованы при переходе на новый статус.

Первой леди 30-летняя М. Радзуэлина стала в марте 2009 г., когда её супруг Андри Радзуэлина (34 года) провозгласил себя главой Высокой переходной администрации Республики Мадагаскар. Этот пост наделял его функциями президента, однако легитимность его власти после государственного переворота

⁵ Ibidem.

⁶ La biographie du Président. URL: <http://www.presidence.gov.mg/author/webmaster/page/65> (accessed: 29.04.2026).

не признали Африканский союз (АС, *African Union, AU*), Сообщество развития Юга Африки (САДК, *Southern African Development Community, SADC*) и главные партнёры Мадагаскара — страны Евросоюза и США, что создавало дополнительные вызовы для формирования общественного имиджа первой пары.

Молодой малагасийке необходимо было доказать свою состоятельность в качестве первой леди, особенно на фоне сравнений с такими предшественницами, как политик Селин Рацирака и Лалау Равалуманана, член партии *“I love Madagascar”*. В определённой степени М. Радзуэлина уже была подготовлена к общественно полезной деятельности благодаря поддержке начинаний мужа-градоначальника в 2007–2009 гг., однако новый статус расширял её возможности и требовал более масштабных действий. Живя в Париже в 1995–2001 гг. во время учёбы в вузе, она имела возможность наблюдать за моделями поведения первых леди Франции Даниэль Миттеран и Бернадетт Ширак и знала, что в мировой практике благотворительность супруги главы государства является нормой. Миали, вероятно, знала об активной общественной деятельности Д. Миттеран и её фонде *France Libertés*, занимавшемся гуманитарной помощью странам «третьего мира». Опыт этих женщин, сочетавших обязанности первой леди с воспитанием детей, мог послужить для неё референсной моделью.

В африканских странах первые леди, избравшие активную позицию, преимущественно сосредотачивают свою деятельность на решении социальных проблем (борьба с бедностью и ВИЧ/СПИДом, развитие образования и здравоохранения, защита женщин и детей от насилия). Как уже отмечалось выше, в последние десятилетия на континенте, особенно в государствах с тяжёлым экономическим положением, сложилась традиция создания первыми леди благотворительных фондов и ассоциаций. М. Радзуэлина выбрала именно этот путь, так как одной из приоритетных задач, стоявших перед правительством Мадагаскара, была борьба с нищетой. Это островное государство входило в число африканских стран, получавших финансовую помощь МВФ по программе *HIPC (Heavily Indebted Poor Countries)*, которая предоставляется беднейшим странам с высокой внешней задолженностью.

Необходимость в помощи нуждающимся согражданам возникла уже в самом начале её пребывания в роли первой дамы страны. Непосредственным толчком к созданию фонда стал разрушительный циклон «Хуберт», обрушившийся на Мадагаскар в марте 2010 г. и вызвавший значительные разрушения. В результате погибли 85 и пропали 35 человек. После этой трагедии М. Радзуэлина создала и возглавила благотворительную ассоциацию *Fitia* (в переводе с мальгашского — «Любовь»). По её словам, «*Fitia* была создана для поддержки уязвимых людей, предоставления им возможности восстановить своё достоинство и обеспечения соблюдения их основных прав»⁷. В деятельности ассоциации главным стала борьба с бедностью. М. Радзуэлина стала часто ездить по стране, помогая нуждающимся. С момента создания *Fitia* первая леди активно участвовала в мероприятиях по охране здоровья матери и ребёнка, помогала обеспечивать школы необходимыми учебниками и питанием, а также вела работу по информированию населения о ВИЧ/СПИДе.

В поисках объединяющей идеи для общества по предложению нового президента в конституции, принятой в 2010 г., был провозглашён девиз «Любовь —

⁷ Mialy Rajoelina et les VBG. Traduction en français de son discours à Oslo. URL: <https://www.madagate.org/reports/manifestation/7185-mialy-rajoelina-et-les-vbg-traduction-en-francais-de-son-discours-a-oslo.html> (accessed: 29.04.2026).

Родина — Развитие» (*Fitiavana — Tanindrazana — Fandrosoana*)⁸. Это во многом соответствовало малагасийской народной мудрости: «Не забывайте любить людей, люди — это богатство» [12, с. 4]. Подавая пример поддержки нуждающимся в помощи, *Fitia* следовала принципу «*фихаванана*» (единение людей), который в Республике Мадагаскар считается одной из основных ценностей общества. Он заложен в основе нравственности и семейного воспитания. Как отмечают российские исследователи А. Н. Мосейко и Е. В. Харитоновна, «в сообществе *фихаванана* становится принципом отношения каждого его члена к группе и группы по отношению к каждому своему члену. Присутствие этого принципа придаёт значимость социальным отношениям» [17, с. 13].

Миали Радзуэлина справедливо считала эмансипацию женщин залогом успешного развития страны. В своих выступлениях она неоднократно подчёркивала, что образование является ключевым фактором социальных и экономических преобразований. В истории Мадагаскара известны яркие примеры участия женщин в управлении: так, героиня национально-освободительного движения Жизель Рабесахала, награждённая орденом Дружбы народов СССР [12, с. 161], после получения островом независимости стала министром по вопросам культуры. Однако в системном плане женщины, составляющие 50% населения, из-за традиционных взглядов, обычаев и консервативных культурных и социальных норм малагасийского общества крайне мало участвовали в политической жизни страны. За годы первого правления А. Радзуэлины, благодаря закреплению в конституции 2010 г. положения о равном участии женщин и мужчин в жизни общества, а также подписанию специального Протокола САДК, гендерная ситуация в стране начала меняться, хотя представительство оставалось ограниченным. В 2014 г. доля женщин в правительстве и парламенте составила 27% и 23% соответственно [18, р. 78]. Несомненно, на постепенный рост активности малагасиек в определённой степени влияла и общественная деятельность первой леди.

Сохранение общественного влияния в условиях политической оппозиции.

Первоначально А. Радзуэлина планировал баллотироваться и на президентских выборах 2013 г., однако согласился с требованием АС не выдвигать свою кандидатуру. Это решение соответствовало положениям «Дорожной карты по урегулированию политического кризиса» (*Roadmap for the Resolution of the Political Crisis in Madagascar*), которая запрещала лидерам переходного периода участвовать в выборах, чтобы обеспечить их справедливость. Такой шаг способствовал минимизации внутривластной напряжённости и позволил провести выборы, легитимность которых признало международное сообщество. В 2013 г. известный политический и государственный деятель островного государства Анаклет Имбики писал, что «подлинное урегулирование внутренних конфликтов на Мадагаскаре, в других странах Африки возможно только на пути достижения национального примирения» [19, с. 5].

Чтобы избежать возможного политического противостояния, в январе 2014 г. семья экс-президента временно переехала во Францию. Миали сосредоточилась на семье и образовании детей, но ассоциация *Fitia* продолжала работать, и она лично участвовала во многих её мероприятиях. Например, в конце 2017 г. *Fitia* участвовала в кампании по борьбе со вспышкой чумы на Мадага-

⁸ Madagascar's Constitution of 2010. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Madagascar_2010 (accessed: 29.04.2026).

скаре: велась просветительская работа с жителями в отношении соблюдения санитарно-гигиенических норм, препятствующих распространению этой болезни.

Семья для малагасийца представляет большую ценность. Как отмечает известный российский исследователь Мадагаскара Л. А. Карташова, «Говоря о качествах, свойственных малагасийцам, нельзя не отметить сердечную привязанность членов семьи друг к другу, доброжелательность» [20, с. 127]. Внимание четы Радзуэлина к семейным и религиозным ценностям хорошо видно на примере её участия в праздновании Рождества в гуманитарном центре Акамасуа (в переводе с мальгашского — «Хорошие друзья»)⁹, который называют «Городом дружбы». Экс-президент с супругой и детьми участвовали там в рождественских мессах в 2016, 2017 и 2018 гг. Хотя оппозиция нередко расценивала подобные визиты как элемент политического пиара, для семьи Радзуэлина участие в таких мероприятиях являлось продолжением традиций, сложившихся ещё в период его первого президентского срока.

М. Радзуэлина заявила о себе и на международном уровне. В октябре 2017 г. ассоциация *Fitia* на глобальном форуме Альянса по чистым видам топлива представила проект по созданию африканской платформы, направленный на продвижение этанола в качестве экологически чистого заменителя древесного угля. Проект поддержали 11 африканских стран. В феврале 2018 г. в г. Аккра (Гана) Мадагаскар в лице его бывшей первой леди был избран председателем «Панафриканского альянса по производству этанольных печей и топлива» (*Pan African Ethanol Stoves and Fuel Alliance, PAESFA*). Международный проект, в котором активно участвовала М. Радзуэлина, не только способствовал развитию экономики (прежде всего, созданию новых рабочих мест), но и развитию гендерных программ путём поощрения женского предпринимательства.

Общественная деятельность в условиях легитимности супруга-президента.

М. Радзуэлина поддержала мужа в ходе его президентской кампании в 2018 году. В избирательной кампании были заметны и другие женщины: экс-первая леди Лалау Равалуманана, которая перед президентскими выборами 2013 г. выдвинула свою кандидатуру, «нарушая ограничения на срок проживания в стране перед выборами» [21, с. 187] — по конституции кандидат должен был проживать в стране не менее 6 месяцев, тогда как она с супругом находилась в изгнании в ЮАР, и супруга действующего президента страны Воаханги Радзаунариампианина, «активно привлекавшая женщин-министров к пропагандистской работе среди женщин-избирателей в пользу избрания супруга» [22, р. 139].

К тому времени у Радзуэлина уже сложился стойкий имидж поборника гендерного равенства и женщины, для которой важно здоровье и благополучие не только собственных детей. Избирателям-католикам импонировала супружеская пара, брак которых оказался крепким и счастливым. Андри Радзуэлина победил на выборах, получив 55,7% голосов избирателей. В этой победе была часть заслуги его спутницы жизни. На этот раз легитимность президента была безоговорочной, его жена тоже стала полноправной первой леди.

У М. Радзуэлина были примеры достойного выполнения функций первой леди на благо общества. Прежде всего, это Граса Машел, единственная в современной истории женщина, которая была первой леди двух стран — Мозамбика (1975–

⁹ Расположен в 60 км от Антананариву, создан более 30 лет назад католическим священником-миссионером из Аргентины Педро Пабло Опека (отец Опека).

1986) и ЮАР (1998–1999). Её многолетние усилия по развитию образования в Мозамбике, становлению гендерного равенства и борьбе с ранними браками в странах Африки широко известны и отмечены многими международными наградами. Среди африканок, немало сделавших для общественного развития своих стран, в том числе в деле борьбы с ВИЧ/СПИДом, следует также назвать Марию Дия Луз Гебуза (Мозамбик), Кристин Касеба-Сата (Замбия), Сальму Киквете (Танзания), Джанет Кагаме (Руанда), Элис Сиа Ньяма Корума (Сьерра-Леоне).

Проекты общественного развития (в том числе в сфере образования и здравоохранения, а также расширения прав женщин) были объявлены приоритетным направлением правительства. Для первой леди это был карт-бланш для продолжения уже начатой деятельности. Официальным признанием участия супруги президента в развитии общества (и фактическим признанием прошлых заслуг М. Радзуэлина) стало принятие 6 февраля 2019 г. Декларации о роли первой леди. Документ чётко определял основные направления деятельности супруги главы государства — работать на благо страны, вносить вклад и участвовать в борьбе с насилием в отношении женщин и детей. Кроме того, он содержал принципы, которых она должна придерживаться, в частности, воздерживаться от любого вмешательства в дела государства и в деятельность любого органа власти. В пункте № 4 документа был также дан ответ по вопросу транспарентности и государственного финансирования деятельности жены президента: «Первая леди не получает никакого вознаграждения и не имеет ни офиса, ни бюджета в качестве супруги главы государства»¹⁰. В то же время было отмечено, что ей может предоставляться помощь в осуществлении деятельности и в необходимых перемещениях.

Для М. Радзуэлина было очень важно не стать объектом критики по поводу коррупции, которая звучала в адрес её предшественницы Воаханги Радзаунаримампинанина. Успешный семейный бизнес супругов Радзуэлина и финансовое благополучие родителей Миали давали основания для того, чтобы в обществе не возникало сомнений в бескорыстии благотворительной ассоциации *Fitia*. Подчёркивая независимость фонда от государственного бюджета, на его сайте было размещено обращение первой леди, призывающее к частным пожертвованиям: «Ваша поддержка ассоциации даёт импульс нашим чисто гуманитарным действиям»¹¹.

М. Радзуэлина называла себя «активистом гражданского общества»¹² и говорила, что «всегда придавала большое значение человеческому достоинству, гражданской ответственности в вопросах прав человека, здоровью женщин и детей, образованию, жизни людей с ограниченными возможностями и сохранению окружающей среды»¹³. Декларируемые принципы находили отражение в практической деятельности. Например, ассоциация *Fitia* оказывала помощь населению областей страны, пострадавших от природных бедствий (наводнений и засух) в 2019, 2020 и 2021 гг.

Одним из направлений *Fitia* оставалась помощь бедным детям в получении образования. Супруга президента часто присутствовала на открытии новых школ в различных областях страны. В марте 2020 г. чета Радзуэлина участвовала в открытии образовательного проекта по бесплатному распространению

¹⁰ Communiqué officiel relatif au rôle de la Première Dame. URL: <https://tanikomadagascar.com/2019/02/07/communiqué-officiel-relatif-au-role-de-la-premiere-dame> (accessed: 29.04.2026).

¹¹ Ny soa atao levenam-bola. URL: <https://association-fitia.com> (accessed: 29.04.2026).

¹² Mialy Rajoelina et les VBG. Traduction en français de son discours à Oslo...

¹³ Ibidem.

в школах столицы словарей малагасийского языка *Rakibolana*. Эта мера была направлена на снижение финансовой нагрузки на родителей школьников.

Многое делалось в плане развития здравоохранения. М. Радзуэлина стала почётным президентом Малагасийского Красного Креста, а *Fitia* начала сотрудничество с Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) по реализации программ иммунизации населения, прежде всего детей. Она говорила, что считает своим долгом «...предпринять все необходимые действия в сотрудничестве с ВОЗ и министерством здравоохранения для достижения цели охвата иммунизацией 90% детей»¹⁴. *Fitia* содействовала открытию центров и пунктов вакцинации в различных крупных больницах, проводились также мероприятия по повышению осведомлённости женщин о плановых прививках детей.

Первая леди стала членом Организации первых леди Африки против ВИЧ/СПИДа (*Organization of African First Ladies against HIV/AIDS, OAFIAD*). Она обменивалась опытом работы в социальной сфере с первыми леди других стран Африки. Например, в марте 2019 г. встречалась в Кении с Маргарет Кениата, и в малагасийских СМИ их называли «великими женщинами Африки, работающими на благо женщин, детей и уязвимых семей»¹⁵.

Миали ратовала за гендерное равенство. В 2020 г. в своей речи на ежегодном мероприятии в честь празднования Международного женского дня 8 Марта, она, обращаясь к женщинам-министрам, сказала: «В ваших силах действовать, менять восприятие и менталитет»¹⁶. В марте 2021 г. М. Радзуэлина совершила тур по стране, в ходе которого, посещая различные предприятия и компании, говорила об эмансипации и необходимости расширения прав женщин, что будет способствовать устойчивому развитию Мадагаскара.

Одним из важных общественных проектов является борьба с насилием в отношении женщин и детей. М. Радзуэлина — первая леди страны и мать троих детей — демонстрировала понимание важности борьбы с насилием, нарушающего не только права человека, но и угрожающего здоровью и жизни жертв насилия. На Мадагаскаре гендерное насилие испытали на себе 30% женщин и девочек, принадлежащих к различным социальным слоям, при этом 44% случаев составляет сексуальное насилие¹⁷. Радзуэлина неоднократно привлекала внимание общества к этой проблеме. С момента своего создания в 2010 г. ассоциация *Fitia* зарегистрировала около 14 тысяч случаев насилия и оказала поддержку более 10 тысячам его жертв¹⁸. В апреле 2019 г. Радзуэлина была официально назначена послом Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА — *United Nations Population Fund, UNFPA*) по борьбе с гендерным насилием. Выступая 23 мая 2019 г. в г. Осло (Норвегия)

¹⁴ La Première Dame Mialy Rajoelina certifié par l'OMS en tant que Marraine de la Santé de la Mère et de l'Enfant à Madagascar. URL: <http://www.presidence.gov.mg/actualites/738-la-premiere-dame-mialy-rajoelina-certifie-par-l-oms-en-tant-que-marraine-de-la-sante-de-la-mere-et-de-l-enfant-a-madagascar.html> (accessed: 29.04.2026).

¹⁵ Mialy Rajoelina – Margaret Kenyatta: Deux «First ladies» engagées dans les mêmes causes. URL: <http://www.midi-madagasikara.mg/politique/2019/03/22/mialy-rajoelina-margaret-kenyatta-deux-first-ladies-engagees-dans-les-memes-causes> (accessed: 28.04.2026).

¹⁶ First Lady's example #MyMadagascar #MahajangaMaVille. URL: <https://www.cocolodgemajunga-madagascar.com/en/exemplarite-de-la-premiere-dame-mymadagascar-mahajangamaville> (accessed: 27.04.2026).

¹⁷ International Conference on “Ending sexual and gender based violence in humanitarian crises”. URL: <https://association-fitia.com/international-conference-on-ending-sexual-and-gender-based-violence-in-humanitarian-crises> (accessed: 28.04.2026).

¹⁸ Célébration de l'Orange Day: la Première Dame engagée contre les violences envers les femmes et les filles. URL: <https://presidence.gov.mg/la-premiere-dame/2433-celebration-de-l-orange-day-la-premiere-dame-engagee-contre-les-violences-envers-les-femmes-et-les-filles.html> (accessed: 29.04.2026).

на международной конференции «Прекращение сексуального и гендерного насилия в условиях гуманитарных кризисов», в качестве конкретных мер по борьбе со всеми видами насилия, которые ей под силу как первой леди, она назвала переговоры с правительством о принятии закона по борьбе с гендерным насилием и создание структуры учреждений по реабилитации и поддержке жертв насилия. А 29 мая того же года в Антананариву на мероприятии, посвящённом 50-летию ЮНФПА, Миали заявила: «Я посвящу всю свою энергию нарушению тишины в отношении проблемы гендерного насилия в нашей стране»¹⁹.

В ноябре 2020 г. Миали начала национальную кампанию с целью остановить насилие в отношении женщин, девочек и детей. Благодаря её усилиям, на Мадагаскаре за последние годы были сделаны практические шаги по борьбе с гендерным насилием. Был принят ряд законодательных актов, в столице создан специализированный центр по борьбе с гендерным насилием, налажено сотрудничество с органами государственной власти (включая Министерство юстиции и Национальную жандармерию), проводились мероприятия, направленные на повышение осведомлённости о социально-экономических последствиях насилия.

Серьёзной проблемой, которая тормозит процесс устойчивого развития острова, является сохранение практики детских и ранних браков. Первая леди активно выступала, в том числе на международном уровне, за сокращение детских и ранних браков, число которых на Мадагаскаре одно из самых высоких в мире: 38,8% женщин в возрасте 20–24 лет составляют женщины, вышедшие замуж до 18 лет²⁰. Из-за бедности большинства населения (особенно в сельских районах) и сохранения практики полигамии закон, установивший брачный возраст на уровне 18 лет, соблюдается не всегда. За годы независимого развития в этом плане достижения страны незначительны. В 1963 г. мадагаскарская активистка Р. Андриаманандзату писала, что на острове «Замужняя женщина 16 лет — обычное явление» [23, с. 40].

В 2020 г. на повестке дня Мадагаскара, как и всего мира, стал *COVID-19*. Президент Радзуэлина уже в апреле заявил об изобретении местными учёными травяного напитка на основе полыни под названием «Ковид-органикс», отметив, что этим Мадагаскар «может сделать неоценимый вклад в борьбу с пандемией коронавируса» [24, с. 46]. В рамках борьбы с *COVID-19* была учреждена президентская программа *Vatsy Tsinjo* («Поставки продовольствия») по обеспечению предметами первой необходимости наиболее уязвимых групп населения. В этом проекте деятельное участие приняла также ассоциация *Fitia* во главе с первой леди. Миали способствовала оказанию помощи Мадагаскару со стороны первых леди других стран, например, в июле 2020 г. Пэн Лиюань (КНР) передала *Fitia* в дар 7,5 тонн риса²¹. На каждом проводимом Ассоциацией мероприятии М. Радзуэлина пыталась оказать конкретную помощь малообеспеченным жителям, например, в школах столицы была организована раздача ученикам туалетного мыла.

Первая леди в силу профессии (экономист и менеджер) и как мама подростков хорошо понимала эффективность распространения информации об опасном вирусе посредством рекламы, особенно в социальных сетях. Она записала

¹⁹ Madagascar removes tax on condoms in commitment to ensure rights and choices for all. URL: <https://esaro.unfpa.org/en/news/madagascar-removes-tax-condoms-commitment-ensure-rights-and-choices-all> (accessed: 29.04.2026).

²⁰ Madagascar. URL: <https://data.unwomen.org/country/Madagascar> (accessed: 29.04.2026).

²¹ Cérémonie de remise de don de matériels anti-épidémique à l'Ambassade de Chine. URL: <http://mg.china-embassy.org/fra/zxxx/t1797468.htm> (accessed: 29.04.2026).

специальный ролик (он стал очень популярным среди местных пользователей социальных сетей), в котором не просто призывала предпринимать надлежащие гигиенические меры для защиты от коронавируса, а конкретно показывала, чем и как необходимо мыть руки.

Первая леди изучала международный опыт решения социальных проблем. Например, в октябре 2021 г. приняла участие в работе Третьего Евразийского женского форума, который состоялся 13–15 октября 2021 г. в Санкт-Петербурге, где участвовала в заседании сессии «Женщины — лидеры инновационных социальных преобразований»²².

Общественность Мадагаскара положительно оценивала активность и внимание первой леди к социальным проблемам. СМИ называли её «представителем благородства» в окружении президента А. Радзуэлины. Местная пресса писала, что «Её присутствие рядом с ним было символом определённой стабильности и моральных ценностей внутри управленческой команды»²³.

Поборница гендерного равенства. В ноябре 2023 г. А. Радзуэлина была переизбрана президентом страны. Поддержка первой леди оставалась актуальной, так как она победил в условиях низкой явки избирателей и бойкота выборов большинством оппозиционных партий.

Третий период пребывания Миали в качестве первой леди опирался на её прошлые заслуги перед малагасийским обществом, доверие которого она во многом завоевала. Успешная деятельность в общественных проектах по борьбе с бедностью, расширению прав женщин и защите детей соответствовала базовым семейным и религиозным ценностям малагасийского общества. Как отмечает французский исследователь Эрвэ Мопе, «В ситуации, когда народное восприятие политики и даже отношения внутри высшей элиты определяются семейными ценностями, у первой леди появляется возможность влияния, значительно выходящего за пределы её домашнего очага» [25, р. 124]. Влияние первых дам зеркально отражает положение женщин в обществе вообще, а публичность такого влияния, как отмечает российский исследователь Н. А. Шведова, «...всегда зависит от господствующей в обществе тенденции к восприятию и реализации в стране принципов и политики гендерного равенства» [26, с. 53].

Президент Мадагаскара поддерживал гендерное равенство не только на словах. После переизбрания в 2023 г. он снова (как и в последние годы своего предыдущего срока) назначил министрами 11 женщин (из 27), в том числе министра иностранных дел, министра экономики и финансов.

Первая леди по-прежнему уделяла большое внимание становлению в стране гендерного равенства и борьбе с насилием в отношении женщин и детей. Совместно с ЮНФПА она организовала диалог высокого уровня по вопросам инвестиций в целях ускорения гендерного равенства, который состоялся 11 марта 2024 г. в столице Мадагаскара. В феврале 2024 г. успехи страны в борьбе с гендерным насилием отметила постоянный представитель ЮНФПА на Мадагаскаре Жозиан Ягибу. Некоторые мероприятия по борьбе с гендерным насилием с участием первой леди ре-

²² Женщины — лидеры инновационных социальных преобразований. URL: <https://roscongress.org/sessions/ewf-2021-zhenshchiny-lidery-innovatsionnykh-sotsialnykh-preobrazovaniy/participants/#> (дата обращения: 25.04.2026).

²³ Mialy Rajoelina: D'une Première Dame Élégante à une Simple Suiveuse. URL: <https://lgdi-madagascar.com/2023/11/02/politique/mialy-rajoelina-dune-premiere-dame-elegante-a-une-simple-suiveuse> (accessed: 27.04.2026).

ализовывались в рамках кампании «16 дней активных действий», которая ежегодно проводится под эгидой Генерального секретаря ООН и структуры «ООН-Женщины» (*UN-Women*). В ноябре 2024 г. во время очередной кампании М. Радзуэлина призвала молодёжь острова использовать социальные сети в борьбе с насилием, чтобы оперативно выявлять его случаи и помогать жертвам.

Активная общественная позиция первой леди способствовала улучшению положения малагасийских женщин. После парламентских выборов в мае 2024 г. доля женщин-депутатов в Национальной ассамблее (нижней палате парламента) составила 18,5%²⁴. В этом плане справедливы слова французского исследователя Катрин Кокри-Видрович: «Как действует первая леди и то, как её действия воспринимаются, принимаются и даже требуются гражданами, показывает, какое место сейчас занимают женщины, или, по крайней мере, некоторые женщины, в африканском общественном пространстве» [27, р. 30].

Расширение спектра общественной деятельности. Заметной была роль первой леди в новых проектах по развитию здравоохранения. На Мадагаскаре недостаточно медицинских учреждений и персонала, наблюдается нехватка лекарств, поэтому люди до сих пор часто вынуждены прибегать к традиционной медицине. Особенно остро стоит проблема медицинской помощи при родах и лечения осложнений после них, что «значительно усиливает социально-экономическую уязвимость женщин» [28, р. 54]. Продолжалась реализация начатой в 2019 г. программы, направленной на повышение доступности медицинских услуг для населения. 16 мая 2024 г. в г. Фианаранцуа первая леди запустила программу «Местная помощь», в ходе которой более 1500 человек прошли бесплатную диагностику и получили медицинскую помощь²⁵.

В 2020–2023 гг. в стране возобновились вспышки заболевания полиомиелитом, в результате которых были парализованы 55 детей²⁶. Однако, благодаря эффективным мерам реагирования, с сентября 2023 г. не было зарегистрировано ни одного нового случая заболевания. При поддержке ВОЗ 2024 г. был объявлен на Мадагаскаре годом иммунизации от полиомиелита под патронажем первой леди. В ходе первого и второго раундов комплексной кампании по вакцинации в 2024 г. от полиомиелита в 15 округах страны были привиты около 1,4 миллиона детей²⁷. Активное участие М. Радзуэлина в организации плановой иммунизации отмечал тогда постоянный представитель ВОЗ на Мадагаскаре Лоран Мусанго.

Президентская чета Радзуэлина вносила личный вклад в проекты, инициированные религиозными организациями. Например, она частично финансировала начальный этап строительства новой церкви святого Франциска Ассизского в Анциранане²⁸. Эта поддержка не случайна: на Мадагаскаре заметна роль Римско-католической церкви (РКЦ), вносящей значительный вклад в социаль-

²⁴ UN Women Madagascar. URL: <https://data.unwomen.org/country/madagascar> (accessed: 26.04.2026).

²⁵ Razafindrafito V. Mialy Rajoelina lance les "soins de proximité" à Fianarantsoa. URL: <https://www.lechodusud.com/post/mialy-rajoelina-lance-les-soins-de-proximite%C3%A9-%C3%A0-fianarantsoa> (accessed: 26.04.2026).

²⁶ Protecting against polio and Lymphatic Filariasis in Madagascar. URL: <https://polioeradication.org/news/protecting-against-polio-and-lymphatic-filariasis-in-madagascar> (accessed: 26.04.2026).

²⁷ Ibidem.

²⁸ Congrès Eucharistique National à Antsiranana – Le couple Rajoelina en communion avec l'Église catholique. URL: <https://laverite.mg/politique/item/22257-congr%C3%A8s-eucharistique-national-%C3%A0-antsiranana-le-couple-rajoelina-en-communion-avec-l-%C3%A9glise-catholique.html> (accessed: 25.04.2026).

ную сферу. В 2022 г. на острове ей принадлежали 278 медицинских учреждений (больниц и медицинских пунктов) [29, с. 15].

Помимо официальных встреч и деятельности в рамках благотворительной ассоциации *Fitia* первая леди охотно отзывалась на приглашения принять участие в мероприятиях, казалось бы, выходящих далеко за пределы её непосредственных функций. Например, 12 ноября 2024 г. в г. Антананариву она открыла так называемый «Джайпурский пеший лагерь» (*Jaipur Foot Camp*)²⁹, организованный Министерством иностранных дел Индии, в котором 500 местным инвалидам были бесплатно установлены протезы³⁰.

М. Радзуэлина была солидарна с позицией супруга-президента в отношении бескомпромиссной политики нулевой терпимости к насильникам детей. Она назвала справедливым вступившее в силу в феврале 2024 г. новое положение Уголовного кодекса, которое предусматривает химическую (а в некоторых случаях и хирургическую) кастрацию насильников детей, отмечая, что «Некоторые жертвы изнасилования умирают, другие несут физические и психологические последствия на всю оставшуюся жизнь, третьим приходится иметь дело с нежелательной беременностью»³¹.

Первая леди поддержала инициативу образовательного проекта *Action Education Sandraatra*, направленного на поддержку матерей-одиночек. В марте 2023 г. в г. Антананариву первая леди возглавила марш солидарности малагасийских женщин, в котором участвовали 75 матерей-одиночек, приехавших со всех регионов страны.

В последние годы власти Мадагаскара уделяли большое внимание проблеме развития предпринимательства, особенно среди молодёжи. В стране, где 45% населения моложе 18 лет, средний возраст предпринимателей составляет 41 год. В рамках национальной программы *Fihariana* правительство запустило несколько проектов, направленных на привитие предпринимательской культуры студентам общеобразовательных колледжей. В этом процессе участвовала и первая леди, имевшая опыт работы в бизнесе. Например, она стала покровителем проекта *Ankizy hihary* (в пер. на русский — «Дети собираются»), реализация которого началась в декабре 2024 года. Цель данной инициативы — ознакомление учащихся средних школ (с 6-го по 9-й класс) с предпринимательством. Супруга главы государства патронировала этот проект, так как считала (в том числе как мать троих детей) необходимым развивать у молодого поколения креативность, новаторство и инициативу. В сентябре 2024 г. на официальном запуске проекта *Ankizy hihary* в столичном лицее *Nanisana*, обращаясь к молодёжи, она сказала: «Будьте уверены в себе, имейте смелость мечтать и ставить высокие цели, чтобы впоследствии открыть собственный бизнес»³².

М. Радзуэлина продолжала уделять внимание развитию женского предпринимательства, особенно реализации проектов в социальной сфере и экологии. Она поддержала реализацию программы *Hope* («Надежда»), в рамках которой

²⁹ НПО Индии, помогающая инвалидам.

³⁰ Bilateral Exchanges with Madagascar. URL: <https://www.eoiantananarivo.gov.in/page/madagascar-bilateral> (accessed: 26.04.2026).

³¹ Viols, violences basées sur le genre — Mialy Rajoelina intransigeante contre les violences. URL: <https://www.moov.mg/article/82472-viols-violences-basees-sur-le-genre-mialy-rajoelina-intransigeante-contre-les-violences> (accessed: 25.04.2026).

³² Initiation à l'entrepreneuriat — Mialy Rajoelina et «Ankizy hihary» misent sur les collégiens! URL: <https://laverite.mg/societe/item/23031-initiation-%C3%A0-l%E2%80%99entrepreneuriat-mialy-rajoelina> (accessed: 27.04.2026).

женщины острова получили возможность бесплатно повысить свою квалификацию в области экономики и социальной сферы. В сентябре 2024 г. Миали вручила сертификаты первым 300 участникам этой программы³³. В марте 2025 г. под её эгидой была запущена программа по расширению возможностей молодых женщин-предпринимателей. В учебном лагере в г. Махадзанга прошли обучение 2,5 тысяч предпринимательниц. По итогам конкурса пятеро из них получили финансовую поддержку (по 50 млн малагасийских ариари)³⁴ на реализацию проектов по производству экологического древесного угля из скорлупы кокосовых орехов, переработке пищевых отходов в биогаз, производству органического масла моринги, разработке малагасийских настольных игр, а также изготовлению моющих и гигиенических салфеток из бамбука.

Постоянное деятельное участие первой леди в общественных проектах, направленных на развитие страны, соответствовало малагасийской пословице «Делать добрые дела — украшение женщины» (*Ny hatsaram-panahy no ravaky ny vehivavy*) [30, с. 305].

Под прицелом критики. Принятие или непринятие, а также резкая критика деятельности и личности первой леди во многом зависят от стиля её публичного поведения. Некоторые первые леди вызывают противоречивые эмоции. Например, исследователь из Камеруна Фред Эбоко в 2004 г. писал, что, несмотря на активную общественную деятельность Шанталь Бийя (Камерун), «ни одна африканская первая леди в настоящее время не вызывает больше споров, чем камерунка Шанталь Бийя, которая одновременно восхищает и вызывает презрение, забавляет, а порой внушает страх» [10, р. 91]. Спустя 20 лет её 92-летний супруг, президент Поль Бийя, по-прежнему остаётся у власти (в октябре 2025 г. его вновь переизбрали), а её саму продолжают критиковать за вездесущность и слишком яркий во всех отношениях образ (гротескные наряды и причёски), параллельно называя «теневым президентом» [10, р. 101].

Контрастный пример деструктивных моделей представляет Грейс Мугабе (Зимбабве), которая в условиях политического и экономического кризисов в Зимбабве, в т.ч. из-за западных санкций, предстала в образе расточительной дамы с политическими амбициями. Зимбабвийский правозащитник и активист Н. Э. Мойо в своей книге 2015 г. назвал её «первой женщиной-диктатором в Африке» [6]. Сюда же можно отнести и Лейлу Трабелси (Тунис), с именем которой напрямую связывали широкомасштабные хищения из государственной казны при президенте Бен Али (1987–2011 гг.) [14, с. 29]. Эти примеры демонстрируют, что общественная деятельность первой леди может восприниматься резко негативно, когда она сочетается с расточительностью и прямым вмешательством в политику.

В отличие от них, М. Радзуэлина с самого начала удалось создать имидж активного члена общества и обаятельной женщины. В комментариях к материалам местной прессы о первой леди можно было часто прочитать хвалебные отзывы её соотечественников — «красивая и сверкающая», «она естественна и элегантна», «нам не стыдно за нашу первую даму». За красоту и изящество

³³ Youssouffa I. Madagascar veut booster l'autonomisation des femmes. URL: <https://la1ere.francetvinfo.fr/mayotte/madagascar-veut-booster-l-autonomisation-des-femmes-1523810.html> (accessed: 28.04.2026).

³⁴ Ralitera M. Autonomisation des jeunes filles. Mialy Rajoelina soutient des projets à fort impact social. URL: <https://www.lexpress.mg/2025/03/autonomisation-des-jeunes-filles-mialy.html> (accessed: 28.04.2026).

французское издание *Monde Afrique* в 2023 г. назвало М. Радзуэлина «мадагаскарской Грейс Келли»³⁵.

Однако в последние годы президентства супруга её иногда называли «сложной фигурой в малагасийском политическом и социальном ландшафте»³⁶. Отдельные аналитики указывали на политический подтекст её общественной деятельности³⁷, а ассоциацию *Fitia* называли пропагандистским агентством властей. В то же время местная *La Gazette de la Grande Île* в 2023 г. писала, что она постепенно «превратилась в простую жену-декорацию, не имевшую права голоса или влияния на действия мужа»³⁸.

Заключение. Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов. В целом, опыт африканских стран показывает, что участие первых леди в проектах общественного развития стало устойчивым элементом политической культуры континента. На рассмотренном примере видно, что наиболее эффективными оказываются модели, где общественная деятельность супруги главы государства опирается на её профессиональную подготовку и приносит обществу конкретные положительные результаты. При этом общественное восприятие первых леди формируется на пересечении их реальных достижений и стиля публичного поведения. Успех сопутствует тем, кто сочетает прозрачность деятельности с опорой на культурный контекст страны, а критика чаще всего связана с восприятием первых леди как расточительных, политически ангажированных или лишённых реального влияния фигур.

Электорат ждёт от избранного лидера страны, что провозглашаемые им лозунги будут подтверждаться конкретными делами. Во многом эти ожидания распространяются и на первую леди. Для устойчивого развития африканских государств, которые в XXI в. сталкиваются с новыми вызовами, «необходима эффективная деятельность президента и первой леди, которая приносит обществу конкретные положительные результаты» [31, с. 82]. Первая леди Мадагаскара, экономист по образованию, обладающая опытом работы в бизнесе и социальных коммуникаций, участвуя в проектах общественного развития, по сути стала неформальным членом президентской команды. В марте 2025 г. М. Радзуэлина говорила: «Равенство — это не то, о чем вы заявляете, равенство — это то, что вы делаете каждый день»³⁹. Многие её поступки указывали на то, что этим принципом она руководствовалась на практике.

Малагасийский кейс Миали Радзуэлина представляет уникальный пример эволюции роли первой леди в условиях многократной смены политических режимов. Её деятельность, опиравшаяся на традиционный принцип «фихавана-на», способствовала реализации значимых социальных проектов даже в периоды политической нестабильности. Общественная деятельность Миали Радзуэлина была направлена на улучшение медицинского обслуживания, снижение

³⁵ Vallée O. La Première Dame Mialy Rajoelina, la Grace Kelly de Madagascar // Mondafrique. 2023. 2 novembre. URL: <https://mondafrique.com/limage-du-jour/la-premiere-dame-mialy-rajoelina-la-grace-kelly-de-madagascar/> (accessed: 28.04.2026).

³⁶ Quel impact Mialy Rajoelina a-t-elle en tant que Première dame de Madagascar? URL: <https://www.gasigasy.mg/personne/mialy-rajoelina> (accessed: 25.04.2026).

³⁷ Madagascar: un deuxième coup d'État pour Andry Rajoelina? URL: <https://legrandcontinent.eu/fr/2023/11/13/madagascar-un-deuxieme-coup-detat-pour-andry-rajoelina> (accessed: 25.04.2026).

³⁸ Mialy Rajoelina: D'une Première Dame Élégante à une Simple Suiveuse...

³⁹ Ranaivoson G. F. Mialy Rajoelina. «L'avenir se construit par l'éducation de nos filles». URL: <https://www.lexpress.mg/2025/03/mialy-rajoelina-lavenir-se-construit.html> (accessed: 28.04.2026).

уровня неграмотности, расширение прав женщин, противодействие насилию в отношении женщин и детей, а также поддержку женского предпринимательства. Вместе с тем в последние годы её роль всё чаще оценивалась критически как политизированная.

В октябре 2025 г. политический кризис, вызванный макроэкономическими проблемами и обвинениями главы государства и его окружения в коррупции, привёл к военному перевороту. Свержение президента и последующая эмиграция четы Радзуэлина завершили период публичной деятельности Миали в качестве первой леди⁴⁰. После свержения многих африканских лидеров неизменно звучат обвинения не только в их адрес, но и в адрес их супругов. Несмотря на критику в адрес М. Радзуэлина, необходимо признать её вклад в реализацию ряда социальных проектов на Мадагаскаре, который свидетельствует, что даже в условиях политической турбулентности первые леди способны играть конструктивную роль в общественном развитии страны.

Библиографический список / References

1. Sage A. Premières dames et first ladies: la femme du chef est-elle le chef du chef? *L'Afrique Politique. Femmes d'Afrique*. Paris: Éditions Karthala; 1998. P. 45–62.
2. Прокопенко Л. Я. Институт «первой леди» в странах Африки как феномен политической жизни // Азия и Африка сегодня. 2020. № 11. С. 34–41. DOI [10.31857/S032150750012185-5](https://doi.org/10.31857/S032150750012185-5). EDN [LECCOJ](https://edn.leccoj.ru).
Prokopenko L. Ya. The first lady institution in the countries of Africa as a phenomenon of political life. *Asia and Africa today*. 2020;(11):34–41. (In Russ.). DOI [10.31857/S032150750012185-5](https://doi.org/10.31857/S032150750012185-5).
3. Прокопенко Л. Я. Женщины и власть (на примере стран Юга Африки). М. : ИАФР РАН, 2018. 206 с. EDN [YNPCDJ](https://edn.ynpcdj.ru).
Prokopenko L. Ya. Women and Power (Southern Africa countries). Moscow: InAfr RAS. 2018. (In Russ.).
4. Abega J. Il était une fois Chantal Biya, première dame du Cameroun. US: CreateSpace Independent Publishing Platform; 2018.
5. Verhoeven B. Chantal Biya, la passion de l'humanitaire. Paris: Karthala; 2008.
6. Moyo N. E. The rise of Grace Mugabe — The fall of ZANU PF: Truth telling book about Africa's upcoming first female Dictator. Independent/Self-published; 2015.
7. Bartley P. Trailblazers: The first women elected to government. Cambridge: Polity; 2026.
8. Van Wyk J.-A. The first ladies of Southern Africa: trophies or trailblazers? *Politicon*. 2017;44(1):157–172. DOI [10.1080/02589346.2017.1279804](https://doi.org/10.1080/02589346.2017.1279804).
9. Van Wyk J.-A., Nyere C., Muresan A. African first ladies, politics and the state. *Politeia*. 2018;37(2):1–20. DOI [10.25159/0256-8845/4520](https://doi.org/10.25159/0256-8845/4520).
10. Eboko F. Chantal Biya: “fille du peuple” et égérie internationale. *Politique africaine*. 2004;95(3):91–106. DOI [10.3917/polaf.095.0091](https://doi.org/10.3917/polaf.095.0091).
11. Mayer C. H. Graça Simbine Machel: A psychobiography of an ultra-committed change-maker and global woman activist. In: Beyond Weird. Psychobiography in times of transcultural and transdisciplinary perspectives. Cham: Springer; 2023. P. 117–135. DOI [10.1007/978-3-031-28827-2_8](https://doi.org/10.1007/978-3-031-28827-2_8).
12. Мосейко А. Н. Мадагаскар. Особенности культурно-цивилизационного развития. М. : ИАФР РАН, 2018. 234 с. EDN [UUYVOH](https://edn.uuyvoh.ru).
Moseyko A. N. Madagascar: features of cultural and civilizational development. Moscow: InAfr RAS; 2018. (In Russ.).
13. Мосейко А. Н. Ценности семьи и роль женщины на Мадагаскаре // Общественная, политическая и культурная жизнь африканских стран в гендерном измерении. М. : ИАФР РАН, 2014. С. 103–130. EDN [TKQCOD](https://edn.tkqcod.ru).

⁴⁰ Президент Мадагаскара покинул страну на военном самолёте, сообщили СМИ // РИА новости. 13.10.2025. URL: <https://ria.ru/20251013/prezident-2047991276.html> (дата обращения: 25.04.2026).

- Moseyko A. N. family values and the role of women in Madagascar. In: Public, Political, and cultural life of African countries in the gender dimension. Moscow: InAfr RAS; 2014. P. 103–130. (In Russ.).
14. Жерлицына Н. А. Семейный клан экс-президента Туниса Бен Али: 20 лет коррупции и nepотизма // Общественная, политическая и культурная жизнь африканских стран в гендерном измерении. М. : ИАФР РАН, 2014. С. 26–30. EDN [TKPYER](#).
Zherlitsyna N. A. The family clan of Tunisian ex-president Ben Ali: 20 years of corruption and nepotism. In: Public, Political, and cultural life of African countries in the gender dimension. Moscow: InAfr RAS; 2014. P. 26–30. (In Russ.).
 15. Денисова Т. С. Женщины островных государств Африки: социальное положение и политическая деятельность // Островные государства Африки: история, политика, экономика, культура. М. : ИАФР РАН, 2025. С. 55–84. EDN [SXZIBA](#).
Denisova T. S. Women in the island states of Africa: social status and political activity. In: Island states of Africa: history, politics, economy, culture. Moscow: InAfr RAS; 2025. P. 55–84. (In Russ.).
 16. Прокопенко Л. Я., Ткаченко А. А. Первые леди в общественно-политической жизни Египта и Туниса (1981–2011) // Азия и Африка сегодня. 2025. № 10. С. 70–79. DOI [10.31857/S0321507525100082](#). EDN [IOIVUB](#).
Prokopenko L. Ya., Tkachenko A. A. First ladies in socio-political life of Egypt and Tunisia (1981–2011). *Asia and Africa today*. 2025;(10):70–79. (In Russ.). DOI [10.31857/S0321507525100082](#).
 17. Харитоновна Е. В., Мосейко А. Н. Постколониальная Африка южнее Сахары. Вопросы гуманитарного знания: Опыт междисциплинарного исследования. М. : ИАФР РАН, 2024. 480 с. EDN [WVJTKQ](#).
Kharitonova E. V. Moseyko A. N. Postcolonial Sub-Saharan Africa. Issues of Humanitarian Knowledge. The experience of interdisciplinary research. Moscow: InAfr RAS; 2024. (In Russ.).
 18. Morna C. L. [et al.] (eds) SADC Gender Protocol 2014 Barometer. Johannesburg: Gender Links; 2014.
 19. Имбики А. Национальное примирение: сложный случай Мадагаскара. М. : ИАФР РАН, 2013. 60 с.
Imbiki A. National reconciliation: the complex case of Madagascar. Moscow: InAfr RAS; 2013. (In Russ.).
 20. Карташова Л. А. Мадагаскар и я. М. : Экон-Информ, 2011. 271 с. EDN [QKKBWF](#).
Kartashova L. Madagascar and Me. Moscow: Econ-Inform; 2011. (In Russ.).
 21. Шленская С. М. Участие ОАЕ/АС и САДК в урегулировании политических кризисов на Мадагаскаре // Африканские конфликты и кризисы: причины и пути решения. М. : ИАФР РАН, 2019. С. 182–190. EDN [KEPEER](#).
Shlenskaya S. M. Participation of the OAU/AU and SADC in resolving political crises in Madagascar. In: African conflicts and crises: reasons and ways of settlement. Moscow: InAfr RAS; 2019. P. 182–191. (In Russ.).
 22. Altius A., Raveloharimisy J. Women's access to political leadership in Madagascar: The value of history and social political activism. *Journal of International Women's Studies*. 2016;17(4):132–142.
 23. Андриаманандзату Р. Р. Голос Мальгашских женщин // Азия и Африка сегодня. 1963. № 8. С. 35–40.
Andriamanandzaty R. R. Voice of Malagasy women. *Asia and Africa today*. 1963;(8):35–40. (In Russ.).
 24. Абрамова И. О. Коронавирус в Африке: социально-экономические и политические последствия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 5. С. 38–56. DOI [10.23932/2542-0240-2020-13-5-3](#). EDN [SSHDBU](#).
Abramova I.O. Coronavirus in African: social, economic and political consequences. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2020;13(5):38–56. (In Russ.). DOI [10.23932/2542-0240-2020-13-5-3](#).
 25. Maupeu H. Lucy Kibaki, débat domestique et autorité politique. *Politique africaine*. 2004;95(3):107–124. DOI [10.3917/polaf.095.0107](#).
 26. Шведова Н. А. Институт Первой леди как компонент американской политической культуры // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 51–58. EDN [RENOKB](#).
Shvedova N. S. The first lady institute as a factor of political culture in USA. *Women In Russian Society*. 2013;(3):51–58. (In Russ.).

27. Coquery-Vidrovitch C. Des reines mères aux épouses de president. *Politique africaine*. 2004;95(3):19–31. DOI [10.3917/polaf.095.0019](https://doi.org/10.3917/polaf.095.0019).
28. Pourette D., Pierlovisi C., Randriantsara R. [et al.] Avoiding a “big” baby: Local perceptions and social responses toward childbirth-related complications in Menabe, Madagascar. *Social Science & Medicine*. 2018;218:52–61. DOI [10.1016/j.socscimed.2018.10.002](https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2018.10.002).
29. Захаров И. А., Горюхов С. А. Социальная миссия религиозных организаций в Африке: новые вызовы и возможные ограничения // Ученые записки Института Африки РАН. 2025. Т. 11, № 1. С. 5–25. DOI [10.31132/2412-5717-2025-70-1-5-25](https://doi.org/10.31132/2412-5717-2025-70-1-5-25). EDN [URAJXV](https://www.edn.ru/URAJXV).
Zakharov I. A., Gorokhov S. A. The social mission of religious organizations in Africa: new challenges and potential limitations. *Journal of the Institute for African Studies*. 2025;11(1):5–25. (In Russ.). DOI [10.31132/2412-5717-2025-70-1-5-25](https://doi.org/10.31132/2412-5717-2025-70-1-5-25).
30. Новоспасская Н. В., Раадранириана А. М., Лазарева О. В. Образ женщины в русской, французской, испанской и малагасийской лингвокультурах на материале паремий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10, № 2. С. 301–322. DOI [10.22363/2313-2299-2019-10-2-301-322](https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-301-322). EDN [VIDYUO](https://www.edn.ru/VIDYUO).
Novospasskaya N. V., Raandraniriana A. M., Lazareva O. V. Image of a woman in Russian, French, Spanish and Malagasian linguo-cultures on the material of paremia. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2019;10(2): 301–322. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2299-2019-10-2-301-322](https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-301-322).
31. Прокопенко Л. Я. Супруги на Олимпе власти: роль «первой пары» в Африке, влияние ее имиджа на имидж страны // Ученые записки Института Африки РАН. 2022. № 1. С. 82–100. DOI [10.31132/2412-5717-2022-58-1-82-100](https://doi.org/10.31132/2412-5717-2022-58-1-82-100). EDN [GFLKXW](https://www.edn.ru/GFLKXW).
Prokopenko L. Ya. Spouses on the Olympus of power: the role of the “first couple” in Africa, influence of its image on the image of the country. *Journal of the Institute for African Studies*. 2022;(1):82–100. (In Russ.). DOI [10.31132/2412-5717-2022-58-1-82-100](https://doi.org/10.31132/2412-5717-2022-58-1-82-100).

Поступила: 03.05.2026. Доработана: 08.06.2026. Принята: 17.06.2026.

Сведения об авторе:

Прокопенко Любовь Ярославовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр изучения стран Африки южнее Сахары, Институт Африки РАН. Москва, Россия.

skole60@mail.ru

Author ID РИНЦ: [415212](https://elibrary.ru/415212); ORCID: [0000-0002-1121-8828](https://orcid.org/0000-0002-1121-8828)

L. Ya. Prokopenko¹

¹ Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

PARTICIPATION OF AFRICAN FIRST LADIES IN SOCIAL DEVELOPMENT PROJECTS: THE CASE OF MIALY RAJOELINA (MADAGASCAR)

Abstract. The article analyzes the evolution of the public role of a first lady under conditions of political instability, using the example of the former First Lady of Madagascar, Mialy Rajoelina. Drawing on functional, biographical, and comparative research methods, the article examines the activities of M. Rajoelina, who played an active role in social development projects during the three terms her husband, President Andry Rajoelina, held office. It is shown that the public activities of heads of state's spouses within the framework of charitable foundations enable them to participate in addressing social problems, which, in turn, becomes a tool for shaping a positive public image of the president-spouse. It is established that the key areas of M. Rajoelina's activities included combating poverty, HIV/AIDS, and violence against women and children, as well as projects to develop national education and healthcare. Similarities have been identified between the public activities of the former First Lady of Madagascar and those of the spouses of other heads of state on the continent. It is noted that the extent of M. Rajoelina's public engagement was shaped by her education, professional background, value orientations, religious beliefs, the nature of her relationship

with her spouse, and her personal qualities. It is concluded that constant attention to the social issues facing Malagasy society and the search for partners to implement new initiatives helped M. Rajoelina to occupy a significant place in the country's public landscape. At the same time, the First Lady also faced criticism from the opposition, which pointed to the political undertones of her public projects. The article contributes to understanding the institution of the first lady in African countries.

Keywords: first ladies; Africa; Madagascar; Mialy Rajoelina; social development; political culture; charity; gender equality

For citation: Prokopenko L. Ya. Participation of African first ladies in social development projects: the case of Mialy Rajoelina (Madagascar). *Science. Culture. Society*. 2026;32(3):114–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.8>

Received: 03.05.2026. Corrected: 08.06.2026. Accepted: 17.06.2026.

Author information:

Liubov Ya. Prokopenko, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

skole60@mail.ru

ORCID: [0000-0002-1121-8828](https://orcid.org/0000-0002-1121-8828)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.3.9](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.9)
EDN [YCUXWQ](https://www.edn.ru/ycuxwq)
УДК 316.346.2

А. В. Швецова¹

¹Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия

КОРПОРАТИВНАЯ ПОДДЕРЖКА МАТЕРИНСТВА И КАРЬЕРНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЖЕНЩИН

Аннотация. В современных условиях бизнес рассматривается как важный актор демографической политики, однако её микроуровневые последствия для профессиональных траекторий остаются малоизученными. В статье рассматривается влияние мер поддержки сотрудников с детьми на карьерную устойчивость женщин в российских коммерческих организациях. Эмпирическую базу исследования составили 60 глубинных полуструктурированных интервью с работниками предприятий Уральского, Северо-Западного и Сибирского федеральных округов РФ. Методом тематического анализа были выделены ключевые темы: (1) зависимость карьерных траекторий от индивидуальных качеств; (2) гендерные особенности влияния родительства на карьеру; (3) корпоративная поддержка сотрудников с детьми как компенсаторный ресурс. Полученные результаты показывают, что вопрос влияния структурных факторов в контексте женской карьеры остаётся невидимым: доминирует индивидуалистская логика, и информанты склонны считать успешность совмещения материнства и работы результатом индивидуальных личностных качеств (мотивации, амбициозности, способностей). Неравномерность распределения родительской нагрузки описывается как нормализованная практика, а её отрицательные эффекты на карьеру женщин (так называемый «материнский штраф») не осмысливаются критически. В статье обосновывается, что корпоративная поддержка функционирует как ограниченный компенсаторный ресурс, обладающий селективностью и фрагментарностью. Корпоративные меры поддержки смягчают отдельные барьеры совмещения работы и родительства, однако не устраняют структурные ограничения карьерной устойчивости женщин. Исследование вносит вклад в понимание противоречий между инструментальными задачами корпоративной демографической политики и фактическими карьерными рисками матерей, демонстрируя необходимость смещения аналитического фокуса с макроуровневых показателей на микроуровневые последствия.

Ключевые слова: корпоративная демографическая политика; материнство; родительство; карьерная устойчивость; баланс работы и семьи; материнский штраф; женская занятость

Для цитирования: Швецова А. В. Корпоративная поддержка материнства и карьерные возможности женщин // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 3. С. 132–142. DOI [10.19181/nko.2026.32.3.9](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.9). EDN [YCUXWQ](https://www.edn.ru/ycuxwq).

Благодарность: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00854, <https://rscf.ru/project/24-18-00854/>

Введение. В последние годы в России происходит активное формирование и институционализация корпоративной демографической политики, направленной на вовлечение бизнеса в решение демографических задач [1; 2]. Эти процессы напрямую связаны с негативными демографическими тенденциями, в частности устойчивым снижением рождаемости. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в 2025 г. снизился до отметки 1,374 – при уровне простого воспроизводства 2,1 это свидетельствует о депопуляции¹. Правительство выделяет демографию в число приоритетных задач, что нашло отражение в нацио-

¹ В России снизился суммарный коэффициент рождаемости в 2025 году // Коммерсантъ. 23.01.2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8365181> (дата обращения: 15.04.2026).

© Швецова А. В., 2026

нальном проекте «Семья»² (до 2025 г. – национальный проект «Демография»), предусматривающем повышение СКР и рост числа многодетных семей (планируемый рост СКР третьих и последующих детей к 2030 г. составляет 0,475 ед.³) через расширенную материальную поддержку семей с детьми. Указом Президента № 309 от 7 мая 2024 г.⁴), поставлена цель повысить СКР до 1,6 к 2030 г. и до 1,8 к 2036 г. Усиление внимания государства к проблемам снижения рождаемости и поддержания демографической устойчивости сопровождается расширением инструментов, стимулирующих участие организаций в поддержке работников с семейными обязанностями. Одним из таких инструментов стало внедрение ЭКГ-рейтинга⁵, который фиксирует социальную ответственность компаний, включая меры, ориентированные на поддержку сотрудников с детьми [3; 4]. В рамках данной повестки бизнес рассматривается как важный актор демографической политики, способный через корпоративные практики влиять на репродуктивное поведение и качество жизни работников [5; 6]. В научной литературе данные меры, как правило, анализируются через призму их вклада в демографические показатели [7], а также как инструмент кадрового управления организацией [8]. Немногочисленны исследования, где внимание уделяется микроуровневым последствиям внедрения корпоративной демографической политики, в частности, её влиянию на профессиональные траектории работников [9].

На сегодняшний день в российском научном сообществе развиваются несколько крупных научных школ, общей целью которых выступает поиск решений сложившихся демографических проблем. Актуальные исследования в области демографии фиксируют ключевые закономерности рождаемости и влияния государственных мер на репродуктивное поведение населения. В работах В. Н. Архангельского и коллег проанализированы современные тенденции рождаемости в России и эффекты мер государственной поддержки, в частности, феномен тайминговых сдвигов [10]. А. И. Антонов, А. Б. Синельников и Е. Н. Новоселова, рассматривая социологические исследования семьи и демографии в контексте фамилистической парадигмы, подчёркивают необходимость создания соответствующей социальной атмосферы для решения демографических задач [11]. В. Н. Архангельский, С. Ю. Сивоплясова и М. Е. Моисеева выделяют модели рождаемости относительно реальных поколений. Авторы приходят к выводу, что основным фактором репродуктивного поведения выступают ценностные ориентации, что означает, в свою очередь, необходимость влиять на эти ориентации [12]. О. А. Козлова и О. О. Секички-Павленко анализируют модели репродуктивного поведения женского населения России

² Национальный проект «Семья»: [официальный сайт]. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/> (дата обращения: 18.04.2026).

³ Национальный проект «Семья» // Правительство России: [официальный сайт]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/915/about/> (дата обращения: 15.04.2026).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Президент России: [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 15.04.2026).

⁵ ЭКГ-рейтинг — российская система оценки и продвижения социально ответственных компаний, интегрированная в государственную политику и ориентированная на достижение национальных целей развития. Рейтинг оценивает бизнес по трём ключевым направлениям: Э — экология, К — кадры, Г — государство. В контексте корпоративной демографической политики компонент «Кадры» напрямую стимулирует компании внедрять меры, направленные на поддержку сотрудников с семейными обязанностями: оплачиваемый отпуск по уходу за ребёнком сверх законодательной нормы, материальную помощь при рождении детей, гибкий график, корпоративные детские сады и т.д. Высокая позиция в ЭКГ-рейтинге даёт бизнесу репутационные преимущества и практические выгоды (доступ к господдержке, субсидиям и льготному финансированию). URL: <https://экр-рейтинг.рф>.

и фиксируют сдвиги по всем основным показателям рождаемости: снижение показателей общей и суммарной рождаемости, сдвиги в возрастной структуре рождаемости, ориентацию на одно-двухдетную модель семьи, увеличение среднего возраста матери при рождении ребёнка [13]. Прогнозные сценарии рождаемости, разработанные О. А. Козловой совместно с В. Н. Архангельским, исходящие из предположения о тайминговых сдвигах в календаре рождений, предполагают, что суммарный коэффициент рождаемости в России в 2050 г. может составить 1,77 [14]. Эти и другие работы российских демографов определяют высокий уровень разработанности проблематики рождаемости и государственной демографической политики.

Исследования указывают на наличие «штрафа за материнство», выражающегося в замедлении карьерного роста, снижении доходов и ограничении доступа к управленческим позициям, что проявляется в виде таких структурных гендерных барьеров, как «стеклянный потолок» и «липкий пол» [15; 16; 17; 18]. Вместе с тем в существующих исследованиях недостаточно раскрыт вопрос о том, каким образом корпоративные меры поддержки родительства соотносятся с карьерной динамикой сотрудников, особенно женщин, для которых совмещение материнства и профессиональной деятельности сопряжено с повышенными рисками. Таким образом, возникает пробел в понимании целей корпоративной демографической политики как политики стимулирования рождаемости и её фактическими последствиями для карьерной устойчивости матерей. В этой связи особую актуальность приобретает анализ восприятия и интерпретации корпоративных мер поддержки самими сотрудниками, поскольку именно на уровне повседневных практик проявляется их реальное воздействие. Изучение субъективного опыта работников позволяет выявить механизмы, через которые корпоративная политика трансформируется в карьерные возможности или ограничения.

Теоретической основой исследования выступает структурно-институциональный подход, рассматривающий карьерные траектории как результат взаимодействия индивидуальных стратегий и институциональных ограничений. В рамках данного подхода родительство анализируется через призму гендерной асимметрии профессиональных последствий. При этом важно учитывать, что представления о корпоративной поддержке формируют репродуктивные установки и карьерные ожидания ещё до рождения детей [19], что обосновывает актуальность анализа субъективного опыта всех категорий работников. Целью исследования является анализ того, каким образом корпоративная демографическая политика воспринимается работниками в контексте влияния на карьерную устойчивость женщин.

Дизайн исследования. Эмпирическую базу составили 60 глубинных полуструктурированных интервью с работниками коммерческих предприятий, проведённых в Уральском, Северо-Западном и Сибирском федеральных округах РФ (по 20 интервью в каждом округе). В выборку вошли респонденты из Свердловской, Челябинской, Ленинградской, Калининградской, Вологодской, Новосибирской и Иркутской областей. Интервью проводились с информантами в возрасте от 18 до 49 лет, с равным распределением по полу (30 мужчин и 30 женщин). В состав выборки вошли как родители с детьми разного возраста, так и работники, не имеющие детей. Включение в исследование бездетных респондентов обусловлено тем, что именно их представления о корпоративной поддержке и карьерных перспективах в контексте родительства формируют репродуктивные установки и влияют на принятие решений о деторождении [19]. Дополнительно варьировались типы организаций (малые, средние и крупные

предприятия), а также отрасли (промышленность, услуги, образование, здравоохранение, торговля, ИТ, финансы, транспорт). Средняя длительность интервью составила 45–90 минут, все интервью были записаны на диктофон с согласия респондентов. Сбор данных осуществлялся командой из восьми подготовленных интервьюеров под единым методическим контролем.

На этапе обработки данных был выполнен тематический анализ с использованием программы качественного анализа данных NVivo. На первом этапе проводилась транскрибация и первичное ознакомление с материалом. Далее осуществлялось открытое кодирование текстов интервью с выделением смысловых единиц, отражающих восприятие влияния детей на карьеру, гендерное распределение семейных обязанностей и роль корпоративной поддержки. На следующем этапе коды были сгруппированы в тематические категории, описывающие ключевые аспекты. Завершающий этап включал интерпретацию и уточнение тем на основе сопоставления кодов внутри исследовательской группы, что позволило сформировать устойчивую аналитическую структуру данных.

Тематический анализ влияния материнства на карьерную устойчивость женщин. Анализ интервью позволяет выявить комплекс взаимосвязанных тем, через которые сотрудники воспринимают и осмысливают влияние наличия детей на карьерные возможности. Эти темы отражают не только индивидуальные представления информантов, но и более широкие социальные нормы и институциональные условия. В совокупности данные указывают на существование структурных факторов, формирующих неравные условия карьерного развития для мужчин и женщин в контексте родительства.

• ***Зависимость карьерных траекторий от индивидуальных качеств***

Одной из наиболее распространённых тем в интервью является представление о том, что наличие детей не оказывает существенного влияния на карьерный рост, поскольку ключевую роль играют личные качества работника. Информанты в рамках этой логики подчёркивают автономность профессионального развития, связывая его с мотивацией, амбициями, способностью к самоорганизации и уровнем вовлеченности в работу. В подобных высказываниях дети рассматриваются как косвенный фактор, который может варьироваться по значимости в зависимости от индивидуальных стратегий поведения.

«Мне кажется, от людей [зависит]. То есть некоторые мужчины, например, не уделяют время ребёнку, он работает, карьера развивается... С точки зрения женщины... некоторые женщины, например, нанимают нянь и тоже развиваются, растут. Человек сам больше влияет, чем работа в данном случае» (м., 28 лет, 1 ребёнок, Екатеринбург).

«Я думаю, это не сильно влияет... если человек хочет карьерный рост, есть у него дети, нет у него детей, ему это никак не мешает» (м., 25 лет, детей нет, Иркутск).

«Нет, это чисто личная мотивация... есть дети, нет детей – тут чисто мотивация видна» (м., 39 лет, 2 ребёнка, Новосибирск).

Появление этой темы в интервью отражает устойчивость индивидуалистской логики, в рамках которой ответственность за карьерный успех полностью возлагается на самого человека. При этом структурные барьеры – гендерное распределение заботы или институциональные ограничения – игнорируются

либо интерпретируются как преодолимые при достаточном уровне усилий. Интервью также демонстрируют, что дети одновременно могут выступать как фактор, стимулирующий карьерное развитие, и как фактор, его ограничивающий. Эта двойственность проявляется в том, что родительство усиливает долгосрочную мотивацию, но снижает доступные ресурсы для её реализации:

«Для многих родителей это и толчок двигаться дальше, что у тебя есть ребёнок, которого тебе надо обеспечить... надо что-то придумывать, работать» (ж., 25 лет, детей нет, Иркутская область).

«Карьерному росту способствуют сверхусилия... а это ты должен затратить сверхвремени, которое ты отнимаешь у детей» (м., 36 лет, детей нет, Екатеринбург).

Таким образом, дети выступают как фактор, одновременно усиливающий мотивационную составляющую и ограничивающий ресурсную базу карьерного развития, что создаёт внутреннее противоречие в профессиональных стратегиях работников.

Карьерный рост в восприятии информантов тесно связан с высокой степенью вовлеченности, готовностью к переработкам и выполнению дополнительных задач. Это формирует норматив «идеального работника», который предполагает приоритет профессиональной деятельности над другими сферами жизни.

«Чтобы человека заметили... это надо выполнять сверхзадачи... это требует большего времени» (ж., 36 лет, 4 детей, Екатеринбург).

«Люди, у которых есть дети, стремятся уйти домой... не могут выполнять что-то сверх» (ж., 32 года, детей нет, Новосибирская область).

В этих условиях сотрудники с детьми, особенно с маленькими, оказываются в менее выгодном положении, поскольку их возможности соответствовать данным ожиданиям объективно ограничены. Это приводит к структурному конфликту между профессиональной и семейной ролями.

• **Гендерные особенности влияния родительства на карьеру**

Второй тематический блок связан с отличиями влияния наличия детей на карьеру человека. Практически во всех интервью подчёркивается, что последствия родительства распределяются неравномерно между мужчинами и женщинами, что обусловлено как социальными нормами, так и практиками ухода и воспитания. Женщины последовательно описываются как основные «ответственные» за родительский труд, что включает не только декретный отпуск, но и выполнение бытовых обязанностей, эмоциональный труд, детскую логистику:

«Женщины... не могут полноценно отдохнуть после рабочего дня, потому что нужно сделать уроки, постирать... это все в ответственности на женщинах» (ж., 33 года, детей нет, Новосибирск).

«Женщина ориентирована больше на семью... придётся перекладывать работу её на кого-то другого» (ж., 27 лет, детей нет, Санкт-Петербург).

«Нагрузка на женщину ложится гораздо больше... это сильно замедляет карьерный рост» (м., 21 год, 1 ребёнок, Санкт-Петербург).

В противоположность этому мужчины описываются как менее вовлечённые в заботу о детях и, соответственно, менее ограниченные в профессиональной деятельности:

«Для мужчин вообще, я думаю, никак не мешает» (ж., 33 года, детей нет, Новосибирск).

«Мужчина может продолжать работать... женщина без вариантов уходит в декрет» (ж., 27 лет, детей нет, Екатеринбург).

«Мужчина на работе не задумывается о том, отвели ли ребёнка... это большая задача женщины» (ж., 35 лет, 2 ребёнка, Калининградская область).

Дополнительно фиксируется различие в восприятии работников работодателями:

«Мужчина – лучший кандидат... для него дети – это знак стабильности, а для женщины – наоборот: больничные, декрет» (ж., 39 лет, 3 детей, Калининградская область).

Эти данные свидетельствуют о наличии устойчивого механизма гендерного неравенства, при котором материнство сопровождается снижением карьерных возможностей, тогда как отцовство не несёт сопоставимых негативных последствий и в ряде случаев даже усиливает профессиональную репутацию (так называемый «отцовский дивиденд»). Особое место в интервью занимает тема декретного отпуска, который рассматривается как ключевой фактор прерывания карьерной траектории. Информанты указывают на то, что длительное отсутствие в профессиональной среде приводит к утрате навыков, снижению конкурентоспособности и трудностям при возвращении к работе.

«Женщины в декрет уходят... они на какое-то время выпадают из процесса, и потом возвращаться тяжело» (м., 27 лет, детей нет, Новосибирск).

«Вряд ли это может помогать карьерному росту, когда ты просто отключаешься на несколько лет от работы» (ж., 45 лет, 1 ребёнок, Новосибирск).

«Девушки выучиваются... и потом не работают, потому что родили детей, им сложно вернуться» (ж., 26 лет, детей нет, Екатеринбург).

Таким образом, декрет выступает в роли институционально закреплённого разрыва карьерной траектории, оказывающего долгосрочное влияние на профессиональное развитие женщин.

• **Корпоративная поддержка как компенсаторный ресурс**

Среди инструментов корпоративной демографической политики, направленных на поддержку сотрудников с детьми, наиболее часто в интервью упоминаются следующие: финансовая помощь, гибкие формы занятости и возможность совмещения работы с декретным отпуском. Информанты отмечают, что подобные меры повышают лояльность сотрудников и способствуют сохранению их профессиональной активности. Однако такие практики носят эпизодический характер и не формируют устойчивых условий, способных системно компенсировать влияние материнства на карьеру.

«Руководитель часть оплаты за детский сад компенсирует... это очень сильно мотивирует сотрудников» (м., 23 года, детей нет, Екатеринбург).

Корпоративная поддержка воспринимается как забота со стороны руководителя, что способствует укреплению организационной лояльности. Важным механизмом поддержки признается также организационная гибкость, позволяю-

щая сотрудникам совмещать профессиональную деятельность с родительскими обязанностями. К таким практикам относятся возможность частичной занятости, удалённой работы или сохранения профессиональной активности в период декретного отпуска:

«Мы здесь всегда идём навстречу... есть топовые руководители, которые буквально через два месяца уже появляются в офисе... есть сотрудники, которые в декрете, но продолжают работать» (м., 27 лет, детей нет, Новосибирск).

«Она уходила в декрет... но при этом это ей не помешало... она совмещала и декрет, и работу, просто не на полный рабочий день» (ж., 25 лет, 1 ребёнок, Иркутск).

Подобные практики демонстрируют, что при наличии институциональной гибкости декретный отпуск может трансформироваться из разрыва карьерной траектории в форму временного снижения занятости. Это, в свою очередь, снижает риски профессионального выпадения и облегчает последующее возвращение к полноценной работе. Важным аспектом является также символическое измерение корпоративной поддержки. В ряде интервью подчёркивается, что сам факт готовности организации учитывать семейные обстоятельства сотрудников воспринимается как значимый фактор психологического комфорта и снижает уровень напряжения, связанного с необходимостью совмещения ролей:

«Сотрудники понимают, что компания поддерживают... это влияет на отношение к работе» (м., 23 года, детей нет, Екатеринбург).

Таким образом, корпоративная поддержка выполняет не только инструментальную, но и нормативно-ценностную функцию, формируя более инклюзивную организационную культуру. Однако, несмотря на выявленные положительные эффекты, анализ интервью показывает, что подобные практики носят фрагментарный и несистемный характер. Они зависят либо от конкретной компании, либо от позиции руководства, и не воспринимаются информантами как стандарт или обязательный элемент организационной политики. В большинстве высказываний корпоративная поддержка рассматривается как исключение, а не правило. Кроме того, даже при наличии поддержки она не всегда способна полностью компенсировать структурные ограничения, связанные с материнством. В частности, сохраняются требования высокой вовлечённости и доступности, которые вступают в противоречие с родительскими обязанностями. Это означает, что корпоративные меры зачастую смягчают последствия, но не устраняют их причины. В совокупности полученные данные позволяют интерпретировать корпоративную поддержку как ограниченный компенсаторный ресурс, обладающий следующими характеристиками:

1. Селективность – доступность зависит от компании, должности и принятых управленческих практик.
2. Фрагментарность – отсутствие системного характера и стандартизации.
3. Частичная эффективность – снижение негативных эффектов без их полного устранения.
4. Символическая значимость – влияние на лояльность и восприятие работодателя.

Таким образом, тематический анализ показывает, что, несмотря на распространённость мнения, что возможность карьерного развития связана с индиви-

дуальными характеристиками человека, реальные карьерные траектории формируются под влиянием структурных факторов (рис. 1). Неравномерное распределение родительского труда, институциональные особенности организации труда и ограниченность корпоративной поддержки создают неравные условия для мужчин и женщин. В результате материнство выступает значимым фактором снижения карьерной устойчивости, тогда как отцовство не оказывает сопоставимого негативного влияния.

Рисунок 1. Концептуальная схема тематического анализа

Заключение. Проведённое исследование позволяет уточнить место корпоративной демографической политики в системе факторов, влияющих на карьерные траектории работников, прежде всего женщин. Эмпирические данные показывают, что влияние материнства на карьеру варьируется в восприятии респондентов от отсутствия влияния до выраженного карьерного замедления. При этом ключевым различием выступает не столько сам факт родительства, сколько распределение семейной нагрузки и наличие поддержки. Анализ интервью выявляет устойчивую гендерную асимметрию в восприятии и практиках совмещения работы и родительства. Даже при формально нейтральных корпоративных условиях женщины чаще описываются как более вовлечённые в повседневную заботу о детях, что приводит к снижению их временных и энергетических ресурсов для карьерного продвижения. Мужчины, напротив, чаще рассматриваются как менее вовлечённые в заботу о детях родители, освобождённые от части семейных обязанностей, что усиливает их профессиональную вовлечённость. В результате карьерные эффекты родительства оказываются неравномерными – «материнский штраф» для женщин и «отцовский дивиденд» для мужчин.

Корпоративные меры поддержки сотрудников с детьми встраиваются в эту систему как ограниченный компенсаторный ресурс. С одной стороны, они способны снижать отдельные барьеры (финансовая нагрузка, организационные сложности, баланс ролей) и повышать лояльность сотрудников. С другой стороны, они не устраняют фундаментального перераспределения времени и ответственности внутри семьи и общества, следовательно, не нейтрализуют полностью карьерные риски, связанные с материнством. Корпоративная поддержка воспринимается как смягчающий, но не трансформирующий механизм.

Таким образом, результаты исследования позволяют заключить, что корпоративная демографическая политика в её текущем виде в большей степени ориентирована на поддержку семейных и демографических целей, чем на обеспечение карьерной устойчивости женщин. При этом её влияние на профессиональные

траектории носит опосредованный и контекстуальный характер и существенно зависит от семейной организации труда и гендерного распределения обязанностей. Полученные данные расширяют понимание корпоративной демографической политики, смещая аналитический фокус с демографических эффектов на карьерные последствия и показывая необходимость более комплексного подхода к оценке корпоративных мер поддержки, учитывающего не только их наличие, но и фактическое влияние на устойчивость профессиональных траекторий женщин.

Библиографический список

1. Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Багирова А. П. Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 5. С. 151–164. DOI [10.15838/esc.2021.5.77.9](https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9). EDN [SZVVIW](https://www.edn.ru/SHZVVIW/).
2. Bagirova A. P., Shvetsova A. V. Tertiary sector as a moderator for developing family-friendly policy // Civil Szemle. 2026. Vol. 23, No. 3. P. 69–84. DOI [10.62560/csz.2026.03.4](https://doi.org/10.62560/csz.2026.03.4). EDN [QDVSTV](https://www.edn.ru/QDVSTV/).
3. Багирова А. П. Корпоративная демография: баланс интересов государства, бизнеса и населения в регионах России // Экономика региона. 2025. Т. 21, № 4. С. 1109–1121. DOI [10.17059/ekon.reg.2025-4-13](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-4-13). EDN [BNSKGH](https://www.edn.ru/BNSKGH/).
4. Тобышева А. А., Шубат О. М. Корпоративная демографическая политика: детерминанты и практики // Human Progress. 2024. Т. 10, № 1. С. 6. DOI [10.34709/IM.1101.6](https://doi.org/10.34709/IM.1101.6). EDN [FBALPB](https://www.edn.ru/FBALPB/).
5. Немытов А. А., Шубат О. М. Успешные корпоративные практики российского бизнеса в сфере поддержки здоровья сотрудников // Human Progress. 2023. Т. 9, № 4. С. 20. DOI [10.34709/IM.194.20](https://doi.org/10.34709/IM.194.20). EDN [BKMNMS](https://www.edn.ru/BKMNMS/).
6. Шабунова А. А., Леонидова Г. В. Баланс работы и семьи: оценки успешных работающих родителей // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 1. С. 123–134. DOI [10.19181/population.2023.26.1.10](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.10). EDN [PWJWQK](https://www.edn.ru/PWJWQK/).
7. Шубат О. М., Багирова А. П., Янь Д. Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников: потенциал внедрения в российских регионах // Экономика региона. 2022. Т. 18, № 4. С. 1121–1134. DOI [10.17059/ekon.reg.2022-4-11](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-11). EDN [KGPWEO](https://www.edn.ru/KGPWEO/).
8. Вавилова А. С., Багирова А. П. Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников, как конкурентное преимущество российских организаций // Современная конкуренция. 2022. Т. 16, № 4(88). С. 74–84. DOI [10.37791/2687-0657-2022-16-4-74-84](https://doi.org/10.37791/2687-0657-2022-16-4-74-84). EDN [RZAGWY](https://www.edn.ru/RZAGWY/).
9. Калабихина И. Е. Родительские обязанности и дискриминация в сфере занятости // Население и экономика. 2017. Т. 1, № 1. С. 89–116. DOI [10.3897/popecon.1.e36034](https://doi.org/10.3897/popecon.1.e36034). EDN [BSHPFX](https://www.edn.ru/BSHPFX/).
10. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки / В. Н. Архангельский, Ю. В. Зинькина, А. В. Коротаев, С. Г. Шульгин // Социологические исследования. 2017. № 3(395). С. 43–50. EDN [YMFZPN](https://www.edn.ru/YMFZPN/).
11. Антонов А. И., Синельников А. Б., Новосёлова Е. Н. Социологические исследования в области семьи и демографии: отвечая на вызовы современности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30, № 4. С. 189–207. DOI [10.24290/1029-3736-2024-30-4-188-206](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-4-188-206). EDN [IYOVKD](https://www.edn.ru/IYOVKD/).
12. Arkhangel'skiy V. N., Sivoplyasova S. Yu., Moiseeva E. M. Exploring fertility dynamics and factors shaping Russia's demographic prospects // Changing Societies & Personalities. 2024. Vol. 8, No. 2. P. 291–312. DOI [10.15826/csp.2024.8.2.275](https://doi.org/10.15826/csp.2024.8.2.275). EDN [JGJUJS](https://www.edn.ru/JGJUJS/).
13. Козлова О. А., Секички-Павленко О. О. Модели рождаемости и репродуктивного поведения женского населения России: современные тенденции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 5. С. 218–231. DOI [10.15838/esc.2020.5.71.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.13). EDN [QQAQIY](https://www.edn.ru/QQAQIY/).
14. Козлова О. А., Архангельский В. Н. Прогноз рождаемости в России: подходы, гипотезы, результаты // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 9. С. 845–855. DOI [10.31857/S0869587321090061](https://doi.org/10.31857/S0869587321090061). EDN [NENHJW](https://www.edn.ru/NENHJW/).
15. Бирюкова С. С., Макаренцева А. О. Оценки «штрафа за материнство» в России // Население и экономика. 2017. Т. 1, № 1. С. 50–70. DOI [10.3897/popecon.1.e36032](https://doi.org/10.3897/popecon.1.e36032). EDN [GCYYZA](https://www.edn.ru/GCYYZA/).

16. Correll S. J., Benard S., Paik I. Getting a job: is there a motherhood penalty? // American Journal of Sociology. 2007. Vol. 112, No. 5. P. 1297–1338. DOI [10.1086/511799](https://doi.org/10.1086/511799).
17. Cukrowska-Torzewska E., Matysiak A. The motherhood wage penalty: A meta-analysis // Social Science Research. 2020. Vol. 88–89. P. 102416. DOI [10.1016/j.ssresearch.2020.102416](https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2020.102416). EDN [QVJELH](https://www.edn.ru/entry/qvjelh).
18. Громова Е. И. Гендерные особенности социальной мобильности во властных структурах разных регионов России и мира // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 1. С. 69–79. DOI [10.19181/nko.2021.27.1.6](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.1.6). EDN [VAFHGK](https://www.edn.ru/entry/vafhgk).
19. Багирова А. П., Соколова Е. Ю. Представления о корпоративной демографической политике и репродуктивные ориентации студенческой молодёжи: поиск взаимосвязи // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 3. С. 110–125. DOI [10.19181/nko.2025.31.3.8](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.8). EDN [NYZKYI](https://www.edn.ru/entry/nyzkyi).

Поступила: 23.04.2026. Доработана: 30.05.2026. Принята: 10.06.2026.

Сведения об авторе:

Швецова Анастасия Владимировна, кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Екатеринбург, Россия. shvetsovaav@mail.ru

Author ID РИНЦ: 715435; ORCID: 0000-0002-3379-1959

A. V. Shvetsova¹

¹ Ural Federal University. Ekaterinburg, Russia

CORPORATE SUPPORT FOR MOTHERHOOD AND WOMEN'S CAREER OPPORTUNITIES

Abstract. In modern conditions, business is considered an important actor in demographic policy, but its micro-level consequences for professional trajectories remain understudied. The article examines the impact of support measures for employees with children on the career sustainability of women in Russian commercial organizations. The empirical basis of the study comprised 60 in-depth semi-structured interviews with employees of enterprises located in the Ural, Northwestern, and Siberian Federal Districts of the Russian Federation. Using thematic analysis, the following key themes were identified: (1) the dependence of career trajectories on individual characteristics; (2) gender-specific features of the influence of parenthood on careers; (3) corporate support for employees with children as a compensatory resource. The findings indicate that the issue of the influence of structural factors in women's careers remains invisible: individualistic logic dominates, and respondents tend to perceive successful reconciliation of motherhood and employment as a result of individual personal qualities (motivation, ambitiousness, abilities). The unequal distribution of parental burden is described as a normalized practice, and its negative effects on women's careers (the so-called "motherhood penalty") are not critically reflected upon. The article substantiates that corporate support functions as a limited compensatory resource possessing selectivity and fragmentation. Corporate support measures alleviate some work–parenthood barriers but do not eliminate the structural constraints on women's career sustainability. The study contributes to understanding the contradictions between the instrumental tasks of corporate demographic policy and the actual career risks of mothers, demonstrating the need to shift the analytical focus from macro-level indicators to micro-level consequences.

Keywords: corporate demographic policy; motherhood; parenthood; career sustainability; work–family balance; motherhood penalty; female employment

For citation: Shvetsova A. V. Corporate support for motherhood and women's career opportunities. *Science. Culture. Society*. 2026;32(3):132–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.9>

Acknowledgements: This work is supported by the Russian Science Foundation, project 24-18-00854, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00854/>

References

1. Rostovskaya T. K., Shabunova A. A., Bagirova A. P. The concept for corporate demographic policy of Russian enterprises in the framework of corporate social responsibility. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021;14(5):151–164. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2021.5.77.9](https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9).
2. Bagirova A. P., Shvetsova A. V. Tertiary sector as a moderator for developing family-friendly policy. *Civil Szemle*. 2026;23(3):69–84. DOI [10.62560/csz.2026.03.4](https://doi.org/10.62560/csz.2026.03.4).
3. Bagirova A. P. Corporate demography: balancing the interests of the state, business and the population in the Russian regions. *Economy of Regions*. 2025;21(4):1109–1121. (In Russ.). DOI [10.17059/ekon.reg.2025-4-13](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-4-13).
4. Tobysheva A. A., Shubat O. M. Corporate demographic policy: determinants and practices. *Human Progress*. 2024;10(1):6. (In Russ.). DOI [10.34709/IM.1101.6](https://doi.org/10.34709/IM.1101.6).
5. Nemytov A. A., Shubat O. M. Successful Russian business practices of supporting employee health. *Human Progress*. 2023;9(4):20. (In Russ.). DOI [10.34709/IM.194.20](https://doi.org/10.34709/IM.194.20).
6. Shabunova A. A., Leonidova G. V. Work-family balance: assessments of successful working parents. *Population*. 2023;26(1):123–134. (In Russ.). DOI [10.19181/population.2023.26.1.10](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.10).
7. Shubat O. M., Bagirova A. P., Yan D. Corporate family-friendly policies: the possibility of implementation in Russian regions. *Economy of Regions*. 2022;18(4):1121–1134. (In Russ.). DOI [10.17059/ekon.reg.2022-4-11](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-11).
8. Vavilova A. S., Bagirova A. P. Integration of family-friendly policies into the corporate culture of the organization: benefits and effects. *Journal of Modern Competition*. 2022;16(4):74–84. (In Russ.). DOI [10.37791/2687-0657-2022-16-4-74-84](https://doi.org/10.37791/2687-0657-2022-16-4-74-84).
9. Kalabikhina I. E. Parental responsibilities and discrimination in employment. *Population and Economics*. 2017;1(1):89–116. (In Russ.). DOI [10.3897/popecon.1.e36034](https://doi.org/10.3897/popecon.1.e36034).
10. Arkhangelskiy V. N., Zinkina Yu. V., Korotayev A. V., Shulgin S. G. Modern fertility trends in Russia and the impact of the pro-natalist policies. *Sociological Studies*. 2017;(3):43–50. (In Russ.).
11. Antonov A. I., Sinelnikov A. B., Novoselova E. N. Sociological research in the field of family and demography: responding to the challenges of our time. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2024;30(4):189–207. (In Russ.). DOI [10.24290/1029-3736-2024-30-4-188-206](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-4-188-206).
12. Arkhangelskiy V. N., Sivoplyasova S. Yu., Moiseeva E. M. Exploring fertility dynamics and factors shaping Russia's demographic prospects. *Changing Societies & Personalities*. 2024;8(2):291–312. DOI [10.15826/csp.2024.8.2.275](https://doi.org/10.15826/csp.2024.8.2.275).
13. Kozlova O. A., Sekitski-Pavlenko O. O. Patterns of birth rate and Russian female population reproductive behavior: current trends. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020;13(5):218–231. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2020.5.71.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.13).
14. Kozlova O. A., Arkhangelskiy V. N. Fertility forecast in Russia: approaches, hypotheses, results. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2021;91(9):845–855. (In Russ.). DOI [10.31857/S0869587321090061](https://doi.org/10.31857/S0869587321090061).
15. Biryukova S. S., Makarentseva A. O. Estimates of the motherhood penalty in Russia. *Population and Economics*. 2017;1(1):50–70. (In Russ.). DOI [10.3897/popecon.1.e36032](https://doi.org/10.3897/popecon.1.e36032).
16. Correll S. J., Benard S., Paik I. Getting a job: is there a motherhood penalty? *American Journal of Sociology*. 2007;112(5):1297–1338. DOI [10.1086/511799](https://doi.org/10.1086/511799).
17. Cukrowska-Torzewska E., Matysiak A. The motherhood wage penalty: A meta-analysis. *Social Science Research*. 2020;88–89:102416. DOI [10.1016/j.ssresearch.2020.102416](https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2020.102416).
18. Gromova E. I. Gender features of social mobility in power structures of different regions of Russia and the world. *Science. Culture. Society*. 2021;27(1):69–79. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2021.27.1.6](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.1.6).
19. Bagirova A. P., Sokolova E. Y. Perceptions of employer family support and reproductive intentions among university students: the search for a relationship. *Science. Culture. Society*. 2025;31(3):110–125. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2025.31.3.8](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.8).

Received: 23.04.2026. Corrected: 30.05.2026. Accepted: 10.06.2026.

Author information:

Anastasia V. Shvetsova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. shvetsovaav@mail.ru
ORCID: [0000-0002-3379-1959](https://orcid.org/0000-0002-3379-1959)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.3.10](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.10)
EDN [ZDXXJB](https://edn.ru/ZDXXJB)
УДК 316

И. А. Селезнев¹, О. В. Гребняк¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ИНСТИТУТ В ЛИЦАХ: ФОТОКНИГА КАК ДОКУМЕНТ НАУЧНОЙ ПАМЯТИ (К ЮБИЛЕЮ ИСПИ ФНИСЦ РАН)

Аннотация. Рецензия посвящена фотокниге В. Н. Иванова «Институт в лицах. Страницы истории: 1991–2026» (М.: Издательство «У Никитских ворот», 2026. 128 с. ISBN 978-5-00246-641-2), выпущенной к 35-летию Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Рассматриваются замысел и структура издания, а также содержание фотодокументального материала, охватывающего период с основания Института в 1991 г. до юбилейного симпозиума 26 марта 2026 г. Отметим, что фиксируя профессиональные связи, формы научной работы, издательские проекты, участие сотрудников в российских и международных мероприятиях, а также преемственность исследовательских поколений, книга выходит за рамки иллюстрированного альбома. В рецензии раскрывается связь визуальной хроники с научной историей Института. Фотокнига рассматривается как источник коллективной памяти и визуальный документ истории отечественной социологии. Её ценность определяется сочетанием исторической ретроспективы, персонализированного рассказа о научной деятельности и свидетельств повседневной академической культуры. Издание представляет интерес для историков науки, социологов, политологов и специалистов по научной коммуникации, изучающих развитие академических учреждений в постсоветской России.

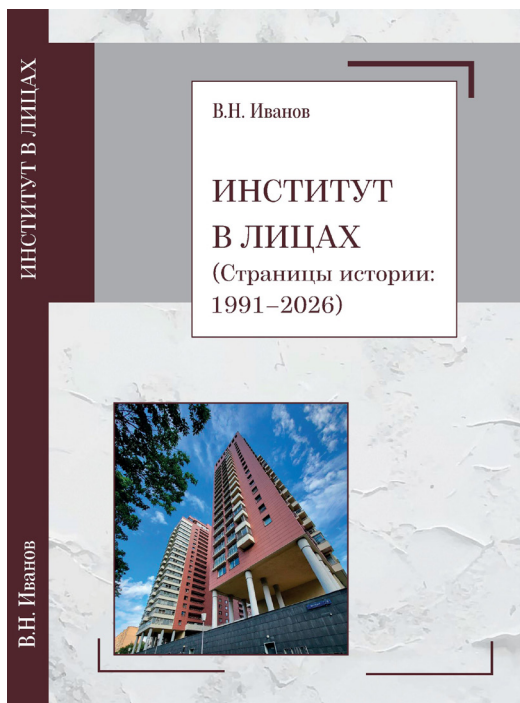
Ключевые слова: ИСПИ ФНИСЦ РАН; юбилей; история отечественной социологии; научная память; визуальная документация

Для цитирования: Селезнев И. А., Гребняк О. В. Институт в лицах: фотокнига как документ научной памяти (к юбилею ИСПИ ФНИСЦ РАН) // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 3. С. 143–149. DOI [10.19181/nko.2026.32.3.10](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.10). EDN [ZDXXJB](https://edn.ru/ZDXXJB).

Издание и его замысел. Ярким элементом юбилейных мероприятий к 35-летию Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН стало издание, которое не только фиксирует вехи прошлого, но и оживляет их через визуальные образы, сохраняя живую память о людях, создававших научную славу учреждения. Речь идёт о приуроченной к юбилею фотокниге Вилена Николаевича Иванова «Институт в лицах. Страницы истории: 1991–2026» [1]. Инициатива Вилена Николаевича в создании книги не случайна: он сыграл одну из ключевых ролей в становлении Института, занимая должность первого заместителя директора ИСПИ РАН с момента его создания в марте 1991 года по октябрь 2005 года.

Как отмечает П. Штомпка, сущность фотографии состоит в том, чтобы «закрепить, удержать неотвратимую кратковременность чего-то для последующего более глубокого анализа и интерпретации» [2, с. 74]. Превращая разрозненные снимки в структурированный архив научного учреждения, книга выходит за рамки простого альбома, становясь документом коллективной научной памяти, где фотография выступает полноценным методом исследования и самостоятельным историческим источником.

© Селезнев И. А., Гребняк О. В., 2026

Имя Вилена Николаевича Иванова¹ хорошо известно профессиональному сообществу: член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН он с первых дней существования Института принимал непосредственное участие в формировании его научного облика.

Вилен Николаевич знаменит не только научными трудами, но и открытием нового жанра социологической поэзии. Однако «Институт в лицах» необычен даже по этим масштабам. Это не научная монография, не сборник стихов и эпиграмм и не мемуары о становлении ведущего академического научно-исследовательского учреждения страны в области социологии и политологии, а иллюстрированная история ИСПИ через тематическую подборку фотографий об основных событиях в жизни Института и его сотрудниках. В. Н. Ивановым уже было опубликовано немало материалов по истории Института и отечественной социологии в целом. Новое издание, по словам автора,

дополняет и иллюстрирует ранее написанное. В этом состоит один из принципиальных замыслов – представить историю научного учреждения не только как последовательность организационных решений, публикаций и исследовательских проектов, но и как историю людей, научных связей, профессиональных встреч и коллективной работы.

Первая глава: научный профиль Института. Композиционно издание включает небольшое предисловие и две основные главы. В первой главе «Что есть Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН» даётся характеристика основных направлений и видов научно-исследовательской и организационной деятельности учреждения. Датой основания Института предлагается считать 26 марта 1991 года – день принятия соответствующего постановления Президиума АН СССР № 91.

Надо отметить, что научный профиль ИСПИ складывается из целого комплекса взаимосвязанных направлений, охватывающих анализ и прогноз социальных, социально-политических и демографических процессов в России и странах Евразийского пространства, изучение социальной структуры и стратификации российского общества, его политических институтов, гражданского общества и механизмов устойчивого развития. Самостоятельные линии исследований связаны с историей и теорией социологии и политологии, социальной демографией, социологией молодёжи, права, религиозных и межкультурных отношений, конфликтов и рисков.

¹ В. Н. Иванов — член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН, профессор кафедры социологии РУДН им. П. Лумумбы, член Союза писателей России, председатель Совета по науке, культуре и публицистике Московской городской организации Союза писателей России, почётный доктор Института социологии РАН, почётный член Российского общества социологов, почётный член Военно-научного общества при Центральном доме Российской армии им. М. В. Фрунзе, заместитель главного редактора журнала «Наука. Культура. Общество», член редакционных коллегий ряда других научных журналов.

В последние десятилетия особое внимание уделяется цифровизации, информационной безопасности, гендерным ресурсам, социальным и гуманитарным ценностям, политической культуре и формированию образа будущего российского общества. Важное место занимает проводимый регулярно всероссийский мониторинг общественного мнения «Как живёшь, Россия?»², сравнительные и международные исследования, а также изучение процессов евразийской и постсоветской интеграции.

В этой же главе кратко освещаются сотрудничество Института с академическими центрами, его международные связи и создание кафедры ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам, первым руководителем которой был доктор философских наук А. С. Капто. В качестве отдельной вехи в истории Института отмечено включение ИСПИ в 2019 г. в состав Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук и назначение в 2020 г. директором Института доктора социологических наук В. К. Левашова.

Вторая глава: лица и события. Вторая глава *«Лица и деяния (кто сеял и сеет разное, доброе, нужное)»* составляет основной, собственно фотодокументальный массив издания. В ней собраны фотографии, сделанные в разные годы, или, выражаясь языком социологической терминологии, иконографические документы, содержащие информацию о работе ИСПИ, а главное – о людях, чьими трудами и талантом множились успехи научного коллектива Института. Фотоматериалы охватывают период с 1991 по 2026 г., однако не образуют непрерывной хроники: это выборочная, составленная из отдельных эпизодов визуальная история Института. Понятно, что сохранившиеся и собранные фотографии отражают не повседневную «текучку», а выхватывают наиболее яркие и значимые моменты из биографий научных сотрудников и истории организации в целом. Однако в качестве опорных ориентиров они создают содержательный и репрезентативный визуальный срез жизни ИСПИ.

Фотолетопись начинается с событий первых лет существования Института: на страницах книги представлены первый директор ИСПИ Г. В. Осипов, первый заместитель директора В. Н. Иванов, встречи с зарубежными и российскими политическими деятелями, участие сотрудников в международных социологических конгрессах, конференциях и научных поездках. В дальнейшем визуальный ряд последовательно вводит в историю Института новые поколения исследователей, руководителей и научных сотрудников, демонстрируя преемственность основных направлений его деятельности. Фотографии сопровождаются подписями, в которых указаны даты и места проведения мероприятий, а также должности и имена участников. Читатель наблюдает череду конференций, симпозиумов и рабочих совещаний, научные командировки и экспедиции, международные встречи, заседания диссоветов, защиты диссертаций. Отдельные материалы посвящены презентациям научных изданий, награждениям сотрудников и праздничным мероприятиям. Есть среди снимков и сцены неформального общения. Помимо внутринститутских событий, фотолетопись позволяет увидеть профессиональные, общественные и культурные связи сотрудников ИСПИ, их участие в российских и международных научных форумах, работу в экспертных группах и контакты с государственными и общественными организациями.

Отдельный блок составляют материалы об издательской и публикационной деятельности Института. В описании периодического сборника научных статей «Россия:

² Мониторинговые исследования «Как живёшь, Россия?» проводятся регулярно с 1992 года. На момент выхода статьи готовятся к изданию материалы 56-го этапа. Подробнее с данными мониторинга можно ознакомиться по ссылке: <https://испи.рф/соцмониторинг-как-живёшь-россия/> (дата обращения: 10.09.2026).

центр и регионы» отмечается, что его издание было связано с реализацией исследовательского проекта, который дополнял проводимый ИСПИ мониторинг «Как живёшь, Россия?». Сборник был призван показать процессы становления новой Российской Федерации, особенности взаимодействия её центра и регионов, а также решение актуальных социальных и политических проблем. На текущий момент увидели свет более 30 выпусков [3].

Уделено фото-внимание и истории издания журнала «Наука. Культура. Общество»³, созданного в 1995 году. Тут важно отметить, что издательская деятельность представлена в книге не как сопутствующее направление, а как один из устойчивых способов представления результатов научной работы Института и формирования профессиональной коммуникации.

Рассказано о продолжающейся до сих пор серии публикаций «Социальная и социально-политическая ситуация в России», ставшей одним из наиболее масштабных издательских проектов Института и позволяющей фиксировать трансформацию страны во всей её разноплановой сложности. Начало издательской серии положила подготовленная под руководством академика РАН Г. В. Осипова коллективная монография «Реформирование России: мифы и реальность» 1994 года [4], в которой были обобщены выводы учёных о рисках катастрофической динамики при сохранении радикального неолиберального курса. Современные выпуски серии представляют собой коллективные монографии, отражающие результаты исследований, выполненных сотрудниками Института в рамках государственных заданий, инициативных проектов и сотрудничества с партнёрскими научными коллективами. Включение этого материала во вторую главу закономерно: фотографии научных мероприятий здесь дополняются свидетельствами издательской работы, благодаря чему визуальная хроника связывается с конкретными результатами исследовательской деятельности.

Завершается фотодокументальный ряд материалами юбилейного симпозиума, состоявшегося 26 марта 2026 г. и посвящённого 35-летию Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Представленные фотографии возвращают читателя к непосредственному поводу создания книги и замыкают хронологическую перспективу – от основания Института до его современного состояния.

Барометр общественной устойчивости: научный путь Института. История ИСПИ, как уже упоминалось выше, началась 26 марта 1991 года, когда постановлением Президиума Академии наук СССР № 91 Институт социологии АН СССР был преобразован в две самостоятельные академические организации, одной из которых стал Институт социально-политических исследований. Учреждение возникло на переломе эпох, когда перед отечественной социологией стояла задача осмыслить последствия масштабных общественных преобразований и определить возможные сценарии дальнейшего развития страны. С первых лет работы ИСПИ стремился рассматривать состояние общества как результат взаимодействия экономических, социальных, политических, демографических, культурных, нравственных и психологических факторов. Такой подход требовал не только теоретического осмысления происходящих процессов, но и их регулярного эмпирического измерения. В ходе исследований 1990-х годов были выявлены наиболее острые последствия реформ: ухудшение демографической ситуации, усиление социальной напряжённости, осложнение межнациональных отношений, рост отчуждения

³ До 2005 года журнал носил названия: «Социальная политика и предпринимательство»; «Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство». URL: <https://www.journal-scs.ru> (дата обращения: 10.09.2026).

граждан от общественно-политической жизни и одновременно устойчивый запрос на социальную справедливость⁴.

В дальнейшем это направление получило более целостное выражение в разработке Индекса социально-политической устойчивости (ИСПУ) [6]. Опираясь на данные всероссийского мониторинга «Как живёшь, Россия?», ИСПУ позволяет оценивать динамику общественного состояния, соотношение факторов риска и консолидации, а также изменения в отношениях между государством и гражданским обществом, превращая разрозненные эмпирические данные в инструмент анализа долгосрочных тенденций. Тем самым индекс стал своеобразным научным барометром, фиксирующим не отдельное событие, а длительные изменения социально-политического климата страны. И в этом качестве он связан с общей научной миссией ИСПИ – обеспечивать социальную диагностику, экспертную оценку и прогнозирование развития российского общества.

Динамика индекса демонстрирует рост рисков устойчивости в 1992–1999 годах, перелом ситуации в 2000 году и первое вхождение индекса в «зону стабильного развития» в 2014 году. Далее наблюдалась положительная динамика, связанная со снижением рисков и усилением факторов общественной консолидации. В 2023 году ИСПУ достиг максимального значения за 34 года наблюдений (+13,9), а в 2025 году его величина составила +8,5 [7, с. 94].

Эти сведения не относятся непосредственно к содержанию фотокниги, зато позволяют лучше понять научный контекст, в котором складывалась деятельность представленного в ней коллектива.

Рецензируемая книга не раскрывает методологию расчётов и количественные показатели. Её основная задача заключается в представлении лиц и профессионального контекста, определявших формирование исследовательской базы Института, проведение мониторингов, подготовку научных отчётов и выработку экспертных заключений. Визуальная хроника тем самым приобретает дополнительный смысл: за фотографиями рабочих совещаний и научных дискуссий виден многолетний процесс наблюдения за обществом, его изменениями, связанными с ними рисками и факторами устойчивости.

Способность Института давать научно обоснованный ответ на вызовы времени становилась предметом рефлексии и в предыдущие юбилейные вехи. Так, к 25-летию ИСПИ отмечалось, что институт, сохраняя верность выбранной парадигме, успешно отвечает на острые запросы эпохи [8]. А к 30-летию особое внимание было уделено многолетним мониторинговым исследованиям как основе понимания социально-политической динамики страны в условиях турбулентности [9]. Нынешняя фотокнига логично продолжает традицию юбилейного осмысления, добавляя к ней визуальное измерение. В книге подчёркивается, что ИСПИ на протяжении всего своего существования разделял со страной общую судьбу, отражая её актуальные проблемы и противоречия. «Институт в лицах» сохраняет память о сотрудниках и событиях и становится визуально-документальным архивом научного подхода, в котором общественная устойчивость рассматривается как динамическое состояние, требующее постоянного изучения и осмысления.

Заключение. Главное достоинство книги «Институт в лицах» – в сочетании исторической ретроспективы с персонализированным представлением научной деятельности. Фотографии здесь имеют источниковедческое значение, они фиксируют состав участников событий, характер профессиональных связей, форматы научной работы и моменты, когда результаты этого труда получали общественное и профессиональное признание.

⁴ Подробнее о научном становлении Института см. [5].

Разумеется, фотокнига не претендует на исчерпывающее описание 35-летней истории Института социально-политических исследований. Отобранные материалы неизбежно носят фрагментарный характер, а визуальные документы всегда зависят от обстоятельств съёмки, сохранности архива и композиционных решений автора. При этом именно фрагментарность позволяет увидеть историю Института как мозаику профессиональных встреч и человеческих судеб.

«Институт в лицах. Страницы истории: 1991–2026» можно рассматривать и как юбилейный альбом, и в качестве визуального летописного источника. Книга представляет интерес для истории отечественной социологии, показывает преемственность научных поколений и сохраняет память о людях, создававших Институт на разных этапах его развития. Издание будет полезно сотрудникам Института, историкам науки, социологам, политологам, специалистам по научной коммуникации и для всех, кто изучает, как менялись академические учреждения в постсоветской России.

Библиографический список

1. Иванов В. Н. Институт в лицах. Страницы истории: 1991–2026. М. : У Никитских ворот, 2026. 128 с. ISBN 978-5-00246-641-2.
2. Штомпка П. Визуальная социология: Фотография как метод исследования. М. : Логос, 2010. 150 с. EDN [QONKSD](#).
3. Россия: центр и регионы: Сборник материалов научных исследований / под ред. В. Н. Иванова, Р. А. Курбанова. М. : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2024. 196 с. EDN [GOCVQB](#).
4. Реформирование России: Мифы и реальность (1989–1994) / Ю. П. Коваленко, И. Б. Орлова, В. И. Староверов [и др.]. М. : Academia, 1994. 384 с. EDN [VQBHDQ](#).
5. Левашов В. К., Иванов В. Н. К 35-летию Института социально-политических исследований: практики, вызовы и новые горизонты // Социологические исследования. 2026. № 7. С. 138–143. DOI [10.7868/S3034601026070119](#). EDN [TJJPVVO](#).
6. Левашов В. К. Социально-политическая устойчивость общества: теория, измерения, стратегии. М. : Научный мир, 2010. 370 с. EDN [QOMAYD](#).
7. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. Москва: ФНИСЦ РАН, 2025. 106 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025](#). EDN [ERLAQU](#).
8. Кара-Мурза С. Г. ИСПИ РАН дает ответ на вызовы времени // Социологические исследования. 2016. № 11(391). С. 26–34. EDN [WZJRPV](#).
9. Иванов В. Н. Наш Юбилей (30-летие Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН) // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 2. С. 50–60. EDN [CUZZJJ](#).

Поступила: 04.07.2026. Принята: 08.09.2026.

Сведения об авторах:

Селезнев Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

igdrake@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [74352](#); ORCID: [0000-0003-2862-9444](#)

Гребняк Оксана Валерьевна, научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

oksanarov@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [183639](#); ORCID: [0000-0002-4565-7095](#)

I. A. Seleznev¹, O. V. Grebnyak¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

INSTITUTE IN FACES: PHOTOBOOK AS A DOCUMENT OF SCHOLARLY MEMORY (ON THE ANNIVERSARY OF ISPR FCTAS RAS)

Abstract. This review examines V. N. Ivanov's photobook "Institute in Faces: Pages of History, 1991–2026" (Moscow: U Nikitskikh Vorot, 2026. 128 p. ISBN 978-5-00246-641-2), published to mark the 35th anniversary of the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. It considers the concept and structure of the book, as well as its photographic documentation covering the period from the Institute's establishment in 1991 to the anniversary symposium held on March 26, 2026. By documenting professional ties, forms of scholarly work, publishing projects, staff participation in Russian and international events, and the continuity of successive generations of researchers, the book goes beyond the format of an illustrated album. The review examines the connection between the visual chronicle and the Institute's scholarly history. The photobook is considered a source of collective memory and a visual document of the history of Russian sociology. Its value lies in combining historical retrospection, a personalized account of scholarly activity, and evidence of everyday academic culture. The book will be of interest to historians of science, sociologists, political scientists, and specialists in scholarly communication studying the development of academic institutions in post-Soviet Russia.

Keywords: ISPR FCTAS RAS; anniversary; history of Russian sociology; scholarly memory; visual documentation

For citation: Seleznev I. A., Grebnyak O. V. Institute in Faces: photobook as a document of scholarly memory (on the anniversary of ISPR FCTAS RAS). *Science. Culture. Society*. 2026;32(3):143–149. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.10>

References

1. Ivanov V. N. Institute in Faces. Pages of History: 1991–2026. Moscow: U Nikitskikh vorot; 2026. (In Russ.). ISBN 978-5-00246-641-2.
2. Zstompka P. Socjologia wizualna. Fotografia jako metoda badawcza. Moscow: Logos; 2010. (In Russ.).
3. Ivanov V. N., Kurbanov R. A. (eds) Russia: center and regions: collection of research materials. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics; 2024. (In Russ.).
4. Kovalenko Yu. P., Orlova I. B., Staroverov V. I. [et al.] Reforming Russia: myths and reality (1989–1994). Moscow: Academia; 1994. (In Russ.).
5. Levashov V. K., Ivanov V. N. On the occasion of the 35th Anniversary of the Institute of Socio-Political Research: practices, challenges, and new horizons. *Sociological Studies*. 2026;(7):138–143. (In Russ.). DOI [10.7868/S3034601026070119](https://doi.org/10.7868/S3034601026070119).
6. Levashov V. K. Socio-political stability of society: theory, measurements, strategies. Moscow: Nauchnyi mir; 2010. (In Russ.).
7. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. How are you, Russia? Express information. 55th stage of the All-Russian sociological monitoring, May 2025. Moscow: FCTAS RAS; 2025. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025).
8. Kara-Murza S. G. ISPR RAS responds to challenges of time. *Sociological Studies*. 2016;(11):26–34. (In Russ.).
9. Ivanov V. N. Our Anniversary (the 30-th Anniversary of the Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS). *Social and humanitarian knowledge*. 2021;(2):50–60. (In Russ.). Received: 04.07.2026. Accepted: 08.09.2026.

Author information:

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia. igdrake@yandex.ru
ORCID: [0000-0003-2862-9444](https://orcid.org/0000-0003-2862-9444)

Oksana V. Grebnyak, Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia. oksanarov@yandex.ru
ORCID: [0000-0002-4565-7095](https://orcid.org/0000-0002-4565-7095)

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

сетевой научный журнал

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 81252 от 30 июня 2021 г.

Соучредители:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Общественная российская академия социальных наук

Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 24/7, стр. 1

Главный редактор:

Виктор Константинович Левашов

Ответственный секретарь:

Оксана Валерьевна Гребняк

Журнал «Наука. Культура. Общество» включён в РИНЦ, перечень ВАК (К2),
Белый список/ЕГПНИ (Уровень 3, 2025).

ISSN 2713-0681

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте

<https://www.journal-scs.ru>

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции. При использовании материалов ссылка на журнал
«Наука. Культура. Общество» обязательна.

2026. Том 32. № 3. Дата выхода в свет: 30.09.2026.

Адрес редакции: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1

Тел.: +7 499 530-27-32. E-mail: nauka.kultura.obshchestvo@yandex.ru